

Мир

МИР ФАНТАСТИКИ

ЕВГЕНИЙ
ГУЛЯКОВСКИЙ

Чужие
пространства

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Мир фантастики (Азбука-Аттикус)

Евгений Гуляковский

Чужие пространства (сборник)

«Азбука-Аттикус»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)-445

Гуляковский Е. Я.

Чужие пространства (сборник) / Е. Я. Гуляковский — «Азбука-Аттикус», 2017 — (Мир фантастики (Азбука-Аттикус))

ISBN 978-5-389-12888-0

Студент-недоучка Степан Гравов даже не мог предположить, что рядовая экспедиция в `поле` заставит его круто поменять привычный уклад жизни и стать... Воином пространств. Но до этого ему пришлось прожить несколько жизней, побывать в шкуре степняка-кочевника, каторжника на инопланетных рудниках, космопилота, потерпевшего аварию, и даже леврана – огромного шестилапого монстра. И все для того, чтобы в итоге прекратить кровавую распрю в далеком будущем между двумя звездными суперцивилизациями.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)-445

ISBN 978-5-389-12888-0

© Гуляковский Е. Я., 2017
© Азбука-Аттикус, 2017

Содержание

Чужие пространства	6
Книга первая	6
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	34
Часть вторая	40
Глава 1	40
Глава 2	46
Глава 3	50
Глава 4	55
Глава 5	60
Глава 6	66
Глава 7	72
Глава 8	76
Часть третья	81
Глава 1	81
Глава 2	84
Глава 3	89
Глава 4	95
Глава 5	100
Глава 6	103
Глава 7	107
Глава 8	112
Глава 9	117
Глава 10	122
Глава 11	125
Глава 12	131
Глава 13	133
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Евгений Яковлевич Гуляковский

Чужие пространства

© Е. Гуляковский, 2017

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

Чужие пространства

Книга первая Чужие пространства

Часть первая Ученик чародея

Глава 1

В жизни некоторых людей, отмеченных высоким выбором судьбы, а быть может, собственным талантом или особым везением, наступают иногда моменты, когда от решения, казалось бы, пустякового на первый взгляд вопроса зависит ход исторических часов целых народов.

Иногда нечто подобное происходит и с людьми, не замеченными историей, но тем не менее оставившими в ней свой невидимый для современников след.

В жизни Степана Гравова такой день наступил семнадцатого сентября, когда, развернув случайно подвернувшуюся под руку вечернюю городскую газету, он обнаружил в ней объявление частного агентства по трудоустройству и туризму «Посредник».

«Если у вас приличная внешность, если вы не обременены семьей, не обросли долгами и обязанностями – одним словом, если вы молоды и свободны, если в вас не угас еще огонь романтики, обращайтесь к нам». Объявление, несмотря на несколько возвышенный стиль, показалось Степану достаточно любопытным; и поскольку, кроме первого пункта относительно внешности, вызвавшего у него некоторые сомнения, все остальные соответствовали его нынешнему социальному положению, а его теперешняя временная работа уже успела ему порядком надоест, он решил обратиться в агентство «Посредник» по указанному в объявлении адресу, не поленившись его разыскать среди узких улочек и маленьких захламленных дворики на окраине города.

Возможно, будь в объявлении указан телефон агентства или хотя бы перечень услуг, которые оно могло оказать, Степан не стал бы себя утруждать, но ничего этого не было – и вот вечером семнадцатого сентября он стоял перед железной калиткой с приклеенным к ней куском картона. Небрежно, наспех, черным карандашом на нем было написано всего два слова: «Агентство „Посредник“».

Степан постучал и, не дождавшись ответа, толкнул калитку. Она легко поддалась, открыв его взгляду обычный окраинный дворик с выводком кур, небольшим огородиком и слегка покосившейся мазанкой. Никого не было видно. Не лаяли даже собаки. Он уже начал жалеть о своей нелепой затее и совсем было собрался захлопнуть калитку, досадуя на себя за потраченное время, когда в глубине двора показался какой-то старик в заношенной куртке с лопатой в руках.

– Вам кого, молодой человек? – спросил старик издали. Из-под густых бровей сверкнули внимательные зеленоватые и не по-стариковски цепкие глаза.

– Да вот объявление... Вроде тут агентство какое-то, – несколько растерянно ответил Степан.

– Ну так проходите. Это действительно здесь.

Теперь уже уходить вот так сразу было неудобно, хотя ничего дельного от предстоящего разговора Степан не ждал. Какое-нибудь очередное дурацкое предприятие, рассчитанное на простаков, готовых платить деньги.

Такие фирмы за последнее время расплодились как грибы после дождя.

Он прошел вслед за стариком в дом, вытер ноги и оказался в светлой, по-деревенски обставленной горнице, испытывая все большую неловкость оттого, что не решил, как объяснить свой визит, когда разговор зайдет о деле. Ведь он не знал даже, каким «трудоустройством» занимается агентство.

– Ну-с, так чем мы можем быть вам полезны? – спросил старик, споласкивая под ручкой руки и вытирая их старым, но чистым полотенцем.

– Да вот прельстился вашим «огнем романтики» и, наверно, зря отнимаю у вас время...

– Нет, отчего же. Наша обязанность удовлетворять любые запросы клиента.

– Так уж и любые? – усмехнулся Степан.

– Многие. Можно сказать, большинство, – твердо, без тени шутки ответил старик, и вновь его глаза внимательно, испытующе прошлись снизу вверх по Степану, словно холодной водой обдав его с ног до головы. – Мы не указываем деталей услуг, которые можем оказать, именно потому, что они весьма обширны, а длинные объявления стоят дорого. Те, кому мы действительно нужны, рано или поздно находят к нам дорогу. Так, значит, вас интересует романтика... Этот товар сам по себе стоит нынче недорого. Все зависит от того, с чем вы собираетесь его использовать.

Разговор получался какой-то странный – нечто среднее между хорошим розыгрышем и непонятной тонкой аферой. Больше всего Степана заинтересовала иронически серьезная речь старика, говорившего о романтике так, словно он собирался взвешивать ее на килограммы и доподлинно знал, как это сделать.

– Ну что же, – стараясь подыграть тону беседы, проговорил Степан, – для начала я бы предпочел «романтику дальних странствий». Желательно зарубежных, – тут же добавил он, на ходу вставляя явно невыполнимое для этого заштатного предприятия условие.

– Похвальный выбор. Мы ищем серьезных клиентов. Однако плата соответственно возрастает. Двадцать пять процентов с зарплаты первого года, включая валюту. Внутри страны мы берем не более десяти процентов комиссионных, однако при организации «загранки» накладные расходы значительно увеличиваются.

– Ну разумеется! – охотно согласился Степан, готовый отказаться и от оставшихся семидесяти пяти процентов несуществующих заграничных доходов.

– Кроме того, для включения в нашу картотеку необходимо сделать обычный взнос. Пятьсот рублей.

«Вот это уже существеннее», – подумал Степан, испытывая легкое разочарование. Скорее всего, ради получения этой суммы и был затеян весь спектакль с объявлением о продаже романтики. Он твердо решил не отступать до конца, до тех пор, пока сумма расходов не превысит возможностей его довольно-таки скромного бюджета. В конце концов, за любую глупость нужно платить, а за эту он платил с особым, мстительным самому себе удовольствием – романтики ему, видите ли, захотелось... Не сказав ни слова, он выложил на стол пятисотенную купюру с новым российским флагом, и она тут же исчезла, растворилась, словно ее не было вообще, не оставив после себя никакого следа в виде какого-нибудь клочка бумаги, хоть отдаленно похожего на квитанцию. Минуту назад пятисотенник еще лежал на столе, и вот уже его не стало. Степан даже не заметил переходного момента, во время которого купюра переключалась из руки старика в его карман.

– Поскольку предварительные формальности соблюдены, взнос сделан, прошу вас пройти в нашу контору. Рабочее помещение у нас наверху.

Медленно, размеренно они стали подниматься по скрипучим старым ступеням, исчезающим в черном провале чердачного помещения. Степан думал о том, что его дурацкое стремление разглядеть за серым фасадом будней, скорее всего, несуществующую причинно-следственную начинку, в который уже раз приводит его на ступени старой как мир лестницы, ведущей туда, где доверчивая глупость, а иногда попросту безысходность одних превращается в звонкую монету для тех, кто лучше приспособлен к этому нелепому, вывернутому наизнанку миру.

Переступив последнюю ступеньку, Степан очутился в просторном светлом помещении, отделанном современными деревянными панелями. Но не эта неожиданная современность в отделке поразила его настолько, что он буквально прирос к порогу. На столе поблескивал «АРМСТРАД-2020» – английский персональный компьютер новейшего образца. Степан кое-что понимал в этой технике и сразу же оценил двойной дисковод, цветной дисплей и лазерный принтер, заполнившие стол своими сероватыми, с серебристой искрой телами и переплетением кабелей.

– Серьезная машина...

– Наша фирма вообще намного серьезнее, чем может показаться с первого взгляда, – строго проговорил старик, включая машину и вставляя в дисковод дискету, снятую с полки, где в черных пакетах с яркими этикетками стояли в строгом порядке десятки, сотни таких же дисков, содержащих мегабайты неведомой Степану информации.

– Итак, приступим к составлению договора. Ваши фамилия, имя, отчество, адрес?

– Нужны какие-то документы?

– Ничего, кроме правдивых ответов, не требуется. У нас есть возможность проверить нужную нам информацию.

Руки старика молниеносно забегали над клавиатурой машины, едва касаясь клавиш. Дисководы мягко заурчали, на дисплее вспыхнули и почти сразу же исчезли непонятные Степану слова. Он едва успел разглядеть вязь какого-то восточного письма. Старик развернул дисплей и вопросительно уставился на Степана. Степан начал отвечать на его вопросы и все никак не мог отделаться от странного ощущения, что ответы запаздывают, что старик начинал печатать раньше, чем он успевал сказать первое слово. Когда ему надоела эта странная игра, он замолчал, что, впрочем, не помешало хозяину закончить текст договора.

После того как заработал принтер, пулеметными очередями вычерчивая на бумаге целые фразы, вылетавшие откуда-то из электронных глубин машины, хозяин повернулся на вращающемся стуле к стойке, где стеклом и хромом поблескивала кофеварка, и только тогда Степан заметил на столе еще и модем. Это было уже слишком. Степан готов был поклясться, что в их городишке не найдется второго такого компьютера и тем более нет никаких баз данных, электронных библиотек и тому подобной западной чепухи. Но модем мог служить одной лишь цели – он автоматически связывал машину по телефонной сети с другими подобными аппаратами. И сейчас на нем горел зеленый огонек, свидетельствуя о том, что машина использовала в своей работе внешние линии связи.

Лист с пунктами договора был отпечатан на специальной бумаге и пахивал чем-то очень знакомым. Степана поразило обилие пустых строк между пунктами договора.

– Не все пункты задействованы, – пояснил хозяин. – Текст стандартный, но по мере надобности здесь могут быть вставлены новые параграфы.

– Довольно странный способ заключать договор, половина текста которого неизвестна!

– Ну, все, что нужно для нашего с вами дела, там есть. К тому же вы можете и не подписывать. В таком случае вы лишаетесь предварительного взноса, и мы на этом расстаемся.

– Но как я могу подписывать документ, не зная, что он собой представляет?

Старик усмехнулся:

– К нам редко приходят слишком уж осторожные люди. К тому же основные ваши обязательства, размер оплаты наших услуг изменяться не будут, а все остальное... Как я уже сказал, форма стандартная.

– Хорошо хоть то, что есть, напечатано по-русски!

– Мы всегда составляем договор на языке клиента. Наши клиенты никогда не остаются в проигрыше, и именно поэтому мы оставляем за собой право изменять некоторые пункты. В любом случае, прежде чем предложить вам что-то, не обозначенное в первоначальном варианте договора, мы обязаны получить ваше согласие, там есть об этом специальная оговорка.

Степан задумался. В конце концов, этот лист бумаги, не заверенный нотариусом, не будет иметь никакой юридической силы. Чем он рисковал, пятьюстами рублями? С ними он уже простился. Мифическими процентами от своей будущей работы за границей? Он в нее по-прежнему не верил, хотя, надо признать, «АРМСТРАД-2020» придавал этому хорошо поставленному спектаклю аромат достоверности.

– Значит, никакой другой оплаты, кроме обозначенных здесь двадцати пяти процентов, не будет?

– Если вы имеете в виду деньги, то конечно нет, мы не мошенники и никогда не нарушаем наших обязательств. Договор может быть изменен только в пользу клиента.

Степан достал авторучку.

– Нужны специальные чернила. Вот этими, пожалуйста. – Старик протягивал ему допотопную чернильницу с перьевой ручкой. Рыжие чернила напоминали те, которыми подписывали в сберкассах аккредитивы. Спектакль был продуман до самых последних мелочей, и, испытав от этого неожиданное и несомненное удовольствие, Степан расписался внизу листа.

Остановившись перед калиткой, Степан еще раз внимательно осмотрел фасад дома, благо хозяин не стал его провожать, а во дворе не было даже собаки. К дому шел один-единственный провод от столба с осветительным фонарем. Телефонной подстанции в этом районе не существовало. Зато над коньком крыши торчала ребристая тарелка странной антенны. Радиотелеграфная связь? После «АРМСТРАДА» этому Степан уже не удивился.

Небольшое приключение на улице Красикова первоначально никак не повлияло на дальнейшую жизнь Степана. На вопрос, следует ли ему ждать результатов вмешательства всемогущего агентства «Посредник» в его судьбу, старик ответил, что ничего подобного не требуется. После подготовки всего необходимого его разыщут, где бы он ни находился.

Посмеявшись про себя над этим многозначительным заверением и нисколько уже не жалея о потраченном времени и деньгах, вполне удовлетворенный полученным развлечением, Степан уехал в археологическую экспедицию в Северо-Восточный Казахстан. Впервые в его бродяжнической жизни наметилась некая остановка. Профессор Ельгин обещал после возвращения помочь ему закрепиться в институте и похлопотать о месте лаборанта на соседней кафедре. Место, правда, было пока еще занято, но к моменту возвращения из экспедиции определенно должно было освободиться.

Третьи сутки за окном поезда мчались, торопились куда-то сухие степи. Дождя здесь не было уже давно, и оттого запахи нескошенных трав, невидимых в стремительном беге поезда степных цветов сгустились, словно настой, и заполнили собой весь вагон.

Вдыхая этот терпкий аромат перестоявшихся степных полей, Степан думал о том, что наметившийся в его судьбе перелом наверняка определит всю его дальнейшую жизнь. Человек редко способен оценить истинное значение происшедших с ним недавних событий, лишь позже, с высоты пронесшихся лет, прибавивших мудрости и седых волос, мы можем в них разобраться более-менее верно, но тогда уже мало пользы от этого понимания. Слишком часто мелкое, сиюминутное кажется нам чрезвычайно важным, заслоня собой уже оставшийся позади подлинный поворот жизненной дороги...

Над степью стояла сухая июньская ночь. К рассвету опрокинутое над головой Степана бездонное небо как будто опустилось ниже, и мохнатые ослепительные звезды слегка потускнели. В траве, недалеко от того места, где он лежал в спальном мешке, положенном прямо на давно не выдавшей дождей земле, завозился какой-то зверек.

Из степи долетел первый порыв легкого утреннего ветра. Он принес с собой прохладу и резкий горьковатый запах полыни. Степан проснулся, но вставать еще было рано. Он мог разбудить расположившихся неподалеку прямо под открытым небом остальных сотрудников экспедиции и потому лежал неподвижно. Хорошо ему думалось в этот розоватый предрассветный час полного одиночества.

Вспоминалась недавняя работа в институте по исследованию южных морей. Хорошая работа. Жаль, что недолгая. Ее пришлось оставить после того, как он самовольно выпустил из дельфинария томящихся там пленников... Потом был заповедник на Карадаге... И оттуда он ушел. Слишком часто стал замечать косые взгляды друзей, тех самых, что любили когда-то на ночь собираться в бухте «Разбойника» с гитарами и могли жить там весь отпуск, полностью отрешившись от цивилизации. Они так никогда и не смогли ему простить этот заповедник, словно была его вина в том, что солидные дяди с портфелями оттяпали в собственное пользование целую сказочную страну, закрыли ее кордонами от простых смертных, понастроили проходных шлагбаумов, а заодно и личных дач на общественные деньги. Поди проверь, чем они там занимаются, в заповедном режиме. Такая наука недешево обходится обществу, а понимание этого недешево обошлось Степану: он потерял и эту свою работу и теперь вот ждет, надеется, что по возвращении Ельгин сдержит свое слово, поможет закрепиться в институте. А если нет?.. Опять мотаться по случайным экспедициям...

Мысли Степана текли медленно и без особой связи, как иногда бывает ранним утром, когда желанный сон бежит от широко открытых глаз, в уши назойливо лезут посторонние шорохи, а где-то далеко за горизонтом, невидимый и неслышимый, рождается ветер.

Степан подумал о женщинах. Не о какой-то конкретной женщине, а о женщинах вообще. Он представил себе, как в далеких городах миллионы женщин лежат в своих уютных постелях, у каждой из них есть муж, любовник или просто друг. Кого-то они, возможно, ждут. Кто-то должен приехать, вернуться из армии, из командировки, из экспедиции... Только его не ждала ни одна из них. Свои недолгие, ни к чему не обязывающие знакомства он всегда умел обрывать резко и навсегда...

Далеко в степи родился неоформившийся тревожный звук. Может быть, в ночи лишь прокричала какая-то птица. Редко, но бывает в синий предрассветный час такое особое состояние души, когда кажется: нечто должно произойти, вот-вот совершиться, оформиться в реальное действие, как этот ночной крик, – но ничего не происходит. По-прежнему бесшумно и навсегда утекают прочь минуты жизни, и виноваты во всем, возможно, лишь мохнатые глаза звезд... Нельзя слишком долго и слишком пристально на них смотреть. Как и тысячи лет назад – для наших далеких предков, – они сохранили в себе колдовскую силу. Вот только времени не осталось у нас в этом разбираться или загрубела душа, отгороженная от звездного мира дымом больших городов, утилитарными задачами торопливых повседневных дел...

Под эти беспорядочно разбредавшиеся мысли незаметно для себя Степан задремал и почти сразу же проснулся, словно от толчка...

Он испытывал необъяснимую, все возрастающую тревогу, ни с чем конкретным не связанное беспокойство, возможно, ему приснился какой-то кошмар, он его не помнил, но, скорее всего, его разбудил все тот же назойливый резкий крик ночной птицы... Степан прислушался; вокруг все было неподвижно и тихо, как всегда бывает в этот последний предрассветный час ночи; лишь из палатки радиста доносилось тонкое попискивание морзянки. Писк пробивался сквозь толщу эфира, чтобы реализоваться в строки какого-то сообщения. Степан приподнялся, осмотрелся. Тревога не проходила. Он встал, оделся и побрел к палатке радиста, где в этот

момент материализовывалось известие о том самом повороте в его судьбе, которого он ждал, на который надеялся и которого, не желая в этом признаться самому себе, одновременно боялся...

По неведомым причинам большому начальству вдруг стало ясно, что совместная археологическая экспедиция вглубь Мексиканской пустыни, созданная для изучения остатков древних цивилизаций и только что согласованная с мексиканским правительством, не может состояться без участия никому не известного, недоучившегося студента Степана Гравова... Степана срочно вызывали в Москву...

В этот момент еще можно было остановиться, вспомнив о том, что за неожиданное исполнение заветных желаний, добытое не совсем обычным путем, цена расплаты может оказаться непомерно высокой. Но слишком шальной оказалась удача.

Кое-что Степан все же предпринял. Вернувшись из казахстанской экспедиции, перед тем как отправиться в Москву, он еще раз навестил агентство на улице Красикова и, разумеется, никого не нашел в старом мазаном доме. Объявление исчезло, жилец съехал, не оставив после себя ни адреса, ни следа.

Наверно, именно тогда Степан решил, что происшедшее можно не принимать в расчет, убедил себя в том, что инсценировка с договором была предпринята ради пятисотки, оставленной на столе, что все остальное ему почудилось и не имеет отношения к его удаче.

А в договоре между тем появился первый пункт, рыжими чернилами вписанный между строк...

Глава 2

Степан стоял на корме слишком долго для пассажира, уезжавшего в заграничную командировку, для человека, которого ждали впереди заманчивые цветные радости заморских стран.

Теплоход не спешил, он отползал от пирса медленно, как огромное, только что проснувшееся животное. Постепенно отдалялась кромка берега, ее уже закрывали волны тумана. Одна за другой рвались невидимые нити, протянутые между берегом и теплоходом. Вот исчезла, закрылась башенными кранами вышка маяка, и остался лишь печальный, протяжный звук ревуна. Вот померкли, потеряли четкость огни набережной. Степану казалось, что он слышит в звуках ревуна странные всхлипывающие звуки. Слишком уж определенно и отчетливо отдавалась и исчезала за бортом земля, слишком завершенной и окончательной выглядела вся процедура отхода...

Казалось, теплоходу никогда уже не удастся вернуться обратно и он, Степан, видит родной берег в последний раз. Было ли это предчувствием, или просто сказалась усталость последних дней, заполненных предотъездной суетой, – кто знает?..

Степан стоял, крепко стиснув поручень, и чувствовал, как чужим и далеким становится еще недавно такой знакомый и близкий берег.

Теплоход отошел от пирса за полночь, пассажиры давно уgomонились, разошлись по своим каютам, и Степан был рад тому, что никто не нарушал в эти последние минуты прощания его одиночества.

Мерно рокотали машины, теплоход с трудом разрезал холодную стылую воду.

– Любуетсяс родиной? – Вопрос прозвучал слишком неожиданно.

В двух шагах от него, небрежно попыхивая сигаретой, стоял завхоз экспедиции Лев Павлович Сугробов. С первого дня знакомства Степану не понравилась в этом человеке его манера о вещах серьезных говорить с неременной иронией и какой-то скрытой издевкой. Кроме того, Сугробов умел появляться в самое неподходящее время.

Выглядеть грубым в глазах малознакомого сослуживца, с которым, по всей видимости, придется провести не один день в чужой стране, Степану не хотелось, и потому он ответил сдержанно:

– А вы разве не испытываете хотя бы грусти?

– Я гражданин мира. Я думаю, родина у человека находится там, где ему хорошо, бедно живется. Вот вы – другое дело. Вы ведь впервые в «загранке», если не ошибаюсь?

Он не ошибался, и почему-то Степан подумал, что Сугробову должны быть известны такие вещи из его, Степановой, биографии, о которых он не знает и сам.

– Вы правы, но именно поэтому я хотел бы остаться один, вы уж простите. – Довольно сухо Степан попытался наконец избавиться от назойливого собеседника.

– Не обращайтесь на меня внимания. Вы можете считать, что меня вообще здесь нет. Но человеку в вашем положении трудно рассчитывать на полное одиночество.

– Что вы имеете в виду?

– Договор, который вы подписали, – ничего более.

Степан почувствовал, как тревожное ожидание всех последних дней, подспудно копившееся в глубине его души, вырвалось наконец наружу.

Итак, его надежды не оправдались, это была не инсценировка, не игра, не шутка... Он попал в какую-то очень скверную историю с далекоидущими последствиями, и теперь его уже не оставят в покое. Оправдывались его самые худшие опасения, оправдывались слишком поздно, когда ничего уже нельзя изменить... Хотя почему, собственно, нельзя?

Прежде всего нужно было узнать, кто они, эти люди из таинственного агентства «Посредник», и для чего им понадобился именно он, недоучившийся студент Степан Гравов? Спрашивать Сугробова об этом, конечно, бессмысленно, и все же он решил попробовать...

– Раз вы знаете о договоре, вы, наверное, знаете и зачем я вам понадобился. Ведь не ради двадцати пяти процентов моего заработка организовало ваше агентство мое участие в этой экспедиции?

– Приятно иметь дело с догадливым человеком.

– Так что вам от меня нужно?

– Узнаешь в свое время. В договоре много разных пунктов, и все их придется выполнять. Придет время, и тебе о них напомнят, а пока просто жди, веди себя тихо, незаметно и не делай глупостей, нам известен каждый твой шаг.

Сугробов нагнулся, сплюнул в зашипевшую за бортом воду и ушел не простившись, словно потерял к Степану всякий интерес. Догадки, одна другой невероятнее, роились в голове Степана: «Мафия по провозу наркотиков? Шпионская организация? Торговцы валютой?»

Скорее всего, ему следовало сразу же рассказать обо всей этой истории капитану корабля или руководителю экспедиции, но Степан слишком хорошо понимал, как нелепо прозвучит его рассказ о могущественном агентстве «Посредник», и потому попросту решил выждать, пока хоть что-то не прояснится и у него не появятся хоть какие-то доказательства. Не зря же они не оставили ему даже экземпляра договора... Легче всего принимать решения, не требующие немедленных действий.

После этого ночного разговора Сугробов стал держаться со Степаном, особенно когда они не были на людях, гораздо фамильярнее, словно лишний раз хотел напомнить, какая тайна их связывала. Но всякий раз ловко уходил от ответа, когда Степан пытался хоть что-то разузнать о своей дальнейшей судьбе. Тогда, чтобы немного уменьшить пытку неизвестностью, Степан стал избегать Сугробова, стараясь как можно реже выходить из своей каюты.

Ему все еще казалось, что, если не замечать происходящего, делать вид, что все идет по-прежнему, жить станет проще и легче: так, как жилось ему раньше.

Весь рейс до мексиканского побережья превратился для него в один долгий, как год, день, наполненный запахами разогретого металла и масла, жарой низких широт и невеселыми раздумьями.

В Веракрус теплоход пришел поздно вечером. Окунувшись в суматоху разгрузки, Степан по-настоящему ощутил, что дорога окончена, что он действительно находится в чужой

стране, лишь после того, как начались многочисленные таможенные формальности. У чиновника, с особенной тщательностью проверявшего документы пассажиров теплохода, образовалась длинная очередь. Стоя в ее хвосте, Степан заметил, что в зале никто никуда не спешил, кроме руководителя их экспедиции профессора Силецкого.

Степан все еще воспринимал происходящее как некую декорацию, словно сидел в кино и со стороны, почти безучастно и отстраненно, наблюдал за окружающим. Он все еще пытался себя убедить, что это несерьезно, не может быть серьезным. И только теперь как-то сразу вдруг почувствовал, что вокруг него – чужая страна. По своей ли глупости или по воле дельцов из «Посредника» он попал в Мексику. От этого факта уже не отделаться, его нельзя отбросить, нельзя забыть. Именно здесь он им для чего-то нужен. Скоро он узнает для чего, и тогда мы еще посмотрим...

От порта к отелю шла прямая как стрела улица. В самой ее середине раскинулись шумные ряды веракрусского базара, где диковинные южные фрукты рассыпями лежали на земле, мирно соседствуя с разноцветными фигурками, вырезанными из дерева, с плетеными узорчатыми корзинами, с глиняными божками для туристов, точными копиями бесценных остатков тысячелетней старины, извлеченных из-под развалин ацтекских пирамид. Даже гортанные выкрики продавцов пулке не могли перекрыть рева ослов, утонувших в пыли и жаре задних дворов базара. Пыхающие всеми цветами красок наряды женщин словно подчеркивали скромные белые одежды мужчин – рубашка, полотняные брюки да неизменная широкополая шляпа. Впрочем, ближе к центру города одежда жителей Веракруса становилась вполне европейской. И все же если Степану хотелось экзотики, то вокруг ее было достаточно. Вот только непреодолимый барьер цветистого испанского языка словно провел невидимую черту между ним и этими людьми.

За несколько стремительно промелькнувших дней он так и не сумел преодолеть странный стеклянный колпак, отделивший его от действительности. Это чувство еще больше усилила резкая смена декораций. Степан попал в другой век, в иную культуру, глазу нелегко было отыскать в пестроте обрушившегося на него потока новой информации хоть что-нибудь знакомое. Даже здания здесь не походили на те, к которым он привык. Слишком острые, изломанные формы крыш, разноцветные мозаичные панно на фронтонах, соседствующие с пестрыми рекламными вывесками вездесущих американских компаний, как бы напоминали о том, что в этом мире не так уж давно смешалось вместе несколько разноликих цивилизаций.

Две недели экспедиция провела в Веракрусе. Готовили снаряжение, нанимали выючных животных, искали опытных проводников – предстоял нелегкий путь вглубь Центральной Мексиканской пустыни. Работы хватало на всех, и, поскольку должность младшего научного сотрудника не определяла какого-то конкретного участка, Степана использовали повсюду. Он то оформлял документацию, то проверял прибывающее снаряжение, то упаковывал выючные ящики, то вместе с переводчиками закупал продовольствие и медикаменты. И все это время в нем подспудно накапливалось ожидание, росла тревога, хотя раньше, на корабле, ему казалось, что это уже невозможно.

Его беспокоило, что Сугробов до сих пор никак не проявлял себя. Свое тревожное ожидание Степан невольно переносил на окружающих и даже на сам город. Ему казалось, на его улицах в пестрой суতোлке площадей, в разноголосице базаров затаилась неведомая опасность.

Лишь после того, как последние окраинные домишки Веракруса скрылись из глаз, Степан несколько успокоился. Но именно здесь, на окраине, произошло одно странное событие, натолкнувшее Степана на целую цепь новых невеселых размышлений.

Скрипучая арба неожиданно вынырнула из бокового переулка, и, чтобы пропустить ее, идущий впереди экспедиционного каравана погонщик придержал тяжело навьюченных мулов. Арба ползла медленно, и издали показалось, что она нагружена вязанками белого хвороста. Только когда повозка приблизилась, Степан разглядел в ней огромный человеческий скелет.

Лишь после того, как прошло первое потрясение, Степан увидел, что шейные позвонки скелета увенчивает искусно вылепленная из папье-маше маска хохочущей Смерти, – это была всего лишь огромная кукла.

– Что это? Зачем это сделано? – Впервые за всю дорогу он обратился к переводчику, надменному и презрительному идалго, в чьей крови оказалась слишком большая доза крови испанских конкистадоров.

– Всего лишь Смерть, – непонятно пояснил тот. – В городе готовится карнавал, праздник мертвых.

– Праздник Смерти?

– Ну, если хотите. У нас смерть не считается чем-то ужасным, как привыкли думать вы, европейцы. Это всего лишь переход между двумя разными мирами. Смерть, жизнь, – переводчик достал из кармана серебряную монетку, подкинул ее и ловко поймал, – всего лишь две стороны одного и того же, как стороны этой монеты.

– Это я понимаю, могу понять, но праздновать Смерть...

– Поминовение умерших отмечается всеми народами. У нас этот ритуал приобретает особое значение. Он всегда заканчивается карнавалом, дети объедаются сладостями. Живые радуются тому, что они еще живут, а мертвые – тому, что они уже умерли.

«Странная философия», – подумал Степан.

Караван давно покинул пределы города, пейзаж постепенно стал изменяться, становясь все более безжизненным. Морские влажные ветры, запутавшись в вершинах плоских прибрежных возвышенностей, сюда уже не долетали, и характер растительности резко изменился: исчезли листовые кустарники, среди проплешин песка появились первые кактусы.

Измученный непрерывной жарой, Степан то и дело вспоминал повозку, везущую карнавальную маску Смерти. Здесь, в пустыне, он уже не казался ему декорацией. Среди холмов довольно часто встречались кости погибших животных, – казалось, самый воздух пропитался отвратительным сладковатым запахом гниения.

До самого вечера Степан так и не смог отделаться от неприятного воспоминания. Маска хохочущей Смерти стояла у него перед глазами весь день.

Раскаленное красноватое солнце наконец приблизилось к горизонту, караван остановился на ночлег. Рабочие стали разбивать лагерь, натягивать палатки, разносить пищу усталым животным. Экспедиции предстояло еще целую неделю двигаться вглубь пустыни, и лишь тогда они приблизятся к раскопу ацтекского города.

В этот вечер Степан впервые пожалел о том, что расстался с домом. Чужая страна казалась ему теперь слишком жестокой, а трудности пути, поджидавшие их впереди, почти непреодолимыми. Проклиная собственную глупость, жару и песок, он стал натягивать палатку. А тут еще солоноватая вода в его фляге кончилась, и пришлось идти за новой в самый центр лагеря. У больших складских палаток, где стояла бочка с питьевой водой, он наткнулся на Сугрובה.

– Я как раз собирался тебя искать. Завтра утром постарайся не уезжать с первым караваном. Я что-нибудь придумаю, скажу, что ты должен помочь мне в погрузке.

– Это еще зачем? – не слишком приветливо осведомился Степан.

– Откуда я знаю зачем. Так велено.

– Кем велено?

– А ты не знаешь? – Сугробов мрачно усмехнулся и отошел, не желая продолжать разговор.

Надежды Степана, что его хотя бы здесь оставят в покое, не оправдались. Скорее всего, именно теперь ему предстояло рассчитаться по одному из тайных пунктов договора. По крайней мере, с ожиданием и неопределенностью будет покончено. Наступила пора действовать.

Ночь, которую он почувствовал в день приезда как бы за чертой города, теперь настигла его. Она была рядом, вокруг, стояла между кустов опунций, протянувших к нему из темноты

свои усыпанные колючками ладони. Степан глотнул из только что наполненной фляги горькую, как хина, воду. Впервые он задумался о тех, кто подsunул ему договор, а теперь пытался управлять его жизнью из-за угла. Может быть, стоило рассказать обо всем руководителю экспедиции?

Вряд ли кто-нибудь отнесется к этому серьезно. А Сугробов попросту откажется от своих слов.

Ночь в этой стране набрасывалась из-за угла неожиданно, сразу, как враждебное существо. Только что вокруг царили литые синие сумерки – и вот уже вместо них сплошная тьма. Даже свою белую палатку Степан отыскал с трудом.

Цветы кактусов, ждавшие этой минуты весь долгий, переполненный жарой день, теперь развернули в темноте свои лепестки, и в палатку Степана поплыл одурманивающий аромат.

Степан задернул полог палатки, хотя он казался не слишком надежной защитой от притаившейся у дороги ночи. Однако, застегнув его, он почувствовал себя несколько увереннее. Степан заснул сразу, едва голова коснулась подушки, и тут же, во всяком случае так ему показалось, проснулся.

За палаткой стояла все та же душная летаргическая ночь, заполненная запахами неведомых растений, странными звуками, песнями ночных насекомых.

Полог палатки был теперь отдернут, а белая фигура, укутанная в саван, стояла у входа в палатку.

Степан крикнул и не услышал ни звука. Посторонние звуки были не властны проникнуть в эту ночь.

– Не бойся, – тихо, почти ласково, попросил скелет, – меня не надо бояться.

– Я не боюсь, – прошептал Степан, – я просто ничего не понимаю.

– Конечно. Конечно, ты не понимаешь. Но это не страшно. Понимание придет позже. –

Скелет присел на обломок камня, валявшийся возле палатки, снял череп и превратился в очень старого, иссушенного временем человека. Отсветы луны терялись в глубоких морщинах его лица. Годы выбелили волосы. Старое пончо, обесцвеченное все тем же неукротимым временем и показавшееся Степану саваном, мешковато свисало с худых плеч старца. А может, это все же был саван?

– Это не саван, – ответил старец, словно слышал все его мысли. – Хотя ты можешь считать мою одежду саваном, потому что я послан за тобой из другого мира. Из того, что для вас, людей, находится по другую сторону смерти. Я должен подготовить тебя.

– Подготовить? – пролепетал Степан плохо повиновавшимся языком, чувствуя, как его страх постепенно переходит в парализующий ужас.

– Ты больше никогда не вернешься в этот мир. Но прежде чем покинуть его, тебе придется стать воином.

– Я не хочу! – крикнул Степан.

И в ответ старец кивнул, словно соглашаясь, словно и не ожидал услышать ничего другого.

– Те, кто отмечен временем, никогда не знают этого сами. Однако пославшие меня могли ошибиться. Посмотрим, как отнесется к тебе Руно. Я ничего еще не решил. Выбирать ученика труднее, чем искать учителя. – Старик вздохнул. – Теперь прощай, мы скоро встретимся снова.

Старец поднялся и еще раз пристально посмотрел на Степана. Словно два холодных голубых клинка, не встретив преграды, погрузились до самого дна его души.

– Ты совсем не похож на будущего воина.

– Я не воин! Я не собираюсь им становиться! Я хочу вернуться домой, я не имею к этому ни малейшего отношения! – Он кричал запоздалые слова, швыряя их, как камни, в пустоту. Никого уже не было возле палатки, даже песок не взметнулся в том месте, где за секунду до этого стоял старец, и тогда Степан проснулся во второй раз.

Высоко поднявшееся солнце уже успело пробраться сквозь тонкие стены палатки, напоминая о том, что в пустыне давно начался новый день. Снаружи не доносилось ни звука, и это показалось Степану необычайно странным. Он рванул молнию, распахнул полог и не увидел вокруг ничего, кроме песка, начинавшего белеть под первыми лучами раскаленного солнца. Караван ушел без него.

Глава 3

«Спокойно, – сказал он себе, постаравшись унять бешено застучавшее сердце. – Этого просто не может быть. Здесь что-то не так».

Его не могли «забыть», это исключено, и проспаться отход каравана – событие достаточно шумное – невозможно.

Поблизости он не обнаружил на песке ни одного следа, словно караван за ночь испарился, превратился в мираж, в дым, или, что гораздо правдоподобнее, ночью его вместе с палаткой перенесли на новое место, подальше от лагеря. Но кто мог это сделать, зачем и почему он даже не проснулся? Существовал лишь один способ...

Он вспомнил горьковатый вкус воды в своей фляге и Сугрובה, который, видимо, неспроста подждал его у бочки. Наверное, он, специально затеяв отвлекающий разговор, сумел подменить флягу. И это означало, что он остался в пустыне без глотка питьевой воды...

Степан бросился в палатку. Лихорадочно разбрасывая вещи, разыскал флягу и встряхнул ее – двухлитровый сосуд был заполнен до самого горла. Он плеснул на ладонь несколько капель, лизнул – сомнений не оставалось. В воду что-то подмешали, скорее всего снотворное – и весьма сильное, хватило одного глотка...

Он представил, что с ним будет, когда жара и усталость сломят волю, замутят рассудок и он выпьет всю жидкость из фляги... Возможно, на это они и рассчитывали. Его, конечно, станут искать, но даже если найдут – он уже ничего не сможет рассказать.

Что-то здесь было не так. Избавиться от него могли более простым способом. Для этого не нужна Мексика. Чего-то он не понимал. Чего-то очень важного.

Чтобы не поддаваться соблазну, он отвинтил пробку, перевернул флягу и следил остановившимся взглядом, как песок жадно впитывал драгоценную влагу. Все. Теперь у него оставалось не более двадцати четырех часов. Если до следующего восхода он не найдет караван, ему не выжить. В пустыне человек без воды погибает к середине второго дня – это Степан знал хорошо.

Нужно определить хотя бы приблизительное направление. С самого начала они шли на запад, затем свернули к югу, но он не знал, насколько круто, – у него не было даже компаса. Если бы найти след! Его не могли унести слишком далеко, вряд ли они располагали лишним временем. Он решил обойти местность вокруг, постепенно расширяя круги. Палатка хорошо заметна издали и послужит неплохим ориентиром.

Один круг, второй, третий – пустыня казалась первозданной, словно здесь никогда не ступала нога человека.

В конце концов он едва не потерял палатку и решил вернуться, чтобы взять вещи. Возможно, они ему не понадобятся, если он не найдет вовремя воду.

Все же с рюкзаком Степан чувствовал себя увереннее.

Солнце поднялось достаточно высоко, становилось жарко. Степан не мог больше тратить время на поиски следов каравана. С каждой минутой расстояние между ним и его товарищами неумолимо увеличивалось, и вместе с этим уменьшалась надежда на спасение.

Оставалось одно: ориентируясь по солнцу, придерживаясь хотя бы примерного направления, идти в ту же сторону, куда ушел караван. Он не надеялся его догнать. Однако рано

или поздно его хватятся. Что бы там ни придумывал Сугробов, в конце концов на его поиски вышлют спасательную группу. Вопрос в том, как скоро это случится, успеют ли они...

И Степан пошел на юго-восток. Он все еще пытался найти следы каравана, понимая, что спасательная группа будет двигаться обратно по караванной тропе. Но вокруг под ногами был лишь белесый, обожженный солнцем камень, без единого отпечатка, без единой царапины...

Иногда ему встречались группы кактусов, разорвавшие своими неукротимыми корнями поверхность каменной равнины. Они были похожи то на отдельные колонны, то на странные рощи без малейшего признака тени. В одной из этих «рощ», так и не найдя лучшего укрытия от солнца, он вынужден был ненадолго остановиться, чтобы переждать самую страшную полуденную жару.

Развесив на колючках одеяло, ему удалось получить небольшой кусок тени, но сидеть на камнях оказалось невозможно, и тогда Степан, отыскав между кактусами достаточно широкую расселину, постарался выскрести из нее верхний, раскаленный слой песка.

Неожиданно осколок камня, которым он проделывал эту операцию, наткнулся на что-то твердое. С трудом разрушая слежавшийся, местами почти окаменевший слой песка, Степан извлек из-под него небольшой металлический предмет, тускло блеснувший на солнце своей матовой бронзовой поверхностью.

В руках у него оказался восьмигранный наконечник старинной ацтекской стрелы. Степан хорошо знал его форму: точно такой был в коллекции профессора Ельгина, только там он потемнел от времени, покрылся кавернами окислов, а этот сохранился так хорошо, словно лишь вчера покинул колчан своего владельца. Был ли тому причиной сухой воздух пустыни или что иное – Степан не знал. Больше всего сейчас ему хотелось понять, куда делась караванная тропа. Он положил свою находку в карман, – возможно, Ельгин лучше разберется в ее секретах.

Жара стояла такая, словно Степан находился внутри раскаленной печи. Губы потрескались, в горле пересохло, ему с трудом удавалось проталкивать в измученные легкие новые порции горячего воздуха. Впервые он пожалел о вылитой в песок фляге. Несколько глотков из нее оборвали бы все его мучения.

Не оставалось сомнений – он полностью сбился с нужного направления. Местность, по которой они шли вчера, совершенно не походила на то, что его окружало сегодня. Следы прошедших до них караванов, кости погибших животных – все это непостижимым образом исчезло. Лишь миражи у раскаленного горизонта оставались прежними. Впрочем, и это не совсем так. Сейчас, например, он видел маленькие глиняные домики и огромные ступенчатые пирамиды храмов древнего ацтекского города. Возможно, того самого, к которому так стремились его товарищи. Вот только на вершине этих пирамид клубился дым, а внизу блестели бронзовые щиты воинов. Скорее всего, у него начинался бред.

Мираж заколебался, подчиняясь невидимым движениям раскаленного воздуха, словно был настоящим. Но ни один мираж не в силах отразить то, чего не существует в действительности.

Горячая земля выпивала, высасывала из него остатки сил. Нужно было встать и идти дальше. Вот только зачем? Какой смысл в новых мучениях, если у него не осталось надежды?

– Валяешься? – вкрадчиво спросил скелет, выделяя свой отчетливый, однозначный костяк из плывущего марева миража. – Давай, давай. Я давно тебя жду.

– Я готов, – просто ответил Степан.

– Тогда вставай – и пошли.

– Еще чего! – возмутился Степан. – Для тебя вполне подойдет и это место.

– Ошибаешься, – сказал скелет, вновь превращаясь в старика. – Вон за тем холмом, как только перевалишь его, увидишь старую хижину. В ней я тебя и подожду.

Скелет исчез, растворился в струях похожего на кипяток воздуха, оставив после себя лишь сомнение. Стоило ли проверять реальность этого приглашения?

Холм, на который указал скелет, казался не таким уж далеким. В конце концов любопытство оказалось сильнее отчаяния, и Степан поплелся к холму, оставив под кактусом свой рюкзак и твердо решив не возвращаться за ним. Если назначенная встреча состоится, ему уже не понадобятся вещи.

Хижину он увидел сразу, как только поднялся на холм. Это была обычная мексиканская мазанка, обнесенная плетнем из колючих веток пустынных кустарников. Издали она казалась нежилой, но там могла быть вода! Мог быть колодец! Степан забыл обо всем, ноги сами понесли его к хижине.

Вкус воды люди забыли, как забыли и многое другое, утонув в хаосе современных городов. Степан пил медленно, долго, впитывая влагу каждой клеточкой своего большого иссушенного тела. Вода пахла перевозданной свежестью, она пахла ветрами и травами, она пахла жизнью. Теперь он был готов встретиться с несколькими скелетами сразу.

– Есть тут кто-нибудь?

Хижина молчала, только дверь скрипнула в ответ на его вопрос и приоткрылась, словно приглашала войти. Степан переступил порог. Внутри царил полумрак и прохлада, толстые метровые стены не пропускали жару, а маленькое оконце, затянутое слюдой, почти не давало света.

Мебели практически не было. Соломенная циновка, небольшой стол, явно самодельный, глиняная посуда – все здесь говорило о натуральном мексиканском хозяйстве, о том быте, которым и сегодня, в двадцатом веке, живут десятки мексиканских деревень. Да разве только мексиканских? Он вспомнил покосившиеся домишки на своем родном Севере, разве что стены там были деревянные, вот и вся разница...

В хижине кто-то жил. В миске на столе лежала сухая маисовая лепешка. Иначе и не могло быть, раз здесь есть вода.

Степан снова повторил свой вопрос. Никакого ответа. Лишь снаружи донесся заунывный тоскливый вой. Волки? В пустыне не бывает волков, скорее всего, это ветер. И тут он услышал шаги. Шаги у самой хижины.

Он готов был поклясться, что вокруг на несколько километров не было ни одной живой души. Во дворе невозможно укрыться. И тем не менее кто-то подходил к двери. Степан почувствовал, как у него перехватило дыхание.

Дверь открылась, и порог переступил старик в поношенном мексиканском плаще из грубой домотканой материи.

Хотя в комнате было темно, Степан заметил, что вошедший человек очень стар, но держится удивительно прямо, а его походка легка, как у юноши.

На секунду лицо старика показалось знакомым, но, скорее всего, это была лишь игра его измученного пустынными миражами воображения.

– Простите, – сказал Степан, – я вошел без приглашения. Здесь никого не было, я отстал от каравана и вот...

Старик ничего не ответил, он пересек хижину и уселся в углу на циновке, не обратив на Степана ни малейшего внимания, словно тот стоял здесь всегда, как этот древний стол.

– Где я нахожусь? Какая это деревня? Где проходит караванная тропа? – попробовал Степан еще раз, отчетливо произнося слова.

Никакого ответа. Взгляд, направленный сквозь стены хижины, казалось, видит иные миры. Степан решил подождать, продемонстрировать выдержку, хотя ему очень хотелось есть. В неподвижности и молчании время текло незаметно. Свет, пробивавшийся сквозь слюдяное оконце, стал слабеть.

Сухая маисовая лепешка, которую Степан заметил на столе, когда вошел в хижину, казалась ему теперь куском пышного пирога.

Старик достал из заплечной котомки лист бетеля и с видимым удовольствием принялся его жевать, по-прежнему не обращая на Степана ни малейшего внимания.

– Вы не понимаете по-русски? К сожалению, я не знаю мексиканского...

Старик молчал.

Прошло не меньше часа, в хижине стояла влажная душная тишина, нарушаемая лишь тонким писком москитов да заунывным свистом ветра за стенами. Старик сидел на своей циновке совершенно неподвижно. Покончив с бетелем, он ни разу не шевельнулся. Муки голода становились совершенно непереносимыми. В конце концов Степан не выдержал и сделал новую попытку заговорить:

– Мне нужно в Мехико, в посольство, я русский, понимаете? Рашен.

– Не суетись. Время разговора еще не пришло.

Фраза прозвучала в голове Степана очень четко, с глубокими обертонами, словно он слышал ее через стереонаушники, сдвинутые на затылок.

– Вы знаете русский?

Степан вскочил. Он одновременно испытывал радость и гнев за столь долгое бессмысленное ожидание. Он хотел подойти к старику вплотную, заглянуть ему в глаза, но шага за два что-то его остановило. Ощущение опасности? Холодок в спине? Он не знал что. Он вздохнул, отвернулся и поплелся на свое место.

– Хорошо, – проговорил старик. – Человек, который должен стать воином, обязан уметь управлять собой.

– Я не собираюсь становиться воином.

– Наши желания стоят немногого, пока внутри нет силы для их осуществления.

Степан не хотел спорить с этим явно не совсем нормальным человеком и потому ответил примирительно:

– Я готов стать воином, кем угодно, лишь бы узнать, есть ли здесь хоть какой-нибудь транспорт.

– Зачем он тебе?

– Мне нужно в столицу, в посольство, мне нужен Мехико.

– У нас нет такого города.

– Есть, это столица государства, в котором вы живете, она находится на побережье.

– У этого государства совсем другая столица. Она называется Кецалькоатль.

Степан не почувствовал даже страха, лишь легкое раздражение на невежественного старика: мы редко ощущаем подлинное дыхание судьбы и не сразу видим за маской настоящее лицо истины.

– Пусть будет по-вашему. Тогда я хотел бы попасть в этот самый Кекоциталь.

– Кецалькоатль, – поправил старик. – Там ты можешь стать только рабом или воином, но, скорее всего, тебя принесут в жертву Мортару.

Степан рассердился на себя за попусту потраченное время. Он хотел было встать и выйти, но неожиданно его рука наткнулась в кармане на какой-то острый предмет – на новенький наконечник ацтекской стрелы, совсем недавно побывавшей в кузнице, и он вдруг почувствовал, что холодок страха пополз от его руки к сердцу.

– Ты, кажется, начинаешь что-то понимать, – сказал старик, и усмешка впервые появилась на его иссушенном пустынными ветрами лице.

– Я вам не верю, – заледневшими губами произнес Степан.

– Тебе и не надо верить. Придет время знаний, как пришло время разговора, и тогда ты все поймешь сам. А сейчас наступает другое время. Время сумерек, время, когда дует западный ветер. Время, когда воины собирают и копят силу. Пойдем. Я должен знать, примет ли тебя Сила.

Легко, как юноша, старик поднялся и пошел к выходу, и Степан последовал за ним. Он не знал толком, что им двигало. Любопытство? Желание понять? Страх остаться ночью в этой хижине наедине со своими сомнениями? Наверное, все это вместе и еще непонятное ощущение уверенности, исходящее от старца. Иногда встречаются люди, рядом с которыми все наши опасения кажутся мелкими, не заслуживающими внимания. Сейрос был таким человеком. Он не называл своего имени, но Степан почему-то знал, что его зовут Сейрос, и не сомневался, что это так и есть.

Они вышли из хижины. Солнце уже зашло. Оно зашло слишком поздно, и над горизонтом разгоралась зеленоватая заря. На ее изумрудном фоне сверкали белые великаны далеких снежных вершин.

Пустыня осталась на востоке, и здесь начиналась какая-то другая страна. Поднимался холодный западный ветер. Степан ощутил его прохладное дыхание на своей коже и на мгновение задержался. Кажется, он напрасно оставил в пустыне все свои вещи...

– Нет, – сказал Сейрос, – одежда тебе не нужна. Достаточно представить теплый меховой плащ. Волны тепла идут по рукам вверх, обтекают спину, грудь. Ты их чувствуешь?

Степан молчал. Он видел на себе этот плащ, надежный, плотный. От него шло тепло, сначала по рукам, потом оно обтекало грудь, спину, все его тело. К своему удивлению, он почувствовал это тепло. И с этой минуты началось его обучение науке воина иных, чуждых нашему миру пространств. Хотя сам Степан все еще не подозревал об этом...

Глава 4

Казалось, время остановилось. Степан не смог бы теперь сказать, сколько дней прошло с того момента, как он вынужден был остаться у Сейроса. Дважды он пытался уйти – один раз в пустыню, другой раз в сторону гор. Никто не держал его, никто не преследовал, но вокруг, на несколько дней пути, не было ни дорог, ни жилья, ни следа человека. Измученный и униженный, он был вынужден вновь возвращаться к хижине и не слышал от Сейроса ни слова упрека за свое долгое отсутствие – лишь легкая усмешка да неизменная маисовая лепешка на столе, честно поделенная на двоих.

До сих пор он так и не смог понять, какая роль предназначалась Сейросу в его судьбе. Кто он, его страж? Враг или человек, волею обстоятельств оказавшийся в таком же положении, как и сам Степан? Постепенно, исподволь, приближалось время откровенного разговора. Давно уже Степан понял, что внешность Сейроса обманчива, что старец знает многие из тайн, плотным кольцом окруживших Степана, парализовавших рассудок и волю. Сейрос далеко не всегда отвечал на вопросы, но если уж говорил, то говорил только правду, в этом Степан убеждался не раз. И он наконец услышал ответ...

– Ты ведь и сам уже почти все понял.

– Другое время? – заледневшими губами произнес Степан.

Сейрос отрицательно качнул головой:

– Здесь вообще другой мир, иная фаза. Он существует одновременно с вашим в одном пространстве, но у него собственная судьба. Когда-то оба эти мира составляли одно целое, но сотни лет назад в твоём мире победили испанцы, здесь – ацтеки, и миры разошлись, как путники расходятся на развилке дорог.

– Это невозможно. Этого просто не может быть.

– Может. Случиться может все, что человек способен вообразить, и даже значительно больше.

– Но как я попал сюда?

– Ты подписал договор с теми, кому подвластно многое, теперь ты принадлежишь им. Они решили сделать из тебя воина и поручили это мне.

– Но я же не знал...

– Когда подписываешь такой договор, никогда не знаешь, чем это кончится. Погонишься за легкой удачей – и вдруг окажешься в чужих пространствах.

– Я хочу немногого, хочу вернуться, забыть обо всем, жить обычной жизнью, такой, какой живут сейчас мои друзья, сверстники, те, кто остался...

– А вот это невозможно. Есть дороги, которые мы выбираем, а есть те, которые выбирают нас и ведут в одну сторону.

И только теперь – не раньше – Степан начал понимать, что случилось. Холод чужих пространств постепенно и неотвратно проникал в него, замораживая мысли и чувства; и среди этого все расширяющегося ледяного круга оставалась одна-единственная горячая точка – чувство ненависти к тем, кто проделал с ним эту подлую штуку.

Он все еще не верил до конца, нельзя было в это поверить и сохранить рассудок. Он потерял самое главное – свободу выбора; и теперь его судьба, вся его жизнь зависели только от чужой воли. Он вступил на дорогу без возврата...

Но Сейрос отрицательно качнул головой и ответил на его мысли:

– Человек до той поры остается собой, пока в нем не исчезает хотя бы желание к сопротивлению. Но ты слишком много говоришь, вместо того чтобы действовать. Возможно, в конце концов ты все-таки станешь рабом, а не воином.

Степан вскочил и тут же сдержался, вспомнив наставления Сейроса. Он спросил уже почти спокойно:

– Что я должен делать?

– Учиться искусству воина. И постепенно набирать силу.

Они шли долго. Пыльная, растрескавшаяся от дневного зноя земля сменилась каменистой почвой предгорья. Начался подъем. Сначала пологий, он становился все круче и круче. Раза два исцарапанные в кровь босые ноги Степана срывались на скользких камнях, и тогда он спрашивал себя, как долго все это будет продолжаться.

Сейрос шел легко, не выказывая ни малейшего признака усталости, – казалось, его тело скользило по воздуху, едва касаясь почвы. Он шел не оглядываясь, не произнося ни слова. Степан наметил для себя последний рубеж – вершину одиноко торчащего камня и, когда они дошли до него, без сил рухнул на землю. Дальше он не пойдет. Дальше он не шевельнется, не сделает ни одного движения. Даже если это его последняя остановка. Пусть Сейрос уходит, пусть оставляет его одного, пусть холод и ночные звери сделают свое дело. Старик обернулся и, остановившись, спросил:

– Ты знаешь, кто заключил с тобой договор?

Степан отрицательно покачал головой.

– В разных местах их называют по-разному – это древнее племя, может быть, более древнее, чем племя людей.

– Ты принадлежишь им?

Усмешка осветила лицо старика.

– Я принадлежу только себе. Иногда они обращаются ко мне за помощью, иногда – я к ним. Мы тоже соблюдаем договор, но он справедлив. Я составлял его сам. А ты...

– Договор всего лишь бумажка, я хочу, чтобы меня оставили в покое.

– Этот договор не бумажка. Он существует многие тысячи лет, и его не нарушали никогда. По крайней мере, мне не известен ни один такой случай.

– Я не знаю, что там написано.

– Узнаешь. Когда придет время, тебе напомнят о каждой букве, и за каждую придется платить.

– С ними нельзя бороться?

– Бороться может Воин. А ты всего лишь человек.

– Но человек может стать Воином!

– Верно. Для этого нужны сила и знание. И еще терпение и мужество. А ты валяешься у этого камня.

Степан медленно поднялся, что-то смутно он начинал понимать.

– Ты хочешь сказать...

– У каждого камня есть уши, и сказать я хочу лишь одно: мне поручили сделать из тебя Воина. Клянусь Силой, ты им станешь.

– Я пойду с тобой.

Некоторое время старик пристально смотрел ему в лицо, и Степан не отвел взгляда.

– Может быть, Руно примет тебя. Идти больше не надо.

– Что мы будем здесь делать?

– Ты слишком много говоришь. Молчи и слушай. Слушай себя, горы, ночь, ветер. Все ответы здесь, вокруг тебя.

Старик прислушался, отошел на несколько шагов и, приложив руку к камню, медленно повел ладонью над его поверхностью, удовлетворенно качнув головой.

– Это хорошее место. Сядь здесь и слушай, и ничего не бойся: я буду рядом. Если понадобится, приду на помощь.

– Здесь водятся волки?

– Волков здесь нет. Здесь кое-что пострашнее волков. Слушай!

И Степан остался один. Он не знал, далеко ли ушел Сейрос: тишина гор и мрак наступающей ночи почти сразу поглотили его шаги. Степан провел рукой над камнем, как это сделал старик. В одном месте камень показался ему теплее и лучше. Он не знал, так ли это, и не знал, чем отличается этот камень от сотен других, он просто сел на него и стал ждать. Ночь текла медленно и странно. Странно потому, что очень скоро он перестал ощущать холод и жажду, он словно становился частицей ночи, растворялся в ней, а ночь не может ощущать ни холода, ни страха. Может быть, ночь всего лишь ожидание дня. Все имеет свою противоположность. Рождение – смерть. Прилив – отлив. Взлет – падение. Ритм во всем, в каждой вещи, в каждой частице материи. В ее глубинах и на самой поверхности... Странные мысли нашептывала ночь. Мысли о том, что человек и Вселенная едины, что Вселенная растворена в человеке, а человек может раствориться во Вселенной, не потеряв себя. И это было самым трудным...

Так началось его учение. Учение без книг и долгих речей. Степан узнал, что человек может довольствоваться ничтожно малым, что главная задача Воина – это умение накапливать в себе энергию, разлитую в природе, умение находить и чувствовать ритм в каждой вещи. Он еще не знал, для чего существует этот ритм, но уже понял, что за ним скрыта одна из главных тайн природы.

Иногда Степану казалось, что окружающая его реальность, вся эта пустыня, поиски и накапливание таинственной силы, проникновение в суть вещей – все это лишь сон. Что вот-вот он проснется, и все будет как раньше, но шли дни, недели, месяцы... Его тело стало суше, стройнее. Взгляд пристальнее, внимание обострилось. Обострились и органы чувств. Он стал различать звуки и улавливать движения, недоступные обычному восприятию. Он научился никуда не спешить и ждать, ждать так, как будто впереди была вечность.

И лишь иногда сквозь это бесконечное ожидание проникала в его сознание прежняя глухая тоска по дому.

В один из таких дней, почувствовав его настроение, Сейрос сказал:

– Сегодня я должен сообщить тебе нечто важное. Нужен Круг. Приготовь все необходимое.

Это означало, что тайна, которую собирался ему открыть учитель, настолько значительна, что нуждается в специальной магической защите.

Влияние внешних злобных сил ощущалось тем сильнее, чем тоньше становилась перегородка, отделявшая Воина от мира иных, незримых для обычного человеческого взгляда, измерений. Степан не знал, так ли это. Критическая оценка действий учителя ему никогда не удавалась, слишком велика была гипнотическая, подавляющая волю сила, которая окружала все, связанное с Сейросом. И потому Степан, не раздумывая и не возражая, подчинился.

Прежде всего нужно было в расщелинах северных скал набрать веток колючего кустарника мискаля. И хотя там, куда они потом пойдут, растёт сколько угодно точно такого же мискаля, годился только этот, омытый северными ветрами, собранный недалеко от дома.

Потом они долго ждали заката, сидя в открытом дворике и набираясь сил для трудной дороги. Наверное, для постороннего наблюдателя их сборы выглядели более чем нелепо, но к этому времени Степан уже понял, что Сейрос ничего не делает зря, и научился держать при себе свое мнение. Тем более что с таким же успехом он мог бы спорить со скалой, на которой рос мискаль.

Солнце на здешнем небосклоне двигалось чрезвычайно медленно, и, хотя они вышли перед самым закатом, а дорога к восточным склонам хребта занимала не меньше четырех часов, у них оставалось еще достаточно светлого времени, чтобы выбрать нужное место.

На небольшой ровной площадке, покрытой толстым слоем песка, Сейрос нарисовал круг поперечником метра в полтора и затем утыкал его границы ветками мискаля. Получилась довольно высокая зеленая изгородь, почти скрывающая от глаз Степана фигуру учителя. Степан не мог видеть того, что происходило внутри Круга. Стоя неподвижно, он ждал часа два или три. Он не знал, сколько именно. Наконец, когда сумерки совсем сгустились, Сейрос сделал ему знак, приглашая войти внутрь Круга.

– Здесь мы можем говорить обо всем. Нас не услышит ни одно живое существо в обоих мирах. У мертвых предметов я тоже на всякий случай стер память.

Учитель надолго замолчал, и Степан не произнес ни звука, понимая, что сейчас нельзя перебивать его мысли и надо ждать. Слышно было, как ветер шелестит ветвями мискаля у них за спиной.

– Я надеялся, что со временем твоя тоска по оставленному дому станет меньше, но этого не случилось. Мне так и не удалось сделать из тебя настоящего Воина. У Воина чужих пространств не должно быть собственного дома. Так или иначе, твое обучение подходит к концу. Вскоре мы должны будем расстаться. Те, кто заключил с тобой договор, вернутся за тобой. Ты станешь вещью, пешкой, выполняющей их приказы.

Степан лишь крепче стиснул зубы. За долгие месяцы обучения он привык слушать собеседника молча и скрывать свои чувства. Он думал о том, что успел привязаться к этому немногословному, суровому, но справедливому человеку, на короткое время заменившему ему всех тех, кого он любил в своей прежней жизни. Он знал, что и Сейросу безразлична его судьба, хотя тот никогда и не выказывал своих чувств.

– Я так и не смог узнать, зачем ты им нужен. С этим связана какая-то важная тайна. Науке Воина, с их согласия, обучают лишь тех, кому предстоит совершить нечто необычайное, – но в любом случае помни: все, что исходит от них, всегда связано со злом.

– Они вернут меня обратно в мою страну?

Сейрос отрицательно покачал головой.

– Об этом забудь. Для тех, кто хоть раз вышел за границы своего времени, обратной дороги нет.

– Тогда скажи мне, как поступить. Человека можно сделать Воином, но после этого он не согласится стать игрушкой в чужих руках.

– Ты прав. И кажется, я все же не зря учил тебя древней науке.

Сейрос надолго замолчал. В сгустившихся сумерках Степан не мог видеть его лица, но и не видя, он знал, что на нем не изменилась ни одна морщина, не дрогнул ни один мускул.

Ничто не выдавало той напряженной работы мысли, которую он чувствовал благодаря незримой связи, возникшей между ними за время обучения.

Охраняя покой его раздумий, Степан прислушался к находившемуся за границей Круга пространству тем внутренним, особым слухом, которому научил его Сейрос. Совсем близко, у самого края ущелья, раздавались чьи-то тяжелые шаги, от которых вздрагивала земля.

Деревья и камни, содрогаясь, потрескивали. Холодом ночи, леденящим и смрадным, повеяло с той стороны, где только что прошло незнакомое Степану существо.

– Там кто-то есть.

– Это Парки. Ты должен был услышать его гораздо раньше. В Круге он нас не увидит. К тому же сегодня не его ночь. Не отвлекайся. Наш разговор слишком важен. Я знаю лишь одно место, где тебя не станут искать. Те, кто заключил с тобой договор, всего лишь слуги; есть раса более могущественная, у нас их называют демами. Им подвластны дороги между всеми мирами. Воин, накопивший достаточно силы и мужества, может попытаться воспользоваться дорогой демонов. Я не думаю, что тобой заинтересуются сами демоны. Для них ты козявка, не больше.

– Куда ведет их дорога?

– В прошлое, в будущее, может быть, даже... – Сейрос показал вверх, туда, откуда сквозь темные ветви кустов светили холодные звезды. – Точно этого не знает никто, кроме самих демонов. Каждый раз дорога идет в другую сторону, и всего раз в триста сорок лет, в день великого противостояния планет, в этом мире открывается дверь на дорогу демонов. Никто оттуда не вернулся, чтобы рассказать. Другие существа, не похожие на людей, иные миры... Иногда там находят могущество, против которого бессильно даже древнее племя.

– Я хочу подумать...

Сейрос отрицательно качнул головой:

– На это у тебя уже нет времени. Ты должен решить сейчас.

– Ты мог бы сказать мне раньше...

– Раньше ты был не готов к такому разговору. Случайных совпадений не бывает; тебя не зря завербовали, и не зря день великого противостояния планет наступает именно сейчас. Может быть, Сила выбрала тебя и ты уцелеешь. На большее не смеет надеяться смертный, ступающий на дорогу демонов.

– Я не смогу.

И опять Сейрос отрицательно покачал головой, как всегда угадывая еще не родившееся в нем решение на несколько секунд раньше самого Степана.

Сверху посыпались камни. Защита зеленых кустиков казалась такой хлипкой, такой ненадежной. Но камни почему-то падали в стороне, а те, что катились вниз по откосу, останавливались, не достигнув Круга. Случайность? Возможно. Но где-то здесь, совсем рядом, проходила граница между случайным и неведомым.

– Дай мне хотя бы несколько часов, отложи хотя бы до завтра! Ты требуешь от меня невозможного.

– Даже упоминать о нашем разговоре за пределами Круга нельзя. Если они узнают, тебе не удастся пройти. Дверь охраняют. Только внезапность и вся сила, которой я владею, могут помочь прорваться. Я многому еще должен научить тебя этой ночью, пока действует Круг. Но вообще-то, ты можешь остаться, упустить свой единственный шанс и стать рабом вместо Воина. Решай сейчас.

Степан сжал ладони, словно хотел удержать в них частицу родной планеты, сохранить связь, но в руках оказался лишь песок, и он легко проскальзывал между пальцами.

Степан уже сделал свой первый шаг, ведущий прочь от родного мира, и теперь чужие пространства засасывали его все глубже.

В сущности, у него уже не было выбора. Лишь одно ему оставалось – безостановочно двигаться все дальше вперед, в неведомое.

Глава 5

После Круга они ни разу не говорили о принятом решении. Каждый камень, куст, стена дома – все это слышит звук. Сейрос считал, что некоторые предметы хранят полученную информацию в течение нескольких лет и опытный маг может ею воспользоваться в любой момент.

Без лишних разговоров сборы проходили быстро и буднично.

Семидневный пост, который Сейрос назначил еще до Круга, придал всему телу Степана легкость. Мысли обострились, а чувство голода давно прошло. К тому же сегодня он впервые за семь дней поел. Еда была необычной: стебли горных трав, собранные Сейросом, какие-то коренья... Эта смесь называлась пищей силы.

Степан надел поношенный мексиканский плащ, старое сомбреро, хорошо защищавшее лицо от жгучего солнца пустыни. Взял нож, который подарил ему Сейрос. Прежде чем прикрепить его к поясу, проверил, остро ли лезвие. Нетускнеющая полоска стали сверкнула на солнце. Это его единственное оружие. Сейрос говорил о зелье, в котором в ночь новолуния выдерживал лезвие. Степан спросил тогда о его составе, и Сейрос упомянул об истолченной в порошок сухой жабе, разрыв-траве, корне мандрагоры... Степан в тот раз не сдержался и сказал, что все это полнейшая ерунда. Сейрос посмотрел на него внимательно и с достоинством ответил:

– Конечно ерунда, но действует отлично. Когда-нибудь ты в этом убедишься.

И вот теперь этот нож – его единственная защита в предстоящем походе. Вспомнив сейчас об этом случае, он улыбнулся и подумал, что, хотя многие, самые невероятные, предсказания Сейроса сбывались, история с дверью в другой мир выглядела сейчас, в лучах утреннего солнца, чересчур фантастично. И потому он не относился слишком серьезно к своему походу.

Одно решил – обратно не возвращаться. Теперь у него достаточно опыта, чтобы принять ношу самостоятельной жизни в этом мире, какой бы горькой и трудной она ни оказалась. Хватит прятаться за спиной старика.

На стене висела сушеная тыква, обтянутая сыромятной плетенкой, наполненная родниковой водой еще со вчерашнего вечера. Степан опустил ее в котомку. Пожалуй, эти два литра прохладной воды – самое ценное из того, что он берет с собой.

За тыквой последовал десяток маисовых лепешек, каждая завернута в лист сабзы. Сегодня старик расщедрился... Четыре листа бетеля. И хотя Степан так и не научился без крайней необходимости жевать листья этого растения из-за их тошнотворного вкуса, он всегда брал их с собой в дальнюю дорогу. Сок бетеля действовал сильнее крепкого кофе, и, если придется долго бороться со сном, он может пригодиться...

Когда Степан переступил порог, Сейрос не обернулся. Они простились два дня назад, и сейчас ни тот ни другой не подали виду, что расстаются, скорее всего, навсегда.

Пустыня словно ждала Степана за порогом хижины, чтобы бросить в лицо вместе с раскаленным ветром сухую въедливую пыль.

Его путь лежал к востоку, в сторону гор. Целый день он будет идти знакомой дорогой к отрогам восточного хребта и лишь на следующее утро, «если Сила позволит», как говорил Сейрос, свернет в сторону, чтобы найти проход, ведущий сквозь скалы к двери в иные миры. Если он вообще существует.

Сейрос заставлял его смотреть на мир собственными глазами. Сейчас все вокруг изменилось. Он видел только растрескавшуюся землю, колючие ветки полузасохших растений, линию горного хребта у горизонта. Исчез тот иллюзорный, таинственный мир, которым умел наде-

лять окружающее сам Сейрос, и Степан пожалел об этом, потому что реальный мир показался ему жестче, непригляднее и безжалостнее мира Сейроса. В нем не было места для волшебной сказки, и мосты в иные звездные миры существовали, скорее всего, лишь в покинутой им навсегда хижине старика...

Сейчас, если обернуться, ее уже не будет видно. Он не стал оборачиваться. Нужно выполнить все полученные от Сейроса инструкции с максимально возможной точностью, чтобы потом, в случае неудачи, не упрекать себя за неправильные действия.

В магии мелочи значат часто гораздо больше, чем зависящие от них внешние события. Температуру поверхности камня, влажность волшебного порошка, направление и силу ветра – все обязан учитывать маг, если хочет добиться успеха. А события внешнего мира – это лишь отражение мира внутреннего. Тот, кто способен влиять на расположение едва уловимых сил в этом невидимом мире, легко изменит любую ситуацию в реальной жизни.

Ничто постороннее не должно отвлекать его от выполнения многочисленных обязанностей ученика мага, даже если ему недолго осталось этим заниматься...

Он твердо решил выполнить последние указания Сейроса. Это все, чем он сможет отблагодарить его за долгие месяцы терпения.

В последнее время Степан стал замечать, как сильно изменился его характер. Он научился взвешивать и обдумывать свои поступки, став мудрее и старше, словно годы пролетели в стенах старой хижины. Возможно, в сутолоке современного мира нам больше всего не хватает именно времени и тишины для того, чтобы прислушаться к себе, узнать свою истинную цену.

До полудня Степан шел, не сбавляя темпа.

Только достигнув назначенного Сейросом места предгорий, он смог наконец остановиться на короткий отдых. Несмотря на усталость, он тщательно обследовал место, защитил и очистил его от враждебных сил.

Закончив ритуал, он сел лицом к ветру на небольшом плоском камне, откупорил тыкву и впервые позволил себе сделать несколько глотков.

В дороге все внимание сосредоточивается на главном – на движении, и Степан не сразу заметил, как сильно изменилась местность в этой малознакомой для него части предгорий. Песка уже не было, он остался ниже, здесь встречался только вылизанный шершавыми языками ветров пустынный камень.

Причудливые колонны походили на окаменелые остатки скелетов. В скалах ему виделись то череп какого-то чудища, то костлявая лапа с полуметровыми когтями, застывшая в глубинах камня и грозившая ему оттуда. Это плохой признак, означавший, что он начал терять равновесие духа, а перед предстоящим испытанием такое состояние никуда не годится.

Степан попытался отвлечься от всего постороннего, расслабиться, все внимание сосредоточить на накоплении силы, но из этого ничего не вышло, он плохо владел собой... «Перед сражением воин должен быть спокоен и равнодушен к предстоящему». Но день великого противостояния наступил слишком рано, он еще не готов, он не успел как следует освоить науку воина, и никто теперь не сможет предсказать, чем закончится его поход...

Степана поражало всякое отсутствие жизни в окружавших его каменных великанах, они казались мертвее самой пустыни. Похоже, он выбрал не лучшее место для первого привала, надо уходить отсюда как можно скорее...

Тревога не отпускала его до самого перевала. Лишь выбравшись из последнего ущелья и ощутив на своей коже еще горячие лучи закатного солнца, он почувствовал облегчение и вновь остановился.

Прежде чем спускаться в сумерки надвигавшегося снизу вечера, нужно было запастись силой. Если он не сумеет сделать этого сейчас, идти вниз не имело смысла. Он привычно расслабился, представил, как огненные линии солнечных лучей пронизывают его насквозь, про-

ходят по жилам и нервам, задерживаются в солнечном сплетении... Он сидел так долго, не меньше часа, под палящими лучами солнца, подстелив под себя плащ и открыв солнцу ничем не защищенную кожу. Не было ни ожогов, ни дурноты, только огонь плыл в крови, словно вместо воды он выпил несколько глотков спирта.

Когда в невнятном посвисте ветра он начал различать отдельные слова, Степан решил, что можно идти дальше. Излишнее накопление энергии переводит Воина из активного состояния в созерцательный мир голосов неживой природы. Однажды, подчинившись требованию Сейроса, он там побывал и не хотел бы испытать это еще раз. Общение с неживым миром полностью опустошает человека, делает его беспомощным и слабым.

Степан набросил на плечи плащ. Голос ветра сразу стих, словно тот осознал безнадежность своих попыток. Степан развязал узелок, выбрал между обычными лепешками одну – зеленого цвета, – только она и была для него сегодня настоящей пищей, остальные нужны лишь для маскировки.

Сейрос всегда тратил много времени для того, чтобы замаскировать свои подлинные намерения, скрыть истинные цели от бесчисленного сонма невидимых живых существ, населявших воду, скалы и воздух. Прав ли он был? Не Степану судить об этом. Он отломил кусок зеленой лепешки «силы», проглотил его и запил еще одним глотком воды. Он не испытывал теперь ни голода, ни жажды. Даже удушливый зной перестал причинять неудобства. Возможно, это результат тренировок, возможно, лепешка содержала в себе тонизирующие вещества.

Степан встал и, сунув плащ в котомку, пошел дальше, навстречу закату.

Ночь прошла спокойно под надежной защитой магического Круга. К рассвету следующего дня он беспрепятственно дошел до поворота.

Вокруг стояла тишина, какая бывает только перед землетрясением. Природа словно прислушивалась к чему-то. Близился полдень двадцать второго июня 1968 года. До великого противостояния планет оставалось не более двух часов, солнце стояло почти в зените. Степан повернул и прибавил шаг, замечая все больше приметных мест, о которых говорил Сейрос. Сердце глухо стучало в груди – он никак не мог справиться с волнением. Он знал, что Воин в ответственный миг обязан быть абсолютно спокоен, но ничего не мог с собой поделать впервые за два долгих дня пути. Вот он – последний подъем, еще один поворот, утес, похожий на голову крокодила, русло пересохшего потока, пологий гребень скалы, еще шаг, два – и там должна уже открыться его взору темная скала...

Вот и она... На фоне светлого песчаника выделяется, словно специально вытесанный из гранита черный монолит. Ноги словно налились свинцовой тяжестью... Каждый шаг дается все труднее – он едва отрывает подошвы, переставляя ноги, как колоды. Скала теперь совсем близко. Почти правильный, поставленный на ребро параллелепипед в самом деле похож на дверь без стены, забытую каким-то великаном на этом ровном горном плато. Он чувствует легкую ритмичную вибрацию почвы... Так и должно быть. Сейрос говорил об этом ритме. С ним связано самое главное условие перехода. Нужно уловить момент, поймать гребень невидимой энергетической волны. Если ее ритм попадет в резонанс с внутренним ритмом скалы... Все предметы обладают своим внутренним ритмом. Камертон можно услышать... Ритм скалы способен почувствовать лишь специально подготовленный человек... И он чувствовал этот ритм, захватывающий, могучий, словно стучало под землей огромное дремучее сердце гор.

Осталось всего несколько шагов. Но идти все труднее. И тогда справа, из-за ребра скалы, вылетает воронка песчаного смерча. С бешеным свистом она бросается человеку навстречу, отрезая дорогу к скале.

Неодолимая сила рвет его вверх и в сторону. Ноги отрываются от земли, и в то же мгновение мир начинает бешено вращаться. Степан понимает, что вертится он сам, что смерч захватил его в свои смертельные объятия. Вздохнуть невозможно, он ослеп и оглох, но все еще продолжает бороться. И вдруг падает на песок. Удар оглушает его.

Когда пелена перед глазами исчезла, Степан встал и подошел к скале. На этот раз он не почувствовал никакого сопротивления, не ощутил никакого ритма. Перед ним возвышалась самая обычная скала из шершавого черного гранита, от нее шел жар, камень раскалился от полуденного солнца. Кое-где из трещин лезли к солнцу зеленые кустики травы... Степан приложил руку к камню и ощутил под ладонью его несокрушимую ребристую поверхность. Надо было что-то делать. Он чувствовал себя полным дураком. В конце концов он разбежался и ударил о скалу плечом. Удар отрезвил его, и он медленно опустился на землю у подножия скалы.

Разочарование оказалось сильнее, чем он ожидал. Избитое тело болело, теперь он почувствовал жажду и голод. Краски окружающего померкли. Все теперь представлялось ему плоским, серым, не имеющим никакого значения. Солнце стояло уже невысоко, жара спадала, пора было трогаться в обратный путь, к людям.

Теперь он знал, какую цену придется заплатить за блестящую, как мишура, выдумку Сейроса – разочарование. Впереди его ждала жизнь в совершенно чужом древнем мире ацтеков, ждал договор и все, что из этого вытекало. Он устал от бредовости этого мира и подумал, что, если идти все время на запад, он снова попадет в пустыню, из которой пришел, туда, где навсегда затерялись следы его каравана. Он будет искать их снова, до тех пор, пока не погибнет.

Степан медленно побрел вдоль скалы, чтобы обогнуть ее и выйти к западному ущелью. Потом ему останется лишь спуститься с перевала, чтобы снова попасть в смертоносную пустыню.

Сейрос говорил: «Мир таков, каким мы его представляем. Стоит выпустить его из взгляда, как он начинает изменяться, течь как вода. Иногда это можно заметить в уголках глаз».

Много чего говорил Сейрос. Невозможно отделить в его словах выдумку от реальности. И больше он не собирался искать истину. Однако сейчас он смотрел на скалу тем самым угловым зрением, и на самой границе она не казалась ему такой уж плотной, такой уж неизбежной. Нерезкая поверхность колебалась, словно огромные темные волны шли снизу вверх по отвесной грани. «Если хочешь добиться успеха, не надо оповещать всех о своих намерениях. Воин должен действовать неожиданно...» Сейчас он уже почти миновал скалу, ему осталось пройти один-два шага до ее конца. И вдруг, неожиданно для самого себя, он круто изменил направление и пошел на скалу так, словно перед ним не было ничего, кроме пустого пространства.

Свет померк на какую-то долю секунды. В лицо пахнуло ледяным ветром, а потом на него навалилась вязкая тяжесть, словно он с головой погрузился в холодную темную воду. Все это, впрочем, продолжалось лишь доли секунды. Он не успел толком разобраться в своих ощущениях, как свет снова ударил в лицо. Скалы уже не было перед ним – она оказалась сзади.

Если бы он обернулся, то увидел бы на ее поверхности черное пятно, похожее своими очертаниями на человеческое тело. Пятно медленно светлело, сливаясь с окружающим камнем, но еще долго по его границе пробегали искры холодного синего пламени...

С двух сторон над головой Степана, на востоке и западе, полыхали два голубых солнца...

Глава 6

Воздух показался Степану слишком сухим, слишком ароматным и пьянящим. Мир двух синих солнц лежал перед ним: ослепительный, яркий и безжалостный. Ни тени, ни кустика, ни ручейка с водой. Только плоские нагромождения сероватых лавовых потоков вели вниз. Прежде чем идти дальше, он должен хорошо запомнить все окрестные ориентиры, чтобы не потерять обратной дороги к черной скале.

Здесь могут жить любые твари. Сейрос говорил и о пустых мирах, на которых когда-то жили разумные существа, но потом исчезли, оставив после себя лишь черные параллелепипеды, ворота в иные миры, которыми уже некому было пользоваться...

Несмотря на ослепительный свет, становилось холодно. Оба светила висели высоко над горизонтом и казались значительно меньше земного солнца. Тем не менее их холодные лучи обжигали. Степан заметил, что незащищенная кожа у него на спине и плечах уже начала краснеть. Пришлось достать из котомки плащ.

Он шел вниз осторожно, запоминая каждый поворот, каждый камень. Здесь не было высоких гор или стройных деревьев – пейзаж казался прилизанным. Он подумал, какие страшные бури должны были бушевать над этой планетой, чтобы так сгладить ее поверхность!

Вскоре Степан обнаружил едва заметную тропу, возможно проложенную каким-то животным. Несмотря на прочность каменной поверхности, тропа казалась вытоптанной множеством когтистых лап или ног. У Степана не было никакого оружия, даже нож Сейроса потерялся в схватке перед дверью. Опасность могла подстергать его здесь на каждом шагу. Он ощущал враждебные токи этой планеты. Укрываясь за редкими кустами, за выступами скал, Степан медленно продвигался вперед.

После очередного поворота перед ним открылось равнинное пространство, и неожиданно близко тропа уперлась в какие-то странные решетчатые сооружения, явно искусственного происхождения, больше всего походившие на старинные портовые краны.

Теперь Степан не сомневался, что этот мир обитаем. Перед ним, скорее всего, находился город. Решетчатые башни, сгрудившиеся на небольшой территории, отделяла от остального пространства линия блестящих на солнце металлических щитов, напоминавших городскую стену.

После нескольких поворотов тропинки, уведших его вниз, в узкое русло ущелья, Степан вновь выбрался на открытое место – теперь уже совсем рядом с воротами странного города. И остановился как вкопанный.

Ничто, наверное, не смогло бы поразить его больше, чем фигура человека, сидящего на корточках рядом с приоткрытой створкой ворот.

Ничего примечательного не было в этом парне, и это показалось Степану самым странным. Поношенные джинсы, застиранная синяя курточка, легкомысленная кепочка на рано начавшей лысеть голове... Степан готовил себя к встрече с каким-нибудь монстром. А увидел парня в потрепанных джинсах. К сожалению, тогда он еще не знал, как обманчива бывает внешность человека в чужих пространствах.

– Здравствуйте, – сказал незнакомец, слегка кланяясь, что как-то не вязалось с его банальной одеждой и внешностью. – Управление порядка приветствует вас на территории Граффитата и покорнейше просит пройти таможенный досмотр и получить вид на жительство.

Не успел Степан ответить хотя бы слово, как справа и слева от него, словно из-под земли, выросли два жука исполинского размера или, вернее, роста, поскольку оба стояли на задних лапах, а в передних сжимали короткие металлические палки с заостренными наконечниками.

Их фасеточные глаза, находившиеся на уровне подбородка Степана, смотрели в разные стороны отрешенно и безучастно.

Степан настолько растерялся от необычного вида своих стражей, что сумел лишь нечленораздельно пролепетать:

– Я что, арестован?

– Помилуйте! – Парень внешне любезно, но, как показалось Степану, злорадно ухмыльнулся. – Это всего лишь мера предосторожности. Пока иностранец не получил вид на жительство, его приходится охранять от многочисленных опасностей и неожиданностей. Местная жизнь изобилует сюрпризами. Вы сами в этом скоро убедитесь.

Он взмахнул рукой, и металлические ржавые створки ворот со скрипом широко разошлись.

В городе царило значительное, хотя и не совсем обычное оживление. Улиц как таковых не было. В беспорядке разбросанные строения создавали впечатление полного хаоса. Это впечат-

ление еще больше усугублялось видом местных жителей, разнообразных по окраске и форме. Здесь были стрекозы без крыльев с «лицами» тараканов. Крупные брюхоносцы, укутанные в розовые плащи, медленно колыхались на носилках, влачимых лошадьми с собачьими хвостами и преданными, как у бульдогов, мордами. Черные кузнечики величиной с солидный легковой автомобиль выполняли, видимо, роль такси или какого-то другого общественного транспорта. Они то и дело меняли седоков, легко переносясь вместе с ними через крыши зданий, останавливаясь, если нужно, у широких проемов, заменявших двери.

Вся эта пестрота красок, шум и стрекотание десятков незнакомых голосов, оглушительные трубные звуки, исходившие откуда-то сверху, цоканье сотен кривых ногтей по булыжной мостовой совершенно оглушили и ошеломили Степана. Жуки-навозники, выполнявшие роль его стражей, легко раздвигали толпу своими короткими копьями, то и дело попросту отшвыривая с дороги зазевавшегося пешехода.

– Желаете сразу же пройти досмотр или сначала уплатите пошлину?

– Я не совсем... не совсем готов...

– Понимаю. Значит, сначала досмотр. Тогда прошу сюда.

Они оказались в полутемном зале с искривленными стульями, приспособленными к самым различным формам нижних частей тела восседающих на них джентльменов.

Впереди, на возвышении, обтянутом зеленым сукном, шевелилась некая розоватая бесформенная масса, отдаленно напоминавшая садового слизня, впрочем бывшего, кажется, в очках.

– Анкета заполнена? – спросил слизень.

– Я не знаком с формой, я не знал, – слегка заикаясь, проговорил Степан.

– А надо бы знать: образцы у того стола. Поторопитесь.

Слизень выпростал – или вырастил? – маленькую ручку, весьма похожую на присоску, и легко подвинул к себе огромную папку, лежащую посреди стола.

– Посмотрим, что тут у нас есть... Так. Вот эта, пожалуй, подойдет.

Анкета содержала более сотни вопросов. Что ответить на большинство из них, Степан не знал. Например, он понятия не имел, какого цвета у него бабушка и был ли он за границей до момента своего рождения.

– Это так, для проформы, – проговорил парень в джинсах. – Достаточно будет вашей подписи. Да, еще вот здесь, в графе «цель прибытия», укажите: «стандартная, на неопределенный срок».

– Для чего вообще нужна вам эта анкета?

– То есть как для чего? Десятки людей ее составляли, сотни утверждали. Целое управление следит за правильностью соблюдения форм. Должны же все эти люди получать зарплату. У нас не бывает безработицы, каждый занят каким-нибудь важным делом. Так что вы, уж будьте любезны, распишитесь.

Степан расписался, после чего анкета с громким хрустом была передана на зеленый стол.

– Какую форму вы предпочитаете? – спросил слизень после внимательного ознакомления с анкетой.

– Форму чего? – не понял Степан.

– Форму тела, разумеется. У нас полная свобода выбора. Каждый гражданин Графитата имеет право облачиться в любую форму. Лучшие мастера биопласта к вашим услугам.

– Я предпочитаю остаться человеком.

– Это не модно, – безапелляционно произнес слизень.

– Совершенно не модно! – согласилась с ним зеленая морда справа. – Я рекомендую вам моду сезона. Майский жук вас научит рыть норы, откладывать яйца и воспитывать очаровательных розовых личинок.

– Он еще не готов, – вступился за него парень в джинсах. – К тому же особое задание...

– Ах да, задание... Ну хорошо, в таком случае я утверждаю.

Слизень подвинул к себе огромную печать и с грохотом опустил ее вниз.

Сразу же Степану выдали большого формата справку, в которой крупными буквами значилось: «Настоящим удостоверяется». Далее следовали печать и неразборчивая подпись.

– Прошу уплатить пошлину! – строго произнес слизень.

В растерянности Степан порылся в кармане, но там, разумеется, ничего не было.

– Я уплачу за него, – предложил парень.

После того как все таможенные формальности были окончены, Ермил Паркин (так звали парня в джинсах) отвел его в отель, внешне весьма похожий на тюрьму. В одной из зарешеченных клетушек четвертого этажа для Степана нашлось свободное место. Мебели в номере не было никакой, если не считать деревянной лежанки да объемистого сундука для вещей. Окон тоже не было. Вместо стен – решетки, свободно пропускающие снаружи пыль и ветер.

– Здесь не очень удобно. Впрочем, я могу предложить более комфортабельные условия, все зависит только от вас.

– Кто вы такой, наконец, и что вам от меня нужно? Ваше лицо мне кажется знакомым – мы уже встречались?

– Вполне возможно. Я много путешествую, знаете ли, но дело не в этом. Вы попытались уклониться от выполнения взятых на себя обязательств. А это во все времена и во всех мирах считается тяжким преступлением.

– Что вы имеете в виду? – похолодев и уже почти догадавшись, спросил Степан.

– Договор, разумеется.

Теперь сомнений не осталось, он проиграл. Ведь этот прорыв через дверь, затеянный Сейросом, бегство в иной мир, дорога демонов – все это не имело никакого смысла. Он вновь оказался там, откуда начал – перед проклятым договором.

– Я не могу соблюдать договор, текст которого мне неизвестен.

– Вы правы, конечно...

Степану показалось, что его собеседник даже как будто ненадолго смутился.

– Эта небольшая недоработка будет исправлена. Впрочем, текст договора мало чем вам поможет. Он все время меняется, и к тому моменту, когда вы получите бланки, все пункты изменятся. Тем не менее я распоряжусь, чтобы к утру вам доставили договор. Собственно, от вас требуется совсем немного. Все сводится к выполнению одного-единственного задания. Вас соответствующим образом подготовят и проинструктируют, когда наступит должное время. Если же вы и впредь будете уклоняться от взятых на себя обязательств, вас ждут большие неприятности. На первый случай вам самому придется улаживать дела с местной администрацией. Здесь никудышные гостиницы, но тюрьмы еще хуже. Подумайте над этим. У вас есть время до утра. Помните, что ночи на Графитате короткие, часа два до рассвета – не больше. Но никто не помешает вашим раздумьям: на эти два часа планета погружается в мертвый сон. Все местные формы жизни активны только при солнечном свете. Желаю вам прийти к верному решению.

Ермил вновь вежливо поклонился, после чего вышел и задвинул на стенной решетке огромный театральный засов. Ключ со скрипом повернулся в висячем замке.

– Да, вот еще я забыл вам сказать. Мы располагаем большими возможностями. Для вас будут созданы любые привычные условия, у нас есть целые планеты, оборудованные под старые миры. Фактически – это их точные копии. Улучшенные, разумеется, без пороков и недостатков. После выполнения одного-единственного задания вы сможете жить в любом из этих миров.

Два существа, внешне похожие на людей, сидели в одной из наблюдательных башен. Ее аппаратура, настроенная на гостиницу, демонстрировала на стенном экране комнату Степана, безучастно лежащего на топчане.

– Не понимаю, для чего мы с ним возимся?

– Линия судьбы этого человека слишком значительна, он должен был сыграть не последнюю роль в развитии общества...

– Я не об этом, теперь он навсегда выбит из своего времени, дело сделано. Зачем он нам?

– Значительные судьбы остаются таковыми и в новом времени. Мы можем использовать в наших интересах способности и возможности этого человека. Слишком расточительно уничтожать такой материал.

– А по-моему, это просто запуганный жалкий червяк. Он ничего не понял.

– Он должен привыкнуть к новым правилам игры, адаптироваться. Подождем, ночь только начинается.

Степан лежал на спине, вытянувшись. Руки вдоль тела, ладонями внутрь, они не должны касаться бедер... Правила, которым учил его Сейрос, постепенно стали частью его подсознания, он выполнял их, не задумываясь, совершенно автоматически.

Если Ермил сказал правду, значит ничего у него не получилось, значит он по-прежнему пешка в чужой игре. Ему не удалось начать собственную. Не удалось оторваться... Сейрос не предполагал такого конца... Значит, они контролируют время.

Тогда их могущество беспредельно. Незаметно, исподволь они могут навязать свою волю развитию любой цивилизации, подчинить ее своим планам, затормозить прогресс.

«Я потерял все, что у меня было. Речку, дом на скале, сухой воздух с запахом лаванды, шум моря в нижней бухте. Я не знал, что все это для меня значит, и потерял все это навсегда. В искусственно созданных мирах, о которых говорил Ермил, будут лишь копии, лишь декорации огромного спектакля, и я всегда буду помнить об этом».

Оставался единственный выход – бежать дальше. Пробираться из мира в мир, учиться новым правилам игры, искать силу и мудрость, рассеянную среди звезд. Только так он сможет противопоставить хоть что-то своим могущественным противникам.

«На два часа планета погружается в мертвый сон, все местные формы жизни активны только при солнечном свете» – так, кажется, говорил Ермил? Он вскочил и бросился к двери. Замок на ней слишком тяжел, слишком велик, слишком декоративен. Нет, изнутри его не открыть, даже не приподнять.

Тогда он попробовал прочность стен. Стальные полосы, сплетавшие их, местами проржавели, и он легко нашел место, где их удалось отделить друг от друга, раздвинуть. Вскоре он уже висел на наружной поверхности стены, на высоте четвертого этажа.

Внизу – непроглядный мрак. Хотя небо довольно светлое. Если ему удастся преодолеть городской лабиринт, дорогу, наверное, можно будет рассмотреть. Только бы не подвела стена. Полоса, на которой он стоял, уже слегка прогнулась и грозила оторваться. Он опустил ногу ниже, нащупал следующую полосу и перенес на нее вес тела.

Чем ниже он спускался, тем плотнее и непрогляднее становился мрак вокруг, словно его излучал сам город. Все эти решетчатые, сплетенные из стали дома, все эти странные твари, заснувшие в своих норах до утра.

Наконец, в последний раз повиснув на руках, он нащупал подошвами мостовую. Не может быть, чтобы у них не было никакой сигнализации, никакой стражи... Он шмыгнул в переулочек и медленно пошел вдоль него, прижимаясь к стенам домов и все еще опасаясь погони. Но вокруг было по-прежнему тихо.

Почти сразу он потерял направление. Здесь и днем-то непросто было ориентироваться, а сейчас ему оставалось лишь одно – поворачивать все время направо и надеяться на то, что это простое правило детской игры в лабиринт поможет ему выбраться. Небо постепенно и грозно

начинало светлеть. Вдруг совершенно неожиданно для себя он наткнулся на длинную, слегка изгибающуюся внутрь поверхность и понял, что это наружная стена города. Он не стал искать проход, на это не оставалось времени, город мог проснуться в любой момент.

Задыхаясь, смахивая со лба холодные капли пота, он лез все выше и выше по этой нескончаемой стене. Небо у него над головой с каждой минутой светлело все больше и больше. Он мысленно поблагодарил тех, кто делал эти стены, не рассчитанные на людей. Его ноги и руки свободно проходили в решетки и легко находили опору. Не прошло и пяти минут, как, перевалив через верхнюю точку, он начал отчаянно быстрый спуск. Выбраться из города – всего лишь полдела. У него должно остаться достаточно времени, чтобы, опередив погоню, добраться до плоских предгорий. На открытой, пустынной равнине, окружавшей город, он будет как на ладони.

Они хотели превратить его в майского жука... Он не сомневался в том, что они легко могут привести в исполнение свою угрозу. Они могли превратить его в божью коровку, в скарабея или в одного из этих черных кузнечиков...

От города шел отвратительный смрад. Из многочисленных нор доносилось шуршание и потрескивание, с минуты на минуту жители могли проснуться...

Он бежал от города так, как бегают от ночных кошмаров. Ноги бессильно увязали в сухом песке, в горле пересохло, язык распух и прилип к гортани. Не было сил протолкнуть в легкие очередной глоток воздуха. Наконец он упал на землю и пополз без остановки вперед, а оглянувшись, понял, что в таком положении его уже невозможно увидеть с городских башен.

Все то время, пока он плутал по городскому лабиринту, перебирался через стены, бежал прочь от города, у него не было времени остановиться, оглянуться, подумать. Лишь одна мысль, одна цель руководила его движением – выбраться, успеть добраться до черной скалы... Ну, вот он выбрался, успел.

Сейчас уже можно не спешить, отдышаться, расслабиться, подумать... Что-то уж больно легко, больно гладко все получилось. Ни тревоги, ни погони. Что-то здесь было не так. Сомнение мелькнуло раньше, тогда, когда Ермил сказал, что в течение двух часов ночного времени местные формы жизни теряют активность, погружаются в мертвый сон... Зачем он это ему сообщил? Там, в городе, он старался об этом не думать, гнал прочь сомнения, выбора все равно не было. А сейчас он есть, этот выбор?

Сейчас он есть. Сейчас он должен поступить неожиданно, непредсказуемо. Сделать все так, чтобы они не могли предвидеть и предсказать его поступок. Но разве у него есть такая возможность? Выбор все тот же... Скала или город... Впрочем, не совсем. Он должен попробовать по-настоящему оторваться от преследователей, сделать наконец свой собственный ход, и, кажется, он понял, что для этого нужно!

Он встал во весь рост. Город скрылся за выступами скал, да и не боялся он больше никакой погони, понял уже, что ее не будет. Солнца еще не взошли, но уже поднимался предрасветный ветер, и по тому, как быстро уплотнялся воздушный поток, летящий с гор, он понял, что должен вновь торопиться. Ветер грозил в ближайший час превратиться в ураган.

Когда он добрался наконец до параллелепипеда, ветер срывал с окрестных скал довольно крупные камни, сбивал с ног. К подножию скалы Степан вновь добрался ползком и сразу же, не раздумывая, нырнул в ее черную спасительную глубину.

Переход, не в пример первому, прошел легко. Что-то внутри его уже знало и помнило, что и как нужно делать.

Опять на долю секунды навалилась на плечи вязкая тяжесть, мгновенная темнота, и почти сразу он увидел солнце другого мира. Он не стал даже переводить дыхание, даже взгляда не бросил на окружающий пейзаж. Сразу же спиной упал внутрь скалы, повторив переход, прежде чем те, кто его здесь наверняка ждал, успели предпринять хоть что-нибудь.

Глава 7

Только после шестого перехода Степан решил, что уже достаточно оторвался от своих возможных преследователей, и начал подбирать подходящий мир для остановки.

Те, кто расставил серые параллелепипеды по просторам Вселенной, наверняка действовали не вслепую. Степан попадал лишь на планеты с кислородной атмосферой, туда, где светило солнце, где была вода, где можно было дышать. Туда, где, возможно, таилась жизнь...

Эта скрытая от него жизнь пугала и одновременно притягивала юношу. Ему, обретшему свободу передвижения среди звезд, доступную разве что в мечтах, хотелось погрузиться в эту неведомую, стремительно проносящуюся мимо него жизнь. К сожалению, на каждой из таких планет могли скрываться его могущественные враги, и, стиснув зубы, он бросался в очередной виток звездного круговорота.

Он почувствовал себя беспомощной жалкой козявкой пред лицом этих бесчисленных миров, мелькающих у него перед глазами. Он не знал, где именно проложена дорога, ведущая его сквозь горизонты разных планет. Она могла проходить через просторы его родной Галактики, могла соединять друг с другом параллельные миры или уходить в иные измерения времени. В сущности, это не имело особого значения, раз он все равно не мог вернуться домой. Он помнил лишь об одном: нужно раз и навсегда расстаться с теми, кто пытался навязать ему свою волю. Выбрать подходящую планету и отдышаться, осмотреться, подумать, решить, что делать дальше.

Практически он мог бы уже остановиться. Красные, желтые, синие и даже зеленые солнца сменяли друг друга. Попадались миры, состоящие из сплошных болот. Попадались миры, утопающие в растительности, где он не мог найти и клочка свободного пространства. Попадались планеты, настолько изуродованные деятельностью разумных существ, что он бежал оттуда со всей возможной скоростью...

Наконец он остановил свой выбор на фиолетовом мире. Небольшое, но ослепительно-яркое солнце, расположенное, по-видимому, достаточно далеко от планеты, не обжигало и в то же время хорошо прогревало богатый кислородом воздух.

Небольшие заросли, похожие на земной подлесок, радовали глаз. Только цвет их, искаженный фиолетовым солнцем, казался неестественно-голубым. Песок под ногами выглядел таким же фиолетовым, как облака в небе, и лишь параллелепипед двери был неизменно серым, одинаковым во всех мирах.

Фиолетовый мир казался необитаемым. Во всяком случае, поблизости Степан не заметил ни сооружений, ни движения каких-нибудь крупных существ. Впрочем, он догадывался, что там, где есть растительность, наверняка не менее богат и животный мир. Так или иначе, он должен был остановиться хотя бы на время: передохнуть, пополнить запасы воды и пищи. Любая остановка в незнакомом мире связана с риском, приходилось полагаться на удачу и на интуицию. Он прислушался к фиолетовому миру внутренним слухом так, как учил его Сейрос, и не услышал ничего враждебного. Злобу и боль других существ он смог бы почувствовать на значительном расстоянии. Этот мир молчал.

Неподалеку плескалось озеро фиолетовой и с виду очень чистой воды. С риском для жизни ему предстояло выяснить, годится ли она для питья.

У самого горизонта, там, где висело вечернее фиолетовое солнце, можно было рассмотреть конус одинокой вершины. Сейчас свет мешал, но утром, если, конечно, местное солнце всходит с противоположной стороны и если здесь вообще бывает утро, он сможет лучше рассмотреть гору.

Ему понравилось, что параллелепипед, торчащий посреди равнинной местности, до сих пор не привлек к себе ничего внимания. Вокруг не было ни следов, ни тропинок.

Только теперь, позволив себе немного расслабиться, он почувствовал, как сильно устал. Город насекомых казался ему сейчас далеким и нереальным ночным кошмаром.

Хотелось есть, но еще сильнее – пить. Прошло уже несколько часов с тех пор, как в его сушеной тыкве кончился последний глоток воды.

Корни местных растений оказались съедобными, а вода – вкусной и прохладной. Это была благодатная планета. Может быть, самая благодатная из тех, что попадались ему за долгие дни скитаний. Дни? А может быть, тысячелетия? Он не знал. Время для него потеряло привычный смысл.

Впервые с начала своего путешествия он забыл про осторожность. Он устал бежать и прятаться. Как только солнце коснулось горизонта, он зарылся в теплый мягкий песок и заснул без всяких сновидений, как засыпают люди в конце долгого пути, когда трудная дорога осталась позади.

С рассветом Степан проснулся от тишины. Он спал мертвецким сном и в первую минуту не сообразил, что ночь уже прошла, а фиолетовое солнце вновь высоко стоит над горизонтом.

Вокруг простиралась однообразная песчаная равнина, поросшая редкой растительностью. Лишь на западе, освещенная теперь лучами восходящего солнца, сияла вершина горы. Степану ее блеск показался излишне ярким. Дымка мешала рассмотреть подробности, но снега там не было. Откуда же тогда такой блеск?

Степан решил подойти к горе поближе. Торопиться в этом мире было абсолютно некуда. Он чувствовал себя так, словно время остановилось, словно впереди у него тысячелетия и ему ничего не стоит пройти всю эту планету пешком по экватору.

Если она ему не понравится – он найдет другую. Он чувствовал себя властелином пространства. Звездные переходы между мирами открывали перед ним невиданные возможности. Только одно его огорчало: он не мог управлять этим движением; мир, из которого он уходил, утрачивался для него навсегда. Вернуться было уже невозможно. И никто не смог бы предсказать, куда занесет его следующий переход... Теперь вряд ли он решится на него слишком быстро. Планета ему нравилась.

Когда по прошествии двух часов равномерной неторопливой ходьбы он обернулся, параллелепипеда почти уже не было видно. Он сливался с горизонтом. Заблудиться в этой плоской, как тарелка, степи казалось невозможным. Надо было лишь не забывать время от времени ориентироваться по солнцу и по вершине горы.

Гора оказалась гораздо дальше, чем он предполагал вначале. Прозрачный фиолетовый воздух скрадывал расстояния. Лишь на третий день пути вершина несколько приблизилась.

За одну ночь воздух стал вдруг прозрачен, как кристалл, и он увидел перед собой гору, словно нарисованную неведомым художником на фиолетовом полотнище неба.

Линии горы казались слишком правильными для естественного природного образования, а склоны покрывали круглые цветные пятна. Они чередовались в какой-то вполне определенной последовательности. Степан всматривался в них, пока у него не зарябило в глазах, а высоко поднявшееся солнце вновь не наполнило степь дымкой испарений.

Впервые с того дня, когда он начал свой путь к подножию горы, Степан засомневался, стоит ли идти дальше. На необитаемых пустынных планетах не должно быть гор с четкими геометрическими очертаниями, покрытых мозаикой цветных пятен. Что же делать? Снова нырнуть в черную неизвестность параллелепипеда? А что изменится в новом мире? Где гарантия, что и там его не будут поджидать те же самые опасности? Если его враги имеют возможность следить за его передвижениями, они найдут его в любом месте. Тогда рано или поздно придется столкнуться с ними лицом к лицу. Почему бы не сделать этого сейчас? По крайней мере, он мог бы подойти к горе поближе и узнать, что собой представляют таинственные цветные пятна. В конце концов, у него ведь была всего одна надежда, один-единственный шанс – найти среди чужих мертвых и враждебных миров жизнь мудрую и сильную, разум, способный понять и

помочь. Что, если он скрывается именно здесь, в двух шагах, за крутыми склонами пирамиды? Что, если к нему надо всего лишь протянуть руку, а он вместо этого повернет назад?..

Свобода выбора скрывает за собой выигрыш или полное поражение – редко первое, гораздо чаще второе; и тем не менее кто не рискует – вообще никогда не выигрывает.

Он почти чувствовал, почти знал, что за цветными стенами скрывается что-то враждебное, нечто, готовое использовать его разум и тело в своих собственных целях, и тем не менее шел к пирамиде.

На следующее утро Степан окончательно понял, что гора представляет собой искусственное сооружение, сложенное из гигантских цветных шаров.

Она возвышалась перед ним во всей своей нелепой очевидности. Абсолютно правильная геометрическая форма каждого шара не оставляла места сомнениям в их искусственном происхождении.

Цвета были подобраны так, что одинаковые оттенки нигде не соприкасались. Розовый шар соседствовал с зеленым, желтым, синим, красным. Во втором ряду его место занимал уже шар другого цвета. Оттенков было множество. Каждый шар в поперечнике был не меньше шести метров. С расстояния, где стоял Степан, нельзя было точно определить размеры отдельных шаров, зато размеры всего сооружения подавляли своим могуществом и отсутствием видимой целесообразности. Какой-то сумасшедший великан выложил посреди степи эту пирамиду-игрушку, выложил аккуратно, потратив на эту работу всю жизнь...

Только в одном ряду Степан насчитал не меньше пятидесяти шаров, сбился со счета, и сколько бы раз ни повторял попытки, у него все время получались разные числа. Очевидно, мешали яркие контрастные цвета соседних шаров, от которых рябило в глазах. На самом верху, на четырех шарах основания, покоился один металлический, ярко сверкавший на солнце шар. От подошвы до него было не менее трехсот метров.

Чем ближе подходил Степан к пирамиде, тем больше менялись масштабы восприятия целого; она ему продолжала нравиться... Он уже не видел краев: они потерялись в дымке горизонта. Запрокинув голову, он уже не мог рассмотреть вершину. Теперь перед ним была просто стена, сложенная из огромных цветных шаров.

Если подойти еще ближе, он увидит только один шар. Почему-то вспомнилась строчка хорошо знакомого стихотворения: «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянии...» Здесь это так и было. Но вместе с тем было и еще что-то: какая-то ускользающая от него мысль.

Целое слагается из частного, но и каждое частное, в свою очередь, отдельное целое, отдельный мир, внутри которого множество своих частных. По этой шкале можно идти без конца, и лишь где-то внизу должен быть предел. А может быть, предела нет? Может быть, там скрывается переход меньшего в большее? Частицы атома – в Галактику? Он подошел еще ближе. Поверхность гигантского шара уже не казалась гладкой. Она была изъедена временем: выступы, выбоины, потертости, кое-где даже трещины. Но всюду, насколько он мог судить, материал был один и тот же – похожая на пемзу губчатая каменная порода.

Он отыскал у подножия небольшой осколок шара, ударил по нему несколько раз другим камнем и легко превратил в цветной порошок.

Больше всего поражала одинаковая насыщенность цвета снаружи и в глубине породы. Ни солнце, ни ветер, ни потоки дождей ничего не смогли поделать с этой каменной радугой.

Степан постучал по поверхности одного из шаров и услышал глухой монолитный звук. Иначе и не могло быть. Если бы нижние шары были внутри полыми – они не смогли бы выдержать вес этого гигантского сооружения.

Лишь один шар вершины отличался от всех остальных, и, наверное, не только цветом.

Почему-то Степан все время помнил об этом. Этот шар притягивал его, как магнит.

В конце концов Степан попытался подняться по стене вверх. Это удавалось с трудом. Зато после того, как он протиснулся между шарами в прохладную глубину пирамиды, подъем пошел гораздо легче. Теперь он мог использовать соседствующие шары для опоры, упираясь в них спиной, локтями и коленями. Он карабкался все выше.

Почувствовав, что силы на исходе, он выбрался на наружную поверхность пирамиды, уселся в седловине между соседними шарами, глянул вниз и удивился, как высоко сумел подняться.

Теперь-то уж до вершины оставалось наверняка меньше, чем до подножия. Глупо было бы возвращаться, и, отдохнув, он полез дальше.

Странные звуки доносились иногда из глубины пирамиды. Рождаемые причудливым эхом, до него доносились чьи-то тяжкие вздохи. Отраженные от бесчисленных изогнутых поверхностей, они скользили по внутренним лабиринтам, движимые, возможно, одним-единственным желанием – быть кем-нибудь услышанными. И вот теперь, достигнув его ушей, звуки умирали. Но на их место бесконечной чередой шли другие. Чаще всего в них слышалась горечь разочарования, словно сама пирамида говорила с ним бесчисленными голосами, жаловавшимися на несправедливость и забвение...

Может быть, это всего лишь памятник? Ему не догадаться, не решить загадку. Разве лишь на самом верху, в последнем металлическом шаре ему что-то откроется...

А далеко на орбите, невидимый для невооруженного глаза Степана, вращался небольшой космический аппарат, и два существа, внешне совершенно похожие на людей, с интересом наблюдали за его усилиями.

– Он все-таки вошел в пирамиду?

– Конечно. Любопытство всегда было лучшей приманкой для этих существ.

– Почему они так одинаковы? Почему никогда не делают выводов из прошлых событий?
– Их логика страдает каким-то странным изъяном. Они, например, считают, что добро само собой способно побеждать зло, и надеются получить подарок от доброго дяди. Иногда всю жизнь, вместо того чтобы заниматься делом, они ищут доброго дядю.

– И находят?

– Этого я не знаю.

– А ведь он поднимется до самого верха.

– Да, он упрям и самонадеян. Если ему это удастся – значит повезло нам.

– Это будет второй случай за все время.

– Да. Второй.

То и дело срываясь, соскальзывая с гладких выпуклых поверхностей, Степан искал более удобные для подъема места и упрямо лез вверх. Во рту пересохло, спину ломило от усталости, но в глаза уже били отраженные от металлической поверхности верхнего шара ослепительные солнечные лучи.

Еще одно усилие, еще. Рано или поздно кончается любая дорога. Или нам так лишь кажется? Ведь любой конец – всего лишь новое начало...

Взобравшись на предпоследний ряд шаров, Степан понял, что может встать во весь рост. Четыре шара основания соединяла прочная каменная платформа, на которой покоился самый верхний и самый большой металлический шар. Теперь Степан стоял прямо перед ним. На шаре не было заметно ни единой трещины или щели.

Похоже, подъем не имел никакого смысла. А на что он, собственно, надеялся? На то, что перед ним распахнется дверь и неведомые добрые дяди, те самые, что ждали здесь его появления многие тысячи лет, с восторгом примут его в свои объятия?

Разочарование оказалось слишком сильным. Он сел на каменную платформу, свесил ноги и постарался привести в порядок скачущие мысли. Во все стороны отсюда открывалась

беспредельная равнина с мелкими озерами, болотами, речками, зарослями. Он видел все это маленьким и далеким. Предметы казались условными обозначениями, нанесенными на гигантскую карту.

Голова кружилась от бессмысленности затеянного им предприятия, от высоты, от усталости, оттого, что все оказалось бесполезным, что в гладкой несокрушимой металлической поверхности он не сможет найти решения загадки, ради которого целый день карабкался на эту немислимую высоту, а ведь еще предстоял путь вниз.

Сейчас он не верил даже в то, что у него хватит сил спуститься. Поверхность шара у него за спиной казалась теплой, слишком теплой для простого металла. Но что с того, если он все равно никогда не решит его загадки, не сумеет заглянуть внутрь? Впрочем, Сейрос учил его другому зрению, гораздо более зоркому, чем обычное.

Нужно закрыть глаза, чтобы ничто постороннее не отвлекало, расслабиться, представить себе поверхность шара так, словно ты сам стал ее частью, удержать ее в сознании, не отвлекаясь никакими посторонними мыслями, приблизить, рассмотреть детально со всех сторон... И тогда он увидел щель.

Еще не веря себе, он вскочил на ноги, вновь подошел к шару. Да, щель была именно в том месте, где он увидел ее своим внутренним зрением. Она шла вверх, на высоту примерно двух метров, изгибалась и снова опускалась вниз. Теперь он понял. Перед ним находилась самая обыкновенная дверь, ведущая внутрь стального шара. Он надавил на то место, где, по его расчетам, должна была быть ручка. Дверь легко поддалась его усилиям и ушла внутрь шара. Степан стоял перед черным квадратом. Ни зги не было видно внутри. Постояв неподвижно несколько секунд, Степан собрался с духом и, стиснув зубы, шагнул внутрь.

– Если его выпустить, он начнет все сначала?

– Несомненно. Он слишком упрям и неразумен.

– Зато силен и упорен.

– Да, из него получится хороший воин.

– Не уверен. Возможно, в этом случае нам придется применить полную реконструкцию личности.

Сила тяжести уменьшилась. Или это только казалось? Степан уже не мог доверять своим ощущениям. В полной темноте и тишине исчезло время, медленно исчезало вслед за ним и нормальное восприятие мира. Начинались галлюцинации, кошмары.

– Не-е-ет! – закричал он в равнодушную темноту. – Я не хочу!

Никто его не услышал. Беспомощное, безвольное тело человека медленно притягивалось к центру шара, внутреннему фокусу гигантского золотого Глаза, не ведавшего жалости, сострадания, гуманизма...

– Ты кто такой? – спросил голос Глаза.

– Степан.

– Куда ты полез? Что ты можешь? Ты козявка, ничтожество.

– Я – человек.

– Ты забудешь даже свое имя.

– Нет.

– Попавший в фокус забывает все. Сейчас ты узнаешь, что такое фокус. Сейчас ты почувствуешь.

Миллионы невидимых раскаленных игл, выброшенных засветившейся поверхностью шара, летели в одну точку – к центру. Туда, где висел человек. Впиваясь в его тело, они причиняли короткую нестерпимую боль и гасли, но на смену им летели новые иглы, и с каждым укусом он вспоминал поражение, неудачу, несчастье, обиду. Он ощущал величие тех, кто причинял ему боль. Свое ничтожество и их могущество.

Спасительная темнота забвения заволакивала время от времени сознание жертвы, но хозяева золотого Глаза располагали временем по своему усмотрению, их терпение казалось безграничным.

Иногда в голосе Глаза звучали отеческие интонации. Он наставлял, поучал, объяснял – и тогда на время пытки прекращались. Вместо раскаленных игл к фокусу шара начинали поступать совсем другие излучения. Они наполняли тело Степана сытостью, ощущением благополучия и короткого дремотного чувства счастья.

В такие минуты он ощущал себя личинкой, помещенной в прочный и надежный кокон заботливой маткой, она питала и растила, она заботилась о его будущем.

Странные видения время от времени возникали в мозгу Степана. Он видел гигантские пирамиды, сложенные посреди немых городов. Его глазам являлись лживые боги и пророки, которым удалось обмануть жителей городов, слишком занятых собственными повседневными делами. Боги взбирались на вершины, укреплялись там и застывали в бронзовой неподвижности. А внизу, в тени пирамид, спокойно кормились их старательные почитатели.

Но как только Степан хотел что-то изменить в своем положении, едва он пытался дернуться, вывернуться из проклятого фокуса, как шар оживал, и Степан сразу же начинал ощущать раскаленную точку фокуса, шарившую внутри его беззащитного тела, искавшую центры нервных сплетений и разрушавшую одну за другой кладовые его памяти.

Один раз он увидел внутреннюю поверхность шара, излучавшую мыльные пузыри. Их радужный слой, все ускоряясь, летел к нему со всех сторон пространства, обволакивал густой пеной, не давал дышать, забивал рот сладкой ватой. Он глотал эту пену до тошноты, до рвоты, она переполняла легкие и желудок, и, когда в очередной раз голос шара спросил его об имени, он не знал, что ответить.

Больше он не ощущал себя цельной личностью. Его разъяли, разложили на отдельные шарики. Каждый шарик, возможно, и имел собственное название, но единой человеческой сущности они уже не составляли.

Время относительно. Оно становится таковым, преломившись в призме человеческого сознания. Но если сознание раздроблено, расчленено на отдельные части – время тоже теряет свою целостность и как бы распадается на отдельные крохотные эпизоды, не связанные между собой прямой логикой причинно-следственных связей.

Человек, потерявший собственное имя, упрямо боролся за жизнь. Память изменила ему, силы оставляли его израненное тело, и он с трудом соображал, что, собственно, должен делать, чтобы продлить агонию еще на несколько часов и предоставить спасателям хотя бы ничтожный шанс отыскать в пространстве крохотную точку его аварийной капсулы.

Как он сюда попал? Почему стеклянная защитная сфера капсулы вызывает в нем вместе с мучительной болью воспоминание о совсем другом месте, излучавшем всей своей поверхностью только боль и смерть? Этого он не знал, этого ему не вспомнить, об этом вообще не следовало думать, если он хотел сохранить хотя бы те крупинки здравого смысла и памяти, которые еще остались в его распоряжении.

Капсула неумолимо падала, она падала так уже тысячу лет, и человек знал, что в конце ее гибельного пути короткая вспышка взрыва принесет ему забвение и окончание всем его мучениям. Тем не менее он упрямо боролся за жизнь, и он бы, возможно, справился, находя внутри своего разбитого тела неожиданные резервы жизненной силы, он бы наверняка справился со свалившейся на него бедой, если бы... не забыл собственное имя.

Он не знал, кто он и как очутился в космосе, он падал в искалеченной спасательной шлюпке, все ближе подходя к поверхности Марса, – но он не был пилотом взорвавшегося корабля, кажется, он был всего лишь одним из его пассажиров... Но тогда почему с таким упорством встает перед его мысленным взором управляющая рубка и строгие глаза инспектора, экзамен которому он так и не сумел сдать? И почему он вспоминает вместе с этим сухую

крымскую степь, что это за странный чужеродный кусочек памяти, сохранившийся вопреки всему?

Ему казалось теперь самым важным вспомнить, кто он такой и почему оказался в шлюпке. Ему казалось, что именно это знание может принести спасение или, по крайней мере, отделит физическую боль от внутренней, вычленив ее из сознания, принесет столь необходимую ему сейчас свободу в воспоминаниях и мыслях.

Но в памяти упорно вставали эпизоды двух разных жизней, перепутавшиеся, слившиеся в чудовищный уродливый комок. То он чувствовал себя абитуриентом, провалившимся на вступительных экзаменах в школе Космического центра, и вновь переживал горечь расставания с мечтой. То он видел караван, уходящий в пустыню, археологическую экспедицию, пыль навсегда исчезнувших цивилизаций. Какое это могло иметь к нему отношение? Он не знал. Шлюпка продолжала падать, и все меньше кислорода поступало из респиратора его скаффандра. Температура за бортом, видимо, повышалась. Он не мог видеть приборов, не хватало сил повернуться. При последнем ударе его тело заклинило между креслом и стенкой кабины.

Приборы, скорее всего, вообще бездействуют, а панель разбита. Его положение совершенно безнадежно, шансов на спасение нет. Он отчетливо понимал это, принял как неизбежное собственную гибель и не жалел о самом конце. Только хотел, хотя бы на время, избавиться от боли, чтобы подвести черту, чтобы хоть немного разобраться в путанице своего сознания.

Кто-то ему говорил... тот, кого он хорошо знал: «Человек должен уходить из жизни с ясным сознанием». Почему-то вспомнилось странное сочетание звуков: «Сейрос». Возможно, эти звуки означали чье-то имя. Он помнил еще два таких же важных звуковых сочетания: «Роман» и «Степан». Скорее всего, это тоже были имена. Но он так и не смог вспомнить, кому они принадлежали.

Авария рейсового корабля Марс – Земля произошла по невыясненной причине. Большинство аварий с давних времен происходило именно так. Взрыв уничтожал все следы. Правда, на этот раз большинству пассажиров удалось добраться до спасательных капсул, и управляющий автомат успел вышвырнуть их в космос за несколько секунд до взрыва. Часть капсул сразу же подобрала спасательные службы, но некоторые провели в космосе по нескольку дней и даже недель, пока не были засечены локаторами спасательных кораблей. Поиск был затруднен обломками корабля, заполнившими тот сектор пространства, в котором произошла авария, и мешавшими ложными сигналами локаторам поисковиков. Хрупкие крошечные суденышки, внутри которых в лежачем положении едва помещался один человек, не были приспособлены к столь длительному пребыванию в космосе.

Некоторые пассажиры были найдены в очень тяжелом состоянии. Полная неподвижность в течение долгих недель, абсолютная неизвестность, необходимость экономить крохотные запасы воды и пищи сделали свое дело.

Особенно трудно пришлось тем пассажирам, капсулы которых попали в зону высоких температур. Во время взрыва их антенны оплавилась, аппаратура отключилась, и все эти долгие дни они находились в состоянии такой изоляции и абсолютной тишины, вынести которые нормальная человеческая психика не в состоянии.

Часть вторая

Роман Гравов

Глава 1

Когда первые корабли землян робко вышли в космос и стали исследовать ближайшие планеты, никто точно не знал, что за этим последует. Но века сменяли друг друга, люди все

дальше уходили вглубь космоса от своих первых поселений. Наконец настали времена, когда корабли землян научились легко преодолевать бездны пространства, отделявшие звезды друг от друга. Человеческие поселения рассеялись по всей Галактике, и для того, чтобы из конца в конец пролететь территорию, занятую Федерацией Свободных Планет, лучу света требовалось уже больше сорока лет.

Пространство и время постепенно теряли свою беспредельную власть над человечеством. Каждый мог выбрать себе из бесчисленного разнообразия миров дом по собственному усмотрению. Упростились потребности и вкусы. Производство материальных благ перестало довлеть над людьми, и вслед за этим началось медленное отмирание огромных индустриальных планет, напичканных автоматикой и гигантскими кибернетическими комплексами. Какое-то время они еще держались, благодаря расширенному производству межзвездных кораблей, но вскоре их выпуск замедлился сам собой. У человечества не хватало людских ресурсов для освоения новых миров.

Естественно и незаметно произошло то, чего так опасались лет двести назад, когда был изобретен сверхсветовой двигатель для звездолетов. Раздробленная, разбитая на мелкие поселения, Федерация перестала представлять собой единое целое.

Каждая новая колония, едва обосновавшись, стремилась прежде всего обзавестись собственной администрацией и сводом собственных правил.

Древняя столица Федерации, планета, некогда бывшая колыбелью человечества, медленно, но неумолимо отходила на второй план. Надобность в едином планировании и координации взаимных поставок исчезла – каждое поселение производило для себя все, что считало необходимым, и вело собственную торговлю с соседними колониями. Правительство Федерации держалось в основном за счет исторических традиций да за счет организации и управления научными исследованиями, требовавших для своего осуществления все больших материальных затрат и все реже и реже приносивших ощутимые практические результаты.

Никто не знал, как долго сможет продержаться это неустойчивое равновесие, и именно в этот момент на границах своих владений Федерация столкнулась с неведомым и неуловимым врагом. Разваливалась экономика отдельных поселений. Люди теряли инициативу, их охватывало равнодушие и полная потеря интереса к жизни. Все данные говорили о том, что кто-то ведет четко организованную и спланированную работу по разрушению окраинных поселений Федерации. Но выявить и доказать существование реальных противников так и не удалось. Даже специально созданное в связи с этими событиями Управление внешней и внутренней безопасности до сих пор топталось на месте, хотя в его распоряжении была вся современная техника и совсем неплохие кадры.

Председатель Центрального Совета Федерации Ридов грузно поднялся из-за стола и подошел к матовому, вполстены окну. Нажав скрытую в подоконнике кнопку, он подождал, пока стекло не станет совершенно прозрачным, и лишь затем надолго погрузился в созерцание открывшейся перед ним панорамы улицы, словно увидел ее впервые. Перед ним возвышались слепые, с матовыми бельмами вместо окон, громады старинных зданий.

Улица казалась безжизненной. Далеко внизу, на мостовой, не было заметно ни малейшего движения. Все важнейшие коммуникации давно ушли под землю, и никто больше не увлекался старинным спортом – ездой на электромобилях мимо заброшенных зданий, многие из которых грозили обвалом. «Совсем еще недавно Земля казалась нам такой маленькой, такой тесной! – с горечью подумал Ридов. – Но космос впитал и растворил нас в своих просторах. Большинство колоний не насчитывает и миллиона поселенцев. Когда-то в одном этом городе жителей было в сотню раз больше. Где они сейчас, эти миллионы? И что собой сегодня представляет человечество в целом? Продолжит ли оно существование как нечто единое? Что с ним станет завтра?»

От решения, которое он должен был принять, от оттиска его личной печати на пластиковом листе документа с короткой надписью «утверждаю», возможно, зависело то, каким оно

будет, это завтра. «Я слишком стар для принятия подобных решений, я не знаю, к чему это приведет. Никто этого не может знать. Но я и не обязан принимать слишком ответственные решения самостоятельно. Именно для таких случаев и создан Центральный Совет».

Он отошел от окна и назначил через автоматический селектор внеочередное чрезвычайное заседание Совета на завтра.

– За час до начала мне понадобится Райков, разыщите его и пошлите официальное приглашение.

Мигнул зеленый огонек, означавший, что автоматический секретарь приступил к исполнению полученного задания. Матовая поверхность стола отсвечивала тускло, на ней не было ничего лишнего, ни одного постороннего предмета. Кабинет всегда оставался для Ридова лишь местом работы. Выключив автоматику и вызвав свой личный глайдер, он подумал о том, что, уйдя от самостоятельного решения, ничего, в сущности, не добился. Некогда восточные мудрецы не без основания считали, что бездействие – это тоже часть действия, к тому же далеко не самая пассивная.

Запустив пружину, приводящую в действие механизм Совета, он лишь отодвинул решение на сутки. Привлек к обсуждению разных людей, но, в сущности, ничего не изменил и ничего не добился. Никто не снимет с него конечной ответственности, не простит ошибки, если она произойдет, именно ему, председателю. К тому же, вызвав Райкова, он, собственно, предпринимал результат этого заседания.

Издали дом напоминал игрушечный стеклянный шар, забытый каким-то великаном посреди лесной поляны. Его задняя, срезанная наискось часть заканчивалась верандой, плавно переходившей в дикие заросли. Высокий худой человек подошел к дому с северной стороны вместе с мальчиком лет девяти.

– Мы теперь всегда будем ходить на лыжах? Каждый день?

– Всегда. До тех пор, пока у тебя не кончатся каникулы.

– А почему тебя уволили?

– Кто это тебе сказал?

– Миша. Мы вчера разговаривали по видею, и он сказал, об этом передавали в новостях.

– Говорят не «видик», а «видеофон».

– Но тебя все-таки уволили?

– Это шутка. У меня есть друг, который умеет так шутить. Тебе не следует вмешиваться в дела взрослых.

– Спросить нельзя, что ли? Если хочешь знать, я очень рад, что тебя уволили!

– Да?

– Да! По крайней мере, теперь у меня будет отец.

– А это, конечно, мама.

– Ага.

– Ты у меня замечательный цитатер.

– Кто-о?

– Цитатер – это человек, который не умеет разговаривать собственными словами, он, как попугай, повторяет только чужие фразы.

– Ну ты даешь! Я это слово запомню!

– Еще бы!

Они остановились перед выходом на веранду, сняли лыжи и отряхнули снег с блестящей ветрозащитной одежды.

В доме их встретила тишина, настоящая на запахе хвои и яблочного пирога.

– Позовем маму?

– Не стоит. Разве ты не чувствуешь, чем пахнет? В этот момент ей нельзя мешать, иначе пирог не удастся.

Дом, разделенный на четкие функциональные зоны, выглядел изнутри слишком просторным. Сразу за гардеробной начиналась «музейная». По крайней мере, так эту часть дома называла Анна. Здесь стояли стеллажи с пластиковыми копиями древних книг, чучела никогда не виданных на Земле животных, встречались и предметы вовсе уж непонятные: например, головоломка, найденная на Гидре и похожая с виду на рогатый каменный шар. При нажатии в определенном месте отдельные части этой конструкции менялись местами. Она могла принимать практически любую форму. Легенда гласила, что человек, которому удастся собрать из нее любой знакомый предмет, тут же получит его в натуре. Но пока эту задачу не удалось решить даже с помощью большого компьютера.

Переодевшись и освежившись ионизированным паром, Райков прошел в рабочую часть дома. Еще с порога кабинета ему бросилась в глаза лежащая на столе рядом с дисплеем домашнего компьютера желтая карточка визиограммы. Обычные сообщения оставались в памяти компьютера и попросту высвечивались на дисплее. С отпечаткой текста передавались только сообщения особой важности и официальные документы.

Стараясь унять волнение, уже догадавшись о том, откуда поступила визиограмма, Райков подходил к столу нарочито медленно. На его узком лице под широким разлетом бровей возбужденно блестели разбойничьи зеленоватые глаза.

Взяв карточку и разглядев на ней штампель Совета, он медленно перевел дыхание и лишь затем прочитал все сообщение залпом: «К трем часам прошу прибыть для получения задания. Ридов».

После такого вызова его увольнение и в самом деле стало походить на шутку. Только сейчас он понял, почему в доме стояла настороженная тишина, почему Анна не вышла их встречать и откуда в доме запах его любимого пирога.

Предстоял трудный разговор с женой и еще более трудное прощание...

Но это позже, это потом. Пока еще можно сделать вид, что он ни о чем не догадывается, не знает причины вызова... Только надолго ли хватит его притворства? Он чувствовал, что с каждым отлетом в дальнюю экспедицию отчуждение между ним и Анной все глубже пускало свои ледяные корни.

– Садитесь, Райков.

Ридов опустил в прорезь пневмопочты очередной рулон документов, над которыми работал перед приходом Райкова, и внимательно осмотрел своего посетителя. Последний раз они виделись года два назад, когда Райков руководил спасательной экспедицией на Зенде. Тогда требовалось снять с планеты экипаж застрявшего там поисковика. Посадка из-за сложных местных условий исключалась. Была разработана сложная комплексная программа с участием трех кораблей и целой серии челночных автоматических зондов. Райков нарушил инструкции и, не используя зондов, все-таки сел на планету.

Ему удалось взлететь, хотя корабль стал похож после этого на смятую консервную банку. Людей тем не менее он спас. И это, как считало руководство поискового отдела, счастливая случайность, не более. Райкову здорово влетело. Он подал рапорт с протестом, и Ридову пришлось заниматься этим делом лично. Оно получило широкую огласку в прессе. Он и сейчас еще помнил крикливые заголовки статей того времени с риторическим вопросом: «Нужно ли судить победителей?»

С тех пор, по крайней мере внешне, Райков мало изменился. Разве что седина появилась да суше стал взгляд чуть нагловатых зеленых глаз.

– Я знаю, что вас снова уволили, но на этот раз не собираюсь вмешиваться. Причины мне известны, и я одобряю решение вашего начальства, полагаю, они терпели достаточно долго.

– В целом они, конечно, правы. Но там есть некоторые обстоятельства...

Райков обладал удивительным качеством – во время вот таких кабинетных встреч располагать к себе начальство и производить самое благоприятное впечатление. Но стоило ему ока-

заться вдали от этих кабинетов, стоило приступить к решению очередной сложной задачи, как он напрочь забывал обо всех инструкциях, о своих личных обещаниях и поступал совершенно дерзко, зачастую слишком рискованно. Пока что ему сказочно везло. Или, как в глубине души полагал сам Ридов, он умел учитывать те неуловимые нюансы ситуации, обладал той глубокой внутренней интуицией, которая одна только и может принести человеку удачу в непредсказуемых, сложных, постоянно меняющихся условиях. Не дослушав, он прервал излияния Райкова.

– Я уже сказал, что не собираюсь вмешиваться. В конце концов, взаимоотношения с руководством отдела – это ваше личное дело. Не сработались – ищите другое, более подходящее место. Собственно, я и вызвал вас, чтобы предложить руководство экспедицией, не имеющей никакого отношения к отделу поиска. Ее организует непосредственно Совет.

Райков уставился на Ридова чуть удивленными глазами, в которых уже прыгали бесовские огоньки.

– Я знаю всего две экспедиции, которые организовывал Совет, и все они решали задачи чрезвычайной важности.

– Вы правы. Эта будет третьей и, я думаю, не менее важной. Вы что-нибудь слышали о Мексиканском черном ящике?

– Легенды, слухи... Поскольку официальной информации не существовало и моих заданий это не касалось...

– Есть официальная информация. Но лет двести назад, когда открыли параллелепипед, почему-то посчитали целесообразным утаить ее от общественности. Наверное, чиновники, бравшие на себя смелость решать, что можно знать народу, а чего – нельзя, думали, что так жить спокойнее. Они имели в виду, разумеется, себя. Поскольку толком объяснить, что собой представляет параллелепипед, никто не смог, сочли возможным закрыть всю тему.

– Этого я не понимаю!

– Ну, понять можно... То, чего мы не знаем, вроде бы не существует. Во всяком случае, не может влиять на сегодняшнюю нашу жизнь. Правительство прошлого века не могло допустить существования рядом с собой загадочного объекта, который оказался не по зубам их науке, – это бросало тень на престиж. Само существование такого объекта ставило под сомнение не одну научную концепцию. Пожалуй, даже не только научную... Но прежде чем мы продолжим наш разговор, я хотел бы, чтобы вы изучили в спецхране всю существующую на сегодняшний день информацию о черном параллелепипеде. Теперь она непосредственно относится к вашему заданию.

– Вы хотите сказать, что она до сих пор закрыта?

– Ну, видите ли, для того чтобы ее подготовить к представлению широкой публике, нужно было проделать определенную и немалую работу. Желающих не нашлось. Нужды в ней особой до сегодняшнего дня не было. Так что, возможно, именно вам выпадет честь впервые представить общественности Мексиканский ящик.

– Благодарю за честь! Я всегда считал себя выдающимся архивным работником.

– А вы не спешите. Возможно, после знакомства со всеми материалами и выводами многочисленных комиссий ваша точка зрения несколько изменится.

В овальном зале спецхрана не было стеллажей с бумажными папками, и тем не менее, как и сотни лет назад, здесь пахло крысиным пометом.

Райков подумал, что причина запаха, скорее всего, в том, что суть этого учреждения за все века не изменилась.

Здесь хранилась информация, недоступная простым смертным. Наверное, те, кого сюда впускали, должны были испытывать известную гордость людей, облеченных особым доверием начальства. Райков гордости не испытывал. Его раздражала дурацкая трата времени. Какое

отношение может иметь к дальнему космическому поиску история с найденной два века назад каменной глыбой?

Но приказ есть приказ. Он знал по опыту, что все распоряжения Ридова нужно выполнять в срок и добросовестно.

Только после того, как центральный компьютер спецхрана выдал на рабочий дисплей первые документы и фотографии, его скептицизм несколько поуменьшился. Перед ним разворачивалась захватывающая, прямо-таки детективная история двухвековой давности.

Скалу обнаружили совершенно случайно под толстым слоем наносов и оползней. Внимание специалистов сначала привлекла лишь ее правильная геометрическая фигура. Почти идеальный параллелепипед. Но первый же радиоизотопный анализ показал, что глыбе больше двух миллионов лет. В таком случае, если считать вероятным ее искусственное происхождение, к нашей земной истории объект вряд ли имел какое-нибудь отношение. Райков переключил изображение на дисплее и сразу же убедился в своей правоте.

Впрочем, одновременно с космической появилась гипотеза и земного происхождения глыбы. Логически вполне обоснованная. Сторонники космического происхождения объекта представили новые данные: котлован похож на метеоритный кратер...

Вряд ли здесь есть резон. Если эта штука свалилась из космоса, она могла сохраниться после удара об атмосферу только в том случае, если ее поверхность состоит из материала, не уступающего в прочности кристаллическому броневиту, но тогда она ушла бы в земную кору, как нож в масло.

Ни того ни другого не произошло. Есть еще один вариант: смягченная посадка. Именно это утверждает доктор Строгин: искусственный объект с заданными свойствами, нечто вроде кибернетического устройства.

Не слишком ли сложно для обломка скалы? Однако лет через пять только что открытый нейтринный анализ показал сложнейшую электронную структуру объекта: там оказалось нечто вроде гигантского кристалла компьютера с неизвестной программой, способного к накоплению энергии. Обнаружено наличие внутренних энергетических резервуаров на сверхпроводимость. Попытка расшифровать программу хоть бы в общих чертах успеха не имела. «Вещь в себе». Вот почему ее назвали «черным ящиком».

Лет на двадцать исследования заглохли. Объект законсервировали, закрыли на всякий случай энергетической защитой, установили круглосуточное наблюдение. За это время наблюдения никакой активации и никаких новых данных. В сороковых годах прошлого века все тот же Строгин, теперь уже академик, разработал теорию пространственного прокола: генератор-приемник, мгновенный переход объекта независимо от расстояния... Ну, с этим его подробно знакомили еще в школе пилотов. Ничего не вышло. Во всяком случае, практически. Энергии нужно было столько, что всего солнечного излучения за год не хватит на один переход.

Какое отношение это имеет к Мексиканскому объекту? Ага, вот еще одна гипотеза Строгина: «черный ящик» может быть генератором перехода с использованием внешних, неземных источников энергии...

Сразу же возник законный вопрос: если это действующий генератор, почему его не используют те, кто затратил столько сил на его создание и транспортировку? А может быть, использовали? Седая древность, начало четвертичного периода кайнозойской эры... эоплейстоцен. Вполне вероятно, то время не вызвало у них особого интереса. И потом, многое могло измениться за миллион лет в тех местах, где создавали эту штуку. Неудавшаяся попытка контакта? Может быть... Тогда следует рассчитать направление прокола и заняться поисками приемника. Конечно, данные таких расчетов неопределенны: ведь звездные объекты не фиксированы в скоплениях, они смещаются и, следовательно, постоянного направления к этим объектам быть не может. Замкнутый круг...

И еще одно оставалось совершенно непонятным: кому и зачем понадобилось делать из всего этого большой секрет?..

Глава 2

– Итак, что вы об этом думаете?

Ридов выглядел на следующее утро еще более усталым и озабоченным.

– Извините, что не мог предоставить вам достаточно времени для изучения и обдумывания проблемы. К сожалению, это срочно.

Рабочий стол председателя казался обманчиво пустым, почти праздным. Райков знал, что сложная аппаратура связи с центральным компьютером Федерации и весь необходимый для работы автоматический сервис размещены за панелями стен и не бросаются в глаза. Райков медлил с ответом, по-прежнему не понимая, какое отношение к нему имеет история Мексиканского объекта и почему ею сегодня занимается Центральный Совет Федерации.

– На мой взгляд, проблема осталась нерешенной. Более того, у меня сложилось впечатление, что даже сегодняшней уровень техники не позволяет ее решить. Информации явно недостаточно.

– Не позволяет... Что ж, возможно. Вы представляете, какой должна быть цивилизация, создавшая аппарат, перед которым оказались бессильными наша техника и наука?

– Но ведь до сих пор не доказано искусственное происхождение объекта! Одни гипотезы и догадки! Возможно, эта цивилизация всего лишь плод воображения Строгина.

– Вы так думаете? Взгляните-ка вот на это...

Ридов протянул Райкову узкую пластинку голограммы, ядовито блеснувшую на солнце. Тот долго вертел ее в руках, стараясь найти удобное отражение света и точку зрения.

Снимок был очень старый, без подсветки. Пейзаж чужой планеты то появлялся, то исчезал у него перед глазами.

Там были заросли мясистых красноватых растений, небольшой узкий ручей и какой-то темный силуэт.

Наконец ему удалось зафиксировать пластину в нужном положении – изображение обрело наконец резкость.

– Скорее всего, это фото автоматического разведчика, класс – не выше второй группы.

– Что вы скажете по поводу темного объекта?

– Его почти не видно. Это может быть часть скалы, базальтовая дайка например.

Ридов кивнул и нажал утопленную в ребре стола клавишу. Свет в комнате померк, над столом повисло увеличенное изображение голограммы. Судя по появившимся внизу надписям, это была полная реконструкция голограммы, проделанная центральным компьютером Федерации. Только теперь Райков начал понимать, какое значение придавалось этому снимку.

Во время полной реконструкции компьютер устанавливал координаты каждой отдельной точки изображения. При недостаточно полной информации машина интерполировала имеющиеся данные и в случае необходимости дополняла их, используя центральный банк памяти. Это была очень сложная и дорогая работа. Зато теперь оказалось возможным укрупнить и развернуть изображение темного объекта. Сомнений больше не оставалось: перед ними был двойник Мексиканского параллелепипеда.

– Еще один «черный ящик»?

– Не совсем так.

Ридов встал и прошелся по кабинету. Он остановился около изображения внеземной находки и долго задумчиво рассматривал ее, словно надеялся увидеть в мерцающей черной глубине нечто такое, чего не удалось разглядеть центральному компьютеру.

– Дело в том, что Строгин оставил после себя неплохих учеников, целую научную школу. Этот «ящичек» стал для него делом всей жизни. Не так давно профессору Яхнову, одному из самых его талантливых учеников, удалось создать действующую модель Мексиканского феномена...

Райкову показалось, что он ослышался. Тишина, сгустившаяся в кабинете председателя, казалась почти ощутимой. По-прежнему не работал ни один прибор связи, только птицы чирикали за окном.

– Но ведь еще Строгин доказал, что энергетическая проблема делает пространственный переход невозможным!

– Совершенно верно, для одного-единственного запуска модели понадобилась энергия всех накопителей Енисейского каскада. Они телепортировали массу около миллиграмма. Важно было доказать сам принцип. Яхнов утверждает, что Мексиканским объектом можно управлять и что для своей работы он использует внешнюю энергию гравитации. Во всяком случае, теперь можно считать доказанным, что в Мексике был найден искусственно созданный генератор пространственного перехода. Дверь в иные миры...

– Тогда почему до сих пор не задействовали сам Мексиканский генератор?

– Они создали необходимую для этого аппаратуру. Яхнову даже удалось частично активизировать Мексиканский феномен, но для завершающего эксперимента, для создания пространственного моста необходим был второй такой же генератор. Его нашли совсем недавно, и я не уверен, что это последняя находка такого рода...

Возможно, таких устройств в нашей Галактике множество и мы случайно натолкнулись на часть разветвленной сети сообщений. В любом случае это очень серьезно. Даже если те, кто создал эти устройства миллионы лет назад, больше не пользуются ими, сами генераторы до сих пор сохранили работоспособность. Цивилизация, которая сумеет их использовать, получит неслыханные преимущества перед другими. В космосе мы, скорее всего, не одни. И хотя прямых контактов с чужими до сих пор не было, многое говорит об этом. В любом случае у нас теперь есть все необходимое для создания первого пространственного моста. А это открытие, если оно состоится, само по себе способно полностью изменить структуру всей Федерации.

Райков встал и подошел к Ридову, теперь они стояли вместе перед изображением четырехметрового черного параллелепипеда, высвеченного аппаратурой в натуральную величину.

– Эта штука похожа на самую обыкновенную дверь, правда размер великоват.

– Открыть эту дверь будет не так-то просто, но за ней может оказаться будущее, которое сегодня трудно даже представить...

Под висящей в воздухе черной скалой светился ряд синих мерцающих цифр. Райков привычно нашел среди них индекс планеты и прочитал его вслух.

– Ин – двести сорок восемь. Странно, мне это ни о чем не говорит. В поисковом отделе нет объектов с такими индексами.

Ридов кивнул:

– Этой планеты нет в реестре Федерации. Она находится далеко за пределами освоенной зоны, примерно восемьдесят светолет.

Райков долго молчал, словно медленно пропускал через себя ощущение огромности этой цифры и всех вытекающих из ее величины последствий. Ридов не торопил его и ничего не подсказывал, словно желая лишний раз убедиться, сможет ли Райков правильно оценить ситуацию, выделить в ней самое главное, прежде чем принять решение.

– Восемьдесят светолет... Это же на пределе двойного оверсайда!

– Совершенно верно.

– Но в таком случае у корабля попросту не останется горючего для обратного разгона!

– Пространственники полагают, что корабль для обратного возвращения экипажу не понадобится. Если им удастся активизировать генераторы, если мост начнет действовать, проблема возврата перестанет существовать.

– Надеюсь, вы шутите?

Ридов устало улыбнулся:

– Я лишь изложил вам точку зрения наших пространственников, между прочим вполне официальную. Они требуют доставить их на планету и обещают вернуться без нашей помощи. Ну а если серьезно... В пределах одного оверсайда от Ины есть наша пограничная колония на Гридосе.

– В таком случае я не понимаю, почему в отделе поиска ничего не известно о планете Ин – двести сорок восемь?

– По секрету могу вам сообщить, что эту голограмму мы получили не через официальные каналы. Более того, нам пришлось приложить немало усилий, чтобы доставить ее на Землю.

– Ничего не понимаю!

Ридов устало вздохнул:

– Внешними исследованиями занимается не только поисковый отдел Федерации. Отдельные граничные поселения время от времени по собственной инициативе предпринимают дальнюю разведку.

– Зачем им это нужно? Ведь был же специальный закон, рекомендующий такие исследования сосредоточить в одном центре.

Ридов кивнул:

– Закон был. Но у нас достаточно поселений издают собственные законы и полагают, что действия и решения правительства Федерации их уже не касаются. Как бы то ни было, гридяне провели такие исследования и в результате открыли планету Ангра...

– Значит, у них есть автоматические зонды?

– Совершенно верно.

– Зачем им это понадобилось, ведь для поселения они не смогут использовать столь отдаленную планету?

– Мы давно уже не получаем всей информации о целях и намерениях некоторых федераций. Не так давно появился даже новый термин – «дикие поселения». Поселения, расположенные вне зоны досягаемости наших кораблей, полностью изолированные от Федерации, организованные вопреки всем правилам и законам. О них мы попросту ничего не знаем.

Кстати, частью вашего задания будет налаживание контактов с гридянами и получение дополнительной информации обо всех исследованиях в районе планеты Ангра. По крайней мере, информацию о самой планете мы получили, как полагаю, полностью. Она не содержит на первый взгляд ничего особенного. Стандартный отчет обследования планеты класса два. Обследования, проведенные автоматами, не отличаются особой полнотой. Кислород, температура, наличие воды. Словом, обычная планета, пригодная для заселения. Подробно с отчетом вы познакомитесь позже.

Да, вот еще что... Было бы неплохо, если бы часть людей для этой экспедиции вы взяли на Гридосе. Это важно из дипломатических соображений. Мы вынуждены поддерживать хотя бы видимость совместной работы даже там, где в этом нет ни малейшей необходимости.

Полагая, что разговор окончен, Райков поднялся.

– Это еще не все... Принято решение расконсервировать «Руслан».

– Не понимаю... Флот располагает отличными кораблями в этом районе.

– Федерального флота как такового давно не существует. Все корабли расписаны по своим базам и фактически Земле не принадлежат. Прежде чем мы добьемся положительного решения о выделении специального корабля, пройдет не меньше года. Мы попросту утонем в

бюрократической волоките. К тому же гридяне отказались предоставлять свои базы кораблям соседних колоний.

– А их собственные?

– Естественно, оказались все в ремонте.

– Они что, не понимают, насколько это важно?

– Скорее наоборот. Думаю, у них есть о Мексиканском объекте собственная информация.

Возможно, они недооценивают всей сложности проблемы и всех последствий. Однако можно сказать с полной определенностью: они не хотят пространственного моста между столицей Федерации и Гридосом.

– Но почему, почему?! Сколько раз они жаловались, что транспорты запаздывают, почта идет слишком медленно, ведь мост – это решение всех проблем!

Ридов вздохнул, подошел к окну и жестом пригласил Райкова присоединиться.

– Взгляните сюда: почти мертвый город. Это все, что на сегодня осталось от стомиллионной столицы Федерации. Мост означал бы для многих колоний конец автономии. Более того, если существуют его создатели, человечеству волей-неволей придется снова объединяться. Две могущественные цивилизации не могут распространяться в космосе беспределно, рано или поздно их интересы столкнутся. Тот, кто лучше справится с пространством, получит в этой игре огромное преимущество.

– Те, кто создал генераторы, давно с ним справились.

– Да. Но Мексиканский параллелепипед бездействует несколько столетий. Он мертв. И это дает нам надежду...

Несколько минут они молча стояли рядом, следя за полетом чаек. Миллионы этих птиц переселились сюда с побережья, поближе к пище. Их резкие крики звучали тревожно и горестно.

– У меня одно личное предположение, не подтвержденное пока достоверными фактами, – задумчиво проговорил Ридов. – Может быть, пространственными магистралями кто-то все-таки уже научился пользоваться. Возможно, этот «кто-то» освоил пока лишь небольшую часть линий... Нам нужно спешить. На Гридосе вам придется быть предельно осторожными. По непроверенным данным, число колонистов там за последние годы заметно увеличилось. Это число не совпадает с реестрами рождений. Оно не совпадает и с числом прибывших на Гридос. Создается впечатление, что там появились лишние люди, избегающие регистрации. Общество на Гридосе за последние годы развивается со странными аномалиями, и у меня создалось впечатление, что на его развитие влияют некие внешние силы. Постарайтесь это проверить. Обстановка там чрезвычайно сложная.

– Теперь я понимаю, зачем понадобился «Руслан».

– Да. Это придаст вашей миссии необходимый вес.

– Полагаете, они могут отказать нам в заправке?

– И это не исключено. К сожалению, мы не можем обойтись без гридской базы. Ангра слишком далеко... Вам придется найти приемлемый с дипломатической точки зрения способ для того, чтобы заправить «Руслан» на Гридосе. В связи со всеми этими сложностями, надеюсь, вы понимаете, насколько продуманной должна быть кандидатура капитана «Руслана»? Ее будет утверждать Совет, но право на выдвижение, как руководителя экспедиции, остается за вами. Этот принцип мы изменять не собираемся даже теперь.

– Ивон Ржежич.

– Не слишком долго вы думали... Не тот ли Ржежич, что командовал «Раскотом» во время освоения Эпсилона?

– Он самый.

– Но позвольте, это же было... Он ведь, наверно, давно на пенсии?

– Да, ему около шестидесяти. Мне почему-то кажется, что в этой экспедиции мудрость и опыт окажутся важнее залихватской удали молодых капитанов, к тому же...

– Ну-ну, договаривайте.

– По-моему, начальнику этой экспедиции потребуется известный противовес...

– Самокритичность – неплохая вещь. Хорошо, я поддержу кандидатуру Ржежича.

– Подготовка «Руслана» потребует очень много времени. В сущности, сегодня – это просто музейный экспонат. Наверняка возникнет необходимость в полной модернизации и даже замене большинства блоков. Ремонтные работы займут не меньше года. За это время ситуация на Гридосе может выйти из-под контроля. Информация оттуда, как я понял, постоянно задерживается и даже искажается. Я прошу вас разрешить послать на Гридос хотя бы одного независимого от УВИВБа наблюдателя.

– Хорошо. В данном конкретном случае я не буду против этого возражать. Ситуация на Гридосе чрезвычайно сложная, и лишний человек там не помешает, хотя ваше отношение к УВИВБу, мягко говоря, необъективно.

Сделав вид, что он не расслышал последнего замечания, Райков тут же закрепил успех.

– Значит, я могу подумать над кандидатурой того, кого мы пошлем на Гридос по неофициальным каналам раньше основной экспедиции?

– Вряд ли бы вы начали этот разговор, не имея в виду конкретного человека. Скажите уж лучше, о ком идет речь.

– Мне кажется, это должен быть непрофессионал, никому не известный простой парень, из тех, кто охотно вербуются на новые поселения. Он не должен вызывать ни малейшего подозрения у гридских властей, но никого конкретно я пока не выбрал.

– Поторопитесь с этим, обстановка на Гридосе меняется слишком быстро. А рейсовые корабли идут туда несколько недель.

Глава 3

В это летнее, умытое невесомым июньским дождем утро Роман Гравов проснулся рано и несколько секунд лежал на своем ложе неподвижно, слушая, как тишина мертвых кварталов города неслышно плещется в стенах его квартиры.

Совершенно механически закончив сложную систему упражнений, которой начинал каждый свой день вот уже в течение шести лет, он наскоро позавтракал консервированным салатом, проглотил кофейную таблетку, запив ее чашкой родниковой воды, привезенной из национального парка, и вышел на улицу.

Фасады многих зданий потрескались, кое-где ремонтные работы из городских служб еще пытались справиться с самыми крупными трещинами, но их усилий было явно недостаточно. «Мы не в силах следить за таким огромным городом, нас осталось здесь слишком мало, – в который раз подумал Роман. – Люди не хотят жить в этих пластмассовых ящиках вдали от природы и друг от друга». Еще древние установили, что скученность в огромных зданиях разобщает сильнее всего, и потому люди в конце концов покинули эти гигантские каменные ульи.

Наверное, следовало перевести оставшиеся здесь службы и учреждения куда-нибудь в другое, более подходящее место и навсегда покончить с трупами городов. Вопрос много раз дискутировался по общественным информационным сетям и всякий раз откладывался. Старые традиции умирают последними.

После своего слишком легкого завтрака Роман все еще испытывал голод, но держать дома солидный запас консервированных продуктов казалось ему нецелесообразным, пока работали городские пищевые автоматы. Вот и сейчас, проходя мимо знакомого серого ящика, он остановился перед стойкой и привычным жестом нажал кнопку. Автомат недовольно заворчал, но

все-таки выплюнул на поблескивающую металлом пластмассовую поверхность стойки пакет с экспресс-завтраком.

Каждое утро Роман готовился к тому, что очередного пакета не будет. Во всем квартале работал теперь только этот единственный автомат, но пока он не подводил его, исправно поставляя по невидимым пищевым артериям города пакеты с пищей.

Разорвав обертку, Роман оглянулся и не обнаружил урны на привычном месте. Долгое время брошенный пакет летел по ветру, пока не наткнулся на груды старого мусора в пространстве между ступенями лестницы. Автоматические мусороуборщики не очень-то справлялись со своими обязанностями в этой части города, – возможно, их здесь давно уже не было. Роман медленно пошел вдоль бульвара, задумчиво пережевывая бутерброд с едва теплой сосиской, завернутой в ломоть полусырого хлеба.

«Мы как песчинки на огромном побережье. Ветер разносит нас все дальше и дальше. А старые места, когда-то бывшие нашим домом, постепенно приходят в запустение...»

Правильно ли это? Должно ли все идти именно так – он не знал, и никто не смог однозначно ответить ему на этот вопрос, даже учитель. Вот и решетка старого сада, в котором Глебов всегда назначал ему короткие встречи. Роман любил это место.

Из-за ежедневной прогулки по пустынному городу он отказался от общежития, удобно устроенного в здании комбината, в котором теперь работал. Мастер долго уговаривал его там поселиться, чтобы не тратить так много времени впустую на ежедневную дорогу. Как будто он тратил его впустую... В конце концов, это было его право: выбирать себе место жительства. Работа на комбинате была для него всего лишь временным прибежищем, она давала ему возможность жить в столице, давала общественную карточку на право посещения столовых, магазинов и развлекательных учреждений города, куда он, правда, почти не ходил: на это не оставалось времени.

Откуда мастеру было знать, что именно работа на его драгоценном комбинате, производившем электронную начинку для вездесущих роботов, была для него, Романа Гравова, пустопорожней тратой драгоценного времени, отнятого от тренировок, от изучения навигационных и космических сводов?..

Он выбрал неверный путь, скажет ему сегодня учитель, дорогу, которая никуда не ведет, он сравнит его со спортсменом, на ногах у которого болтаются пудовые гири, сковывая каждый шаг. Какой смысл бежать с такими гирями? Какой смысл в недосыпании, в суровом ограничении всех своих желаний, в лучших годах юности, потраченных на уединение, занятия и размышления? Какой в этом смысл, если ты заранее обречен на поражение?

Сад встретил его хрустом засохших листьев на центральной аллее. Осень еще не скоро, – наверное, опять сломался единственный здесь робот-уборщик. В следующий раз надо будет вскрыть пять-шесть минут и посмотреть, что с ним стряслось.

В конце березовой аллеи показалась потемневшая от времени, покособившаяся от дождей и ветров старая скамья. «Скамья для сложных бесед», как в шутку окрестил ее однажды Глебов. Сегодняшняя встреча здесь тоже не обещает быть легкой. Роман сел, прикрыл глаза и прислушался к себе... Воспоминания о тяжком труде, о незаслуженных обидах, о промелькнувших, как одно мгновение, годах вновь овладели им, и он не стал противиться их приходу...

Когда же все началось? Как большинство нормальных детей в школе первой ступени, он мечтал стать звездолетчиком. Мечта была расплывчатой, неопределенной. Ему нравились куклы в скафандрах, модели кораблей. Автоматические игрушки планетных вездеходов. Кому из мальчишек они не нравились?

Однако в четырнадцать лет, после окончания школы первой ступени, многие поумнели. Специальность звездолетчика становилась все менее престижной. Риск и романтика дальнего поиска постепенно отходили на задний план. Кому интересно водить рейсовые корабли по одному и тому же маршруту, на котором известна каждая остановка, каждый «случай-

ный» астероид? Пилотов кораблей требовалось все меньше, количество членов экипажей неуклонно сокращалось, места людей занимали автоматические устройства, и все труднее становилось поступить в школу второй ступени при Космическом институте. Федерации требовались совсем другие специалисты. Но он не послушался мудрых советов и провалился на вступительных экзаменах. Это было первым разочарованием. Большинство мальчишек в этой ситуации начинали подыскивать специальность попроще. С ним этого не произошло.

Именно тогда он первый раз всерьез задумался над тем, что, собственно, привлекает его в специальности звездолетчика. Не форма, не престиж, не слава, даже не возможность самостоятельно управлять кораблем. (Кстати, уже тогда он прекрасно понимал, что это попросту невозможно.) Его привлекали чужие неисследованные миры, острова, на которые не ступала нога человека, звездные острова.

Может быть, причиной всего был маленький астероид, на котором он родился? С детских лет родной мир казался ему кораблем, плывущим среди звезд. Он подал заявление в Управление внешних поселений, в Школу инспекторов. Эта специальность, после капитанов кораблей дальней разведки, казалась ему заслуживающей наибольшего внимания.

Единственная такая школа находилась в столице Федерации. Кому там нужен мальчишка с далекой периферийной колонии? Его родители никогда не бывали на Земле, он сам видел ее лишь в видеофильмах. Сначала над ним добродушно подсмеивались, говорили о том, что чудес не бывает, что для поступления в такую престижную школу нужна соответствующая протекция, что на Земле хватает своих мечтателей, без него как-нибудь обойдутся... Но когда с очередной почтой пришло уведомление о том, что его документы приняты к рассмотрению, насмешки почему-то стали лишь злее.

После целой программы специальных тестов и обследований из столицы пришло приглашение принять участие в конкурсных экзаменах. Так он стал абитуриентом. Это слово казалось ему всего лишь ступенькой. В абитуриенты принимают не всякого. Рано или поздно абитуриент становится курсантом – так он думал тогда. Ему пришлось выдержать целый бой с родными: они наотрез отказывались дать согласие на его участие в конкурсе, но Роман умел добиваться своего, и в конце концов рейсовый звездолет унес его к неведомой и далекой Земле.

Затем была посадка на поясном космодроме, пересадка на рейсовый челнок Калипсо – Марс – Земля и авария, навсегда перечеркнувшая все его мечты и планы...

Долгие годы лечения, искалеченная психика, клаустрофобия – диагноз медицинской комиссии, заставивший его навсегда расстаться с мечтой о дальнем космосе. Домой он так и не вернулся. Жизнь потеряла для него свои яркие краски. Желания бросить якорь, найти себе спутницу жизни, определиться так и не возникло. Не получив определенной специальности, не закончив школу второй ступени, он начал скитаться с планеты на планету. Меняя один освоенный мир за другим, подыскивая случайные, временные работы, соглашаясь на любые условия... Постепенно он превратился в постоянного пассажира, в парию без образования и без специальности. Три года были безвозвратно потеряны, время для поступления в школу второй ступени упущено, дорога к его заветной мечте, как ему казалось, полностью утрачена. И вот тогда на Фредосе он встретил Глебова... Человека, вновь подарившего ему надежду... Глебов знал старинную китайскую систему тренировки психики, способную вернуть искалеченному человеку здоровье, закалить его, сделать сильнее. Она многое могла, эта странная система... Глебов сделался его учителем и за четыре года полностью вернул Роману здоровье.

Что-то, впрочем, осталось. Какие-то смутные видения, сны, обрывки странных воспоминаний или следы былых галлюцинаций. Роман не мог бы ответить на этот вопрос, возможно, поэтому он инстинктивно избегал полного медицинского обследования и искал обходные пути, ведущие к цели.

Догадывался ли об этом Глебов? Знал ли, что для Романа то, чему сам Глебов посвятил всю жизнь, всего лишь средство? Скорее всего, он надеялся только на время. Постепенно,

исподволь в Романа нарастал протест. Он не собирался посвящать свою жизнь планам Глебова, и в конце концов разрыв стал неизбежен. Оба понимали это, хотя еще не родились окончательные слова, да и не было в этом необходимости для двух людей, ощущавших само движение мысли.

Он услышал шаги учителя за целый квартал. Конечно, не сам звук. Он словно видел со стороны, как учитель проходит в эту минуту мимо автомата с экспресс-завтраком, видит брошенную им обертку и осуждающе покачивает головой.

Глебов выглядел уставшим и сильно постаревшим, хотя с момента их последней встречи прошло не больше года. Черты его лица обострились, и под тонкой пергаментной кожей проглядывала нездоровая синева. Сколько ему может быть лет? Семьдесят? Сто? Спрашивать о возрасте старшего считалось неприличным. Роман и в этот раз сдержался, не начинал разговор. А Глебов будто испытывал его терпение: упорно молчал и смотрел в сторону, словно не замечал сидевшего на скамье Романа.

В конце концов Роман не выдержал и начал оправдываться. Чувство вины перед учителем за то, что он не выполнил его рекомендаций, не спросил даже совета, а просто известил о своем решении, оказалось сильнее вежливости.

– Я не мог поступить иначе. Понимаешь, это мой последний шанс. Такие экспедиции бывают раз в столетие! Я должен хотя бы попробовать. Может быть, повезет, бывают же случайные невероятные удачи! Вдруг мне повезет?

– Да? Что ж, возможно.

– Ты не прав, нельзя больше ждать, больше я так не могу, ты научил меня многому, дал надежду, пять лет я ждал и работал, пять долгих бесконечных лет, и вот теперь ты против...

– Разве я что-нибудь сказал? Я вообще сижу молча. Сижу и слушаю твой детский лепет. Я даже не возражаю.

– Разве обязательно возражать? Я же вижу – ты против!

– Какое это, в конце концов, имеет значение, раз ты уже все решил без меня?

– Я должен был хотя бы отдать заявление на участие в этом конкурсе! Я узнал об открытии конкурса с опозданием, и у меня не оставалось времени для того, чтобы связаться с тобой. Однако никто не мешает тебе запретить мне поединок. Ты мой учитель. До начала соревнований еще двое суток. Ты очень спешил и успел. Чего же ты ждешь? За что меня упрекаешь?

– Я ничего не могу тебе запретить. Особенно теперь. «Каждый человек, становясь самостоятельным, сам принимает решения и сам отвечает за их последствия...»

Это была ритуальная фраза. Фраза прощания. Глебов отрекся от него, и теперь он оставался один. Совершенно один. Роман почувствовал холодное отчаяние и вместе с тем незнакомое раньше упорство. Если нужно заплатить даже такую цену – он ее заплатит. В конце концов, даже учение КЖИ всегда было для него только средством.

Холодный ветер, перепрыгнув через ограду парка, помчался вдоль аллеи, неся перед собой волну сухих шуршащих листьев, и, не долетев до скамейки нескольких метров, бесильно бросил им под ноги пеструю охапку.

Глебов поднялся, повернулся к Роману и посмотрел на него внимательно. Вгляделся так, словно хотел надолго запомнить его черты.

– Я всегда знал, что рано или поздно это случится. Что ты уйдешь к своим звездам. Но я надеялся, это будет не так быстро и ты, по крайней мере, закончишь курс. У тебя настоящий талант, он встречается слишком редко. Иногда мне даже казалось, что в детстве кто-то с тобой занимался, некоторые реакции оказались чрезмерно развиты. Есть качества, которые не могут быть врожденными, их можно достичь только с помощью специальных тренировок.

– Почему же я ничего не помню об этом?

– После аварии часть твоей памяти оказалась закрытой, психологические реакции, связанные с этой изолированной областью, ненормально болезненны. Все это напоминает искусно

поставленный гипноблок с хорошей защитой. Проникать в него слишком опасно, я надеялся, что позже, когда ты до конца овладеешь системой и сможешь полностью контролировать собственную психику, ты сам справишься с этим. Но ты уходишь слишком рано. Я всегда знал, что ты уйдешь, и все же надеялся на время. После окончания третьего цикла должна была измениться вся твоя структура ценностей, само восприятие мира, я надеялся, что тогда ты переменишь решение...

– У меня нет выбора. Следующий конкурс может быть через пять – десять лет. Мне уже двадцать восемь, возраст стажера не должен превышать тридцати лет, я могу опоздать навсегда.

Они говорили на разных языках. Каждый о своем.

– Да, ты уже очень стар.

Вместо иронии он услышал в голосе учителя непонятную грусть.

– А ты знаешь, почему я против? Догадываешься об этом?

– Нет.

– Это наша последняя встреча, и поэтому я могу сказать тебе все. Решение принято. Ты выбрал свою дорогу, и мои слова не имеют больше никакого значения.

Роман ощутил в его голосе еще большую грусть-тоску, превосходящую его собственную, и ничем не сумел помочь, не нашлось нужных слов, только во рту пересохло да предательски запершило в горле.

– Дело в том, что тебе нельзя больше проигрывать: каждый человек имеет определенный лимит неудач. Свой ты уже исчерпал: еще одно поражение – и ты уже не сможешь подняться, не хватит внутренних резервов для организации нового рывка. Слишком хорошо я тебя изучил. Ты и сейчас рвешься в бой не от хорошей жизни. Каждый человек живет внутри отведенной ему судьбой и его собственной волей клеточки пространства. Клеточка может быть большой или очень маленькой. – Учитель показал пальцами, какой может быть клеточка жизненного пространства, и продолжил: – Люди тоже неодинаковы. Одни умещаются в эту клеточку, уживаются с ней, соизмеряют свои желания с реальным положением вещей. Другие – нет. Ты относишься ко вторым. Им всегда труднее живется. Я никогда не говорил тебе, почему так важно воспитать ученика?

Роман отрицательно покачал головой.

– Лет двести назад, когда открыли энергию КЖИ и впервые были приведены в определенную систему правила овладения этой энергией, делалось много попыток запретить ее или, по крайней мере, поставить под контроль правительства. Но потом оказалось, что людей, способных овладеть этим искусством, меньше одной тысячной процента. И правительство потеряло к нам всякий интерес. При таком ничтожном количестве само собой должно было получиться так, что со временем об энергии КЖИ просто забудут, и ничего не надо запрещать – достаточно умалчивать. В общем, эта тактика имела успех, но не полностью. И только благодаря тому, что к формальным правилам и упражнениям со временем прибавились определенные моральные обязанности...

– Каждый изучивший систему КЖИ обязан в течение своей жизни найти и воспитать ученика, – тихо произнес Роман.

– Вот именно – «обязан». Но это легко сказать, а где его найдешь, ученика, если на миллион людей лишь один рождается с врожденной способностью к овладению энергией КЖИ? Да к тому же не подозревает о своих способностях. Мне просто повезло... Второго такого случая не будет, и теперь ты понимаешь, как трудно мне терять тебя.

– Я не собираюсь никуда уходить. Я могу продолжать учение.

– Не можешь. Вернее, не сможешь. Потому что провалишься на конкурсе-поединке... Ну-ка, скажи мне основное правило изучающего систему КЖИ?

– Обучающийся не должен ни в процессе обучения, ни после овладения основными приемами и силами энергии КЖИ использовать их во вред людям или какому бы то ни было живому существу...

– Это одно из самых старых правил, и относится оно не только к нашей системе. Его открыли еще тибетские мистики, и с тех пор оно присутствовало в большинстве философских систем, так или иначе изучавших космическую энергию. Но из этого правила есть два исключения, о которых я не имел права говорить тебе раньше.

Первое из них гласит, что ты можешь использовать приемы системы против живого существа или человека в том случае, если от них исходит непосредственная угроза твоей жизни, но только для ликвидации этой угрозы.

И второе: ты можешь использовать все силы системы против тех, кто пользуется ею во вред жизни. Второе правило, насколько я понимаю, имеет чисто протокольное значение. При существующей сложности овладения приемами КЖИ, при ее ничтожной распространенности, да еще учитывая связанный с этим риск, вряд ли тебе придется когда-нибудь встретить такого противника, и тем не менее, прощаясь с тобой, я был обязан сказать эти последние слова напутствия.

– Почему ты оставляешь меня в самый сложный момент моей жизни? Ведь в твоей власти изменить все, ты же знаешь...

– Именно поэтому. У тебя свой путь. Я не имею права вмешиваться. Если сейчас тебя остановить, ты никогда этого мне не простишь. Только сам, через горечь поражения или радость победы, ты найдешь свою дорогу, я не зря воспитал хорошего ученика.

Он встал и пошел по хрустящим листьям, не оглядываясь. Прежде чем Роман понял смысл последней фразы, сказанной учителем на прощание, прежде чем наступило само это прощание, тот уже скрылся за поворотом аллеи, и только ощущение добра и печали осталось рядом с Романом, словно учитель никуда не уходил, и он знал, что воспоминание об этом останется с ним навсегда.

Глава 4

В восемнадцать двадцать капитан Ивон Ржежич, выполняя просьбу Райкова, был у дверей операторского зала. Райков, естественно, опаздывал. Он всегда опаздывал, если не считал встречу чересчур значительной, и Ржежич за двенадцать лет знакомства все никак не мог понять, откуда это у него, от безалаберности или от потаенного презрения к людям? Ивон привык к порядку, любил его и не скрывал этого. Люди, не отличавшиеся подобным качеством, редко задерживались в космофлоте. Он же отдал ему четверть века – лучшую часть своей жизни, а теперь вот Игорь Райков, его бывший ученик, разгильдяй и демагог, заставляет себя ждать. Мало того, с точностью до минуты можно было предположить, когда он появится. Он всегда приходил не раньше чем через полчаса после условленного срока, если какие-нибудь чрезвычайные обстоятельства не ломали этот странный график.

В этот раз Райков, во всяком случае, остался верен себе и появился ровно без десяти семь. Вид у него был виноватый, почти заискивающий.

– Прости, пожалуйста, совершенно замотали в Управлении, и нога, как назло, разболелась, еле дошел до авитрона. Ты уж извини...

Он так искренне каждый раз сожалел о случившемся казусе, что на него положительно невозможно было сердиться.

– Зачем я тебе понадобился?

– Да просто захотелось увидеть старого друга.

– Игорь, перестань финтить! Говори сразу, в чем дело?

– Организуется одна небольшая экспедиция, хочу показать тебе корабль.

– Когда отправляемся?

– Ну, не так быстро... Сначала осмотрим корабль.

Они прошли проспект Космонавтов, с удовольствием вдыхая вечерний морской воздух и обмениваясь новостями. Райков избегал разговора о деле. Хотелось сделать Ржежичу сюрприз... Центр города поддерживался в относительном порядке, но, как только они миновали центральную магистраль, у них пропало желание продолжать пешую прогулку. Заросли бурьяна и дикая синяя колючка, завезенная когда-то с Ганимеда, заполонили всю поверхность мостовой. Пришлось вызывать аэротакси. Спустя час они оказались в районе порта.

Местный кар прошел второй контрольный пункт и, оставив далеко позади пассажирскую зону космопорта, повернул к старому кладбищу кораблей.

– Не понимаю, для чего ты меня сюда тащишь. У нас что, много лишнего времени? – недовольно проворчал Ржежич.

– Скоро узнаешь. – Райков загадочно улыбнулся. – У тебя осталось что-нибудь от прежнего терпения?

– При чем тут терпение? Ты обещал мне показать корабль!

– Видишь ли... Нам придется взять с собой много лишнего груза: аппаратуру для моста и горючее для предельного броска. Нужен крупный корабль с мощными генераторами. Столица Федерации не располагает кораблями подобного типа, а гридяне нам отказали.

– То есть как отказали? Какое они имеют право отказывать Центральному Совету?

– Нет у них подходящих кораблей – часть в ремонте, остальные срочно ушли в экспедицию... Не нравится им этот мост. Они слишком дорожат собственной автономией и будут всячески вставлять нам палки в колеса. Именно поэтому Совет организовал собственную экспедицию непосредственно с Земли. Топлива понадобится значительно больше, зато мы будем полностью независимы в своих действиях.

Как только кар вынырнул из ложины пассажирского космодрома, они увидели корабль. Гигантское серебристое тело звездолета вздымалось ввысь на добрую сотню метров. Он казался великаном среди беспорядочно сбившихся в кучу списанных кораблей более позднего времени.

– Неужели «Руслан»?

– Он самый. Восстановительные работы уже начаты.

– Но ему же...

– Ты хочешь сказать: много лет. Ничего. Корпус из титанита. В те годы умели строить по-настоящему. Электронную начинку, оборудование – все, что устарело, мы заменим.

– А реакторы?

– Реакторы останутся. Пришлось бы разрезать весь корпус, чтобы их демонтировать. Главный энергетик гонял их на всех режимах. Комиссия считает генераторы вполне работоспособными. Размеры и масса против современных, конечно, великоваты, но с этим придется мириться: у нас мало времени. С Гридосом все не так просто...

– Насколько я понимаю, ты хочешь, чтобы Федерация послала туда боевой корабль?

– Ну, официально боевых кораблей теперь не существует, это, скорее, музейный экспонат. Тем не менее на «Руслане» вполне работоспособные лазерные пушки и хорошая силовая защита. Мы будем чувствовать себя на Гридосе под таким прикрытием увереннее. В конце концов, они сами виноваты, что нам пришлось использовать старый списанный корабль.

– Таким образом, наше задание по установке пространственного моста тоже становится своего рода фасадом. Не нравится мне все это.

– Думаешь, мне нравится? Гридос – только первая ласточка. Федерация начинает распадаться, колонии добиваются все большей автономии, и никто не знает, чем это кончится.

– Так, может, мост что-нибудь изменит в этом?

– Дело не в транспортных проблемах. Все гораздо серьезнее. Постепенно исчезают причины, объединявшие нас в единое целое, и никто сегодня не может сказать, хорошо это или плохо. Никто не знает, как далеко заведет нас этот процесс и чем он закончится. Возможно, человечество как единая раса попросту перестанет существовать.

– Я надеюсь, что Гридос в какой-то степени сможет ответить хотя бы на некоторые из этих вопросов.

Вечерело. Они долго стояли в задумчивости перед старым кораблем: два немолодых человека, немало повидавших на своем веку. Оба понимали, что время их эпохи подошло к тому рубежу, когда накопившиеся исподволь, незаметно факторы приводят к решительным и внезапным переменам.

Наступало время тревог, время сомнений и время действий.

Закат над космодромом играл на старой броне боевого корабля, и оба слишком хорошо знали, что этот блеск никогда ничего не менял в сложных движениях современного общества, а к языку силы первыми всегда прибегали те, кто чувствовал себя не слишком уверенно.

Несколько позже, анализируя цепочку странных совпадений, приведших его в спортивный зал аттестационной комиссии, Райков так и не смог установить, с чего, собственно, все началось. Может быть, с выданного два дня назад автоматическому секретарю задания произвести предварительный подбор нескольких подходящих кандидатур, из которых впоследствии он собирался лично отобрать нужного человека для отправки на Гридос? Или все произошло позже, когда после посещения с Ржежичем старого космодрома у него забарахлил кар и он вынужден был вызвать ремонтного киба, а тот, как обычно, задержался?..

Досадуя на зря потраченное время, Райков вышел и оказался прямо перед доской объявлений со знакомой фамилией: Гравов.

И почему, собственно, эта фамилия показалась ему знакомой? Ведь он видел ее всего один раз в подготовленном секретарем списке наряду с девятью другими кандидатурами. Конечно, у него хорошая память, но не до такой же степени... Дело было даже и не в этом, а в том, чтобы понять, где проходила едва уловимая грань, за которой случайные совпадения превращались в нечто вполне определенное, в нечто подготовленное заранее...

Как бы то ни было, устав ждать ремонтного робота, Райков открыл дверь и очутился в зале аттестационной комиссии космофлота в тот самый момент, когда к концу подходил финальный поединок между двумя кандидатами в стажеры.

Только сейчас он вспомнил, что его официально приглашали посетить заключительную церемонию утверждения будущего стажера, но он отказался, собираясь позже специально заняться подбором нужной кандидатуры.

Тем не менее фактически, вопреки собственному желанию, он стоял сейчас в этом зале. Председатель аттестационной комиссии поднялся навстречу важному гостю, и Райкову, чтобы не привлекать излишнего внимания к своей персоне, пришлось сесть за стол. Поединок тем временем фактически уже заканчивался.

Роман проигрывал Клестову по всем пунктам. Уже сам факт его участия в финале был чудом. Чтобы человек с улицы одержал победу над десятком хорошо подготовленных курсантов космошколы, уже сам этот факт был слишком невероятен. Но теперь он проигрывал. Бесстрастный автоматический судья высвечивал на гигантском панно комиссии баллы, означавшие полное поражение.

Он проиграл на сорок десятых в психотесте, он не выдержал соревнования в игре пилотов, когда за пультом тренажера Клестов на десять секунд раньше и на сорок баллов лучше произвел посадку на условную планету. Наконец, он проигрывал ему в спортивной схватке.

Считалось, что победа в спортивной поединке может компенсировать неудачу в теоретическом и прикладном разделах. Почему это так – никто не знал. Окончательное решение компьютера невозможно было предвидеть заранее. Во всяком случае, оно не вытекало непо-

средственно из суммы завоеванных баллов. Играла роль личная карточка кандидата, его биографические данные, психологическая совместимость с членами будущей команды и многое другое. Поговаривали, что даже личные связи могли значительно влиять на безупречное объективное решение компьютера.

Роман в это не верил. В это нельзя было верить, иначе все годы подготовки теряли смысл. Он не верил и потому боролся до конца, даже когда дальнейшая борьба казалась бессмысленной.

Клестов смял его в ближнем бою, затем вынудил уйти на дальнюю дистанцию и наконец красивой двойной подсечкой швырнул на ковер. Зал взревел.

Райков потянулся к своему пульта и включился в информационный блок. На его дисплее поплыли длинные ряды данных из личной карточки кандидата.

– Ничего не понимаю... Этот человек просто не мог дойти до финала. Такого никогда не было, тут что-то не так, – пробормотал он, ни к кому не обращаясь.

Поединок между тем, ко всеобщему удивлению, все еще продолжался. По условиям соревнования он должен продолжаться до тех пор, пока один из соперников не признает своего поражения или не сможет подняться. Но странный «человек с улицы» поднялся вновь, вновь встал в боевую стойку. На лице его противника, уже считавшего себя победителем, можно было заметить некоторую растерянность.

Старая традиция отбора кандидатов в стажеры дальних экспедиций неукоснительно соблюдалась много десятилетий, и, хотя правила давно устарели, отменять их не было смысла. Редко уходили теперь в космос новые поисковые экспедиции. Космофлот едва справлялся с обслуживанием рейсовых линий между колониями Федерации. На каждую новую экспедицию требовалось специальное разрешение Совета. Слишком много материальных ресурсов, а зачастую и жизни уносило исследование дальних частей Галактики.

Одно из старых правил разрешало принимать участие в конкурсе всем желающим. В те далекие времена, когда школ было мало, а новые исследовательские экспедиции уходили к звездам почти каждый год, это правило давало возможность талантливым людям завоевать себе место в одной из таких экспедиций. Во всяком случае, оно давало им надежду, создавало видимость справедливости. Сегодня у людей, не прошедших подготовки в специализированных школах, не было ни малейшего шанса даже близко подойти к финалу. Тем не менее это случилось.

Роман стоял на самой границе ковра, еще шаг – и он окажется в минусовой зоне. Пот заливал лицо, болела коленка, сильно ушибленная во время последней подсечки.

Клестов действовал методично и безжалостно, он безупречно владел всеми новейшими приемами защиты и нападения. Роман мог ему противопоставить только выносливость и необыкновенную гибкость. Но чтобы выстоять против специально тренированного бойца, этого было недостаточно. И после того как он в шестой раз поднялся с ковра, после последней, самой сокрушительной подсечки, что-то изменилось в манере боя Клестова. Он медлил, и Роман не мог понять, что это: растерянность или просто тактический прием, в котором противник пытался заставить его выйти на выгодную для себя среднюю дистанцию, раскрыться, потерять бдительность и не суметь уклониться от очередного броска...

Скорее всего, Клестов хотел закончить бой эффектным нокаутом противника. Наверное, он добивался именно этого, иначе давно бы уже воспользовался слабостью Романа в те первые, самые трудные мгновения, когда тот только что поднялся с ковра.

Но вот наконец Клестов вновь прыгнул. Нормальный человек вряд ли сумел бы заметить движение его ладоней, чертивших в воздухе короткие опасные траектории ударов. Но мгновения растягивались для Романа во время поединка, он мог бы растянуть их еще больше. У него оставалось заметное превосходство в скорости реакции, однако это ни к чему не вело: Клестов применял комплексные приемы и легко находил на теле противника уязвимые болевые

точки, известные Роману. А уклониться от града ударов полностью было невозможно, Роман едва успевал уберечь наиболее важные жизненные центры – голову, живот. Конечно, как и требовали правила спортивного поединка, Клестов наносил удары не в полную силу, а лишь фиксируя касания к телу противника. Но так было далеко не всегда. Нарочно или случайно, время от времени он проводил настоящий удар, и в серии показательных касаний они оставались не замеченными судьями.

Роман не мог ответить противнику тем же. Его неловкий удар был бы мгновенно замечен. Все, что ему оставалось, – это уйти в глухую защиту, а граница ковра тем временем неумолимо приближалась. И выход за роковую черту означал бы полное поражение. Еще шаг, еще... Теперь противнику достаточно одного хорошего броска, вот он пригнулся для последнего удара, чуть отпрянул назад, чтобы придать в броске своему телу больший размах.

И в это мгновение прозвучал гонг, означавший конец поединка.

Судейский компьютер сообщал этим сигналом, что он закончил все расчеты и не нуждается в дополнительной информации для определения победителя.

Клестов то ли не слышал гонга, то ли просто не сумел удержаться и прыгнул уже после сигнала.

Роман отчетливо услышал сигнал, но не расслабился, успел отклониться.

В результате Клестов промахнулся и сам с грохотом вылетел в минусовую зону. В зале раздался смех, аплодисменты, но все это уже не имело никакого значения...

Табло над головами зрителей мигнуло, на нем погасли все надписи, и вот сейчас, сию минуту, должно было появиться окончательное, всеопределяющее имя победителя, имя человека, отправлявшегося к звездам. Роман знал, что это будет не его имя, и стоял, побледнев, гордо откинув голову, на краю ковра, словно ждал приговора.

Компьютер уже начал печатать на экране первые знаки – дату и серию соревнований, номера документов, когда Райков потянулся к своему терминалу и нажал красную клавишу с надписью «Дополнительная информация».

Компьютер недовольно загудел, однако главное табло замерцало ровным голубым светом.

Почти сразу же слева от Райкова вспыхнул терминатор внутренней связи, и над ним в воздухе повисло увеличенное и подсвеченное снизу лицо председателя экзаменационной комиссии.

– Игорь Сергеевич, – произнес председатель недовольным и вместе с тем извиняющимся тоном, – вы же знаете правила: после окончания расчетов в действия компьютера нельзя вмешиваться.

– Конечно, я помню правила, Марк Семенович, – ответил Райков, улыбаясь этому странному, возникшему словно из небытия лицу. – Там сказано, что в действия компьютера запрещено вмешиваться после определения победителя. Но победитель еще не объявлен. Я просто ввожу небольшую дополнительную информацию.

Все так же улыбаясь и не отключая канала связи, Райков достал из нагрудного кармана белую пластиковую карточку с красной полосой с правой стороны, личный знак руководителя экспедиции, которой не пользовался еще ни разу.

Начертив на ней несколько слов и еще раз улыбнувшись председателю, он не спеша опустил ее в узкую щель на терминаторе.

Несколько секунд компьютер задумчиво гудел, пережевывая новую информацию, и все это время председатель и Райков молча смотрели друг на друга, ожидая, чем закончится этот новый, неожиданно возникший поединок.

Наконец тихо пропел зуммер, щелкнули контакты реле, и на центральном панно зажглись слова: «По просьбе одного из членов судейской коллегии результат соревнований будет объявлен завтра в восемь часов утра».

– Это неправильно, – тихо сказал председатель. – Я буду жаловаться.

– Это правильно, Марк Семенович. Если бы это было неправильно, компьютер никогда бы со мной не согласился.

«А может, и нет, – тут же подумал Райков. – Может быть, это действительно неправильно, потому что сейчас я поступил по меньшей мере странно. Я вмешался в судьбу незнакомого мне человека, совершенно не представляя, что из этого получится...»

Но оказалось, что сама возможность вмешаться, переиначить заранее предрешенный результат, доставила ему ни с чем не сравнимое удовольствие. Слишком уж не любил он однозначных, легко предсказуемых результатов, слишком сильное чувство протеста вызывали они у него.

Опустив в щель свою личную карточку, отправив ее по невидимым механическим каналам судейского компьютера, Райков словно бросил на чашу весов чьей-то судьбы ощутимую гирию, понимая уже с запоздалым сожалением, что за действия такого рода рано или поздно придется расплачиваться. Судьба, как правило, никогда не прощает людям попыток вмешательства в ее слепую волю.

Самое же неприятное заключалось в том, что его поступок был продиктован чувством протеста, внутренними эмоциями, а вовсе не соображениями разума и целесообразности.

Райков не знал даже, подойдет ли кандидатура этого юноши для той роли, которую он предназначил своему стажеру еще там, в кабинете Ридова, когда решил, что ему необходим собственный независимый наблюдатель на Гридосе.

Глава 5

Визофон в подъезде не работал, на вызов никто не ответил. Странно, что эти старые дома вообще еще не рассыпались.

В конце концов Райков просто толкнул дверь и вошел в квартиру. Не было даже запора. Комната напоминала древний музей космонавтики. Длинные ряды книг на полках. Шесть томов звездной навигации Криллинга. Трехтомный труд «Эволюция планет», «Космическая психология», «Философия разума», «Пространство как функция времени» Карла Штатберга. И картины, пейзажи планет, карты звездного неба. Еще там были модели старых кораблей, он узнал «Лотос» капитана Вергота, пропавший в районе Веги. Был там и первый сверхсветовик, пробивший барьер.

– Я не знал, что это так серьезно, – прошептал Райков. – Я не мог этого знать. Нужно было поговорить с парнем сразу же после поединка. Но я не мог знать, насколько это серьезно. По крайней мере, я в нем не ошибся.

Теперь ему оставалось только ждать. Служба информации сообщила, что личный номер Гравова выключен из сети. Вообще-то, это запрещалось, но никто не соблюдал всех правил, установленных Федерацией. «Лишь бы он вернулся, не выкинул какой-нибудь глупости. В его годы не так-то легко смириться с поражением, с потерей такой мечты...»

Райков подошел к рабочему столу Романа. Здесь царил страшный беспорядок. Наброски расчетов, эскизы неведомых пейзажей. На стене диаграмма незнакомой ему системы упражнений. «Не очень-то она ему и помогла в последнем поединке. По-прежнему неясно, как ему удалось добраться до финала, хотя, если учесть все это, что же тут удивительного? – Райков снова прошелся взглядом по полкам с книгами. – Парень готовился не один год, готовился даже слишком серьезно. Вот почему он попал в финал и вот почему я могу ждать напрасно. Слишком трудно предвидеть, как поступит в создавшейся ситуации такой человек. Он может и не вернуться сюда, к старым проблемам, к старым воспоминаниям. Он может раз и навсегда круто изменить свою жизнь, и тогда я его не увижу. Он никогда не узнает о том, что произошло: что победа, которой он так жаждал, все-таки состоялась; что есть другой, не явный путь к цели; что он есть всегда, почти в любой ситуации...»

Райков пододвинул кресло к полке с книгами, поудобнее вытянул ноги и погрузился в глубокую задумчивость. Время, проведенное в этой комнате, уже не казалось ему потерянным напрасно, даже если он не дожидается прихода хозяина.

Роман шел по вечерней пустынной улице. Улица текла сквозь него, словно река. Исчезло за поворотом здание комиссии космофлота. Один за другим плыли навстречу кварталы старого города. Скоро должен был показаться парк, за изношенной оградой которого он недавно простился с учителем и не мог теперь представить, что это событие произошло именно сегодня. Таким далеким оно казалось ему сейчас. Дальше, за парком, оставался единственный поворот, ведущий в прошлое.

Минут пять Роман простоял неподвижно, облокотившись об ограду парка. Он не думал ни о чем специальном: мысли свободно пробегали сквозь его открытый глухому отчаянию разум. Им овладело состояние, которое трудно описать конкретными словами, поскольку боль еще слишком нова и слишком легко ее растревожить неосторожным усилием мысли.

«Вечер. Скоро восемь часов. Поезда отошли от вокзала дорог, поезды, увозящие прочь всех достигших пределов мечты, за которой... Ну что там за ней? Что же дальше? Еще одна цель? Только стоит ли снова? Ведь вокзалы открыты лишь тем, кто успел при рождении на поезд...» Эти чужие слова, скользнув по краю сознания, причинили боль.

Лучше думать о сумерках, о вкусе сладкого сока, оставшегося в памяти вместе с вестибюлем комиссии, в котором стоял автомат.

Вот снова мысль по кругу возвращается к запретной теме: что же все-таки делать? Сейчас, сегодня, через пять минут? Не так уж трудно решить. В городе нет ни единого человека, которого он обязан был бы поставить в известность о своем решении. Нет ни единой вещи, которой он дорожил настолько, чтобы ее следовало взять с собой. Разве что дневник наблюдений за собственным состоянием, который он вел по настоянию учителя с тех пор, как всерьез стал заниматься системой КЖИ.

Да еще, пожалуй, старые книги, их необходимо вернуть в музейное хранилище. Иначе робот-уборщик сочтет их мусором, хламом и, возможно, будет не так уж не прав. Было что-то еще. Едва уловимое желание вернуться. Словно его звало нечто. Увидеть старую мебель, вещи, раскиданные по комнате, кресло, придвинутое к полке с книгами... Почему именно кресло? Он не знал. Ну хорошо, а потом? Потом ноги сами понесут его в космопорт. Так уже бывало. Вербовщики всегда рады новому поселенцу. Даже документы в таких случаях не требуются. Он может назваться чужим именем и попытаться забыть собственное. Этого он еще не делал. Начать жизнь сначала... Не поздно ли? А что ему остается?

Он пожал плечами и двинулся дальше.

Ноги медлили, и шаги растягивались, уничтожая ставшее вдруг ненавистным время, которое некуда деть.

Скрипнула входная дверь. И сразу же за ней в круге света от настенного плафона он увидел сидящего в кресле человека. Почему-то он не удивился, только сердце забилося тревожными неровными рывками, словно и оно знало, кто его гость и зачем он здесь.

– Что вы делаете в моей квартире? – сам собой автоматически прозвучал вопрос, возникший вне его сознания, потому что он уже не нуждался в ответе.

Роман узнал сидящего человека. Его не раз за последние две недели показывали по информационной Сети, и не раз ночами мысленно он беседовал с ним, пытаясь убедить в невозможном. Бросал ему горькие упреки, задавал вопросы, всегда остававшиеся без ответа. Теперь ответы могут быть получены... Но ничего, кроме первой глупейшей фразы, он не смог произнести. Ощупью пробрался к стулу, сел и ждал теперь молча, как и положено ждать приговора неожиданно свалившейся судьбы.

– Узнал? Вижу, что узнал...

И хотя времени для подготовки к этому разговору у Райкова было достаточно, он вдруг понял, что все оказалось не так, как предполагалось сначала. Серьезнее и значительнее.

– Ты извини, что я ворвался в твоё жилище. Очень важный у меня к тебе разговор и срочный. Завтра объявят результат конкурса. Победителем будет Клестов. Во всяком случае, официально им будет Клестов.

– По баллам так и должно быть. Мне снова не повезло, вот и все...

– А что, уже бывало?

– В школу навигаторов не приняли, сорвалось. Теперь вот снова. – Он чувствовал, что говорит не то, и ничего не мог с собой поделать. Может быть, гордость мешала в эту единственную в своём роде и, возможно, самую значительную для него минуту найти нужные слова?

– Но это не так уж важно. В конце концов, специальностей много и не связанных с этой работой, я ещё поищу свою.

– Не будешь ты ничего искать.

– Почему?

– Потому что я уже включил тебя в состав нашей экспедиции. Разумеется, ещё не поздно отказаться.

– Но я не понимаю... Вы, кажется, сказали... Клестов.

– Да. Клестов. С Клестовым мы что-нибудь придумаем. Дело в том, что никто пока не должен знать о твоём назначении. До прибытия «Руслана» на Гридос ты будешь выполнять там моё личное задание. И присоединишься к нам только перед самым отлетом на Ангру. С подробностями тебя ознакомит мой заместитель Кленов. Вот номер, по которому ты с ним свяжешься. Задание достаточно сложное и опасное.

Райков встал и подошел к настенному панно. На нем в глубине, в полумраке высветился неземной пейзаж. Над бескрайней степью, поддерживаемой то ли столбом, то ли смерчем из радужных пузырей, плыл огромный золотой шар. Картина производила странное, почти болезненное впечатление. Чувствовалось, что компьютерным голографом, создавшим это фантастическое изображение, управляла не очень опытная рука.

– Твоя работа?

– Да. Что-то это мне напоминает, мучительно сидит где-то на задворках памяти. С того дня, как попал в катастрофу, какой-то голос время от времени говорит мне, что за все полученное в жизни приходится платить. – Он резко обернулся. – Вы знали о моей болезни?

– Конечно. Если я приглашаю человека с собой в экспедицию, я знаю о нем все. Тебя что-то смущает?

– Врачебная комиссия...

– Это мы уладим. Конкурсные психотесты говорят о том, что сейчас ты совершенно здоров, а формальности меня не интересуют.

– Так в чем же будет состоять моё задание?

– Ты полетишь на Гридос. Завербуешься там в качестве обычного колониста, станешь жить, работать, ждать нас. Это, собственно, все...

– Но зачем это нужно? Почему я не могу лететь вместе с вами?

– Потому что на Гридосе происходят странные вещи, и никто толком не знает, в чем их причина. Потому что Гридос нам очень нужен для успешного завершения всей экспедиции. Свежие впечатления...

Остановившись, Райков подумал секунду, мрачно усмехнулся и неожиданно закончил:

– Впрочем, раз уж я посылаю тебя туда, ты должен знать все... У нас создано впечатление, что в дела Федерации вмешались какие-то внешние, неизвестные нам силы. Пока у них нет даже названия. Достоверно известно лишь одно: время от времени на Гридосе бесследно исчезают люди. Чаще всего это новые, приехавшие по вербовке колонисты... Так что тебе при-

дется выступить в довольно опасной роли. Держи глаза и уши открытыми, будь внимателен к мелочам и обязательно дождись нас. Главное – уцелеть, накопить и передать информацию.

Каюты третьего класса на рейсовых кораблях не отличаются особым комфортом. Роману к тому же еще и не повезло. Ему досталась кормовая каюта шестого яруса.

Стиснутый силовыми накопителями ярус напоминал пчелиные соты. В длинной шестигранной коробке каюты едва размещались койка, крохотный столик и умывальник. Ко всем прелестям добавлялся еще и постоянный шум силовых установок. Почти неслышимый, он, однако, переходил порой в инфранизкий диапазон, и тогда едва ощутимая вибрация стен становилась для людей с чувствительной нервной системой настоящей пыткой.

Оставался единственный выход: как можно больше времени проводить в общих салонах и кают-компаниях звездного лайнера. Но нужно было спать, и с шестью часами пребывания в своей каюте Роману пришлось смириться.

В первую ночь ему снилась беспредельная степь. Он брел по ней, обливаясь потом. Путь, казалось, не имел конца. К счастью, корабельные циклы времени не отличались от земных, и под утро, когда он начал проваливаться в гигантскую крысиную нору, его спас сигнал инфора, возвестивший о том, что в кают-компаниях начинается завтрак.

В последующие ночи кошмары не прекратились. Постепенно они обрастали подробностями, обретали структуру и плотность, свойственную реальности. Не помогал даже электро-стимулятор сна, он лишь чуть-чуть смягчал резкость ночных видений.

Во втором сне ему под расписку выдали крылья. Это были чугунные крылья с инвентарным номером шестьдесят четыре. Подняться на них в воздух было невозможно. Но Роман знал, чего от него ждут, и не прекращал попыток. В Управлении полетом ему сказали, что с завтрашнего дня все будут летать на сто метров выше и на четыре километра дальше. Возможно, так оно и будет. Возможно, всем остальным выдали настоящие крылья и не повезло лишь ему одному. Чаще всего не везет тем, кто особенно сильно нуждается в удаче.

Он вынул крылья из шкафа, смазал их машинным маслом и надел на плечи. Потом сделал множество ненужных мелких приготовлений: подтянул ремни, начистил до блеска концы маховых перьев, попробовал бегать по комнате с крыльями за плечами. Бега не получилось, переставлять ноги удавалось с огромным трудом.

В Управлении ему сообщили, что штат инструкторов увеличен до шестидесяти человек и создано несколько новых, управляющих полетами отделов. Теперь он обязательно полетит, уже совсем скоро и гораздо дальше, чем в прошлый раз. Будет подготовлена новая совершенная конструкция, основывающаяся на современном дизайне и конъюнктуре мирового рынка. В предыдущей модели не были учтены некоторые экономические факторы, что, конечно, делало ее не совсем совершенной. Поэтому Роману выдали новую модель, которая была вдвое дешевле и лишь слегка тяжелее. В отделах праздновали получение премии за ее разработку. В эту ночь взлететь Роману так и не удалось.

Но на следующую ночь он все-таки полетел. Он летел под самыми облаками своей родной планеты. Роман не знал, в какую именно птицу он превратился, но лететь было легко и удобно. Далеко внизу расстилались зеленые и желтые пятна полей. Пейзаж, однако, постепенно менялся, становился все суровее, безжизненнее, появились скалы, поросшие хвойными кустарниками, кое-где в ущельях лежал нерастаявший снег. Отдельные вершины тянулись к самому небу. Серые, иззубренные тела скал напоминали тела великанов, сдвинувшихся плечом к плечу в суровом молчании.

Глаза Романа стали необычно зоркими, еще более зоркими, чем глаз орла. Он видел не только каждую былинку, оставшуюся на этих безжизненных скалах, но мог заглянуть и внутрь, под их подошвы. Тогда становилось понятным, что скалы живые. Их корни уходили глубоко

в кору родной планеты, и они росли из ее глубин точно так, как растут деревья. Вот только время их роста измерялось миллионами лет.

Пора было опускаться. Воздух стал слишком разреженным, и крылья больше не держали его на нужной высоте. Он выбрал ущелье и медленно, кругами, полетел к его дну. Спуск оказался долгим, отвесные скальные стенки становились гладкими и напоминали теперь искусственно воздвигнутые крепостные стены; они замыкали узкое пространство расселины со всех сторон.

Усталые крылья больше не держали Романа в воздухе. Роняя перья, он почти падал и лишь у самого дна несколькими сильными взмахами предотвратил удар о землю.

Мир узкого колодца, в котором он очутился, оказался серым и мрачным. Лишь далеко на самом верху оставалось синее, живое пятно неба. Все остальное было серым и неживым. Роман понял, что полет был последним. Он никогда больше не поднимется в воздух, и придется искать другой выход из пропасти, в которую он так неосторожно позволил увлечь себя воздушным потоком.

Но поиски выхода не увенчались успехом. Колодец был совсем небольшим. На его дне, усыпанном обломками камней, не росла даже трава, а стены со всех сторон вздымались вверх с одинаковой тяжеловесной неприступностью. Выхода из ущелья не было. Роман снова стал человеком и должен был искать другой, человеческий выход из ситуации, в которую его повлекла неосторожная игра с крыльями.

Он сел на обломок скалы и задумался. У него не было цепких когтей, чтобы лазить по камням, и не было больше крыльев, чтобы лететь по воздуху. Зато у него было нечто гораздо более ценное – человеческая память и разум, способный обобщать, делать выводы из прежних ошибок.

Учитель как-то сказал ему, что безвыходных положений не бывает, все зависит от цены, которую ты готов заплатить для изменения ситуации...

Сейчас он с удивлением обнаружил, что не может вспомнить, кому именно принадлежат эти слова. Лицо учителя менялось. Оно становилось похожим то на лицо мексиканца, то на лицо Глебова, учившего его приемам древней философской системы. В обоих этих лицах было что-то общее. Мудрость? Уверенность в себе и в будущем? Особое тайное знание? Нет, пожалуй, общими были доброта, сострадание и еще что-то, неуловимо отличавшее их от всех остальных лиц.

Роман встал и подошел к стене. Она была твердой. Она была холодной. Она казалась совершенно неприступной. Но закрытая часть его памяти, раскрепощенная во сне, неожиданно подсказала, что однажды он сумел войти внутрь такого же твердого и нерушимого с виду камня. Правда, там был особый камень. Там была дверь, ведущая в иные миры. Но если попробовать тот же способ: неожиданно, исподволь нырнуть внутрь скалы...

Сделать это надо небрежно, с полной уверенностью в успехе. Может быть, получится и здесь? Он попробовал. Глубокая ссадина на лбу и вмятина в камне – вот и все, чего он добился.

– Зачем же ты так... – сказал он молчавшей скале. – Зачем? – И снова увидел ту вмятину... Человеческое тело должно быть значительно мягче скалы – откуда же взялась вмятина?

Он попробовал снова. Теперь уже плавно наращивая усилие. Он уперся в скалу плечом и давил так, что хрустнули суставы и резкая боль пронзила плечо, но почти сразу понял, что хрустели не его суставы – хрустела скала.

Материал, слагавший ее, оказался похожим на застывшую пену и лишь снаружи выглядел монолитным и неприступным. Теперь, под сломанной коркой, она легко поддавалась его усилиям. Роман шел вперед, не слишком напрягаясь, лишь выставив вперед плечо, словно нос разбивающего лед корабля.

Он шел сквозь бесконечный хруст и шелест, сквозь облако блестящей радужной пыли и все время думал о том, какими неприступными выглядели эти скалы, полностью прогнив-

шие изнутри, превратившиеся в застывшую мыльную пену. Миллионы высушенных мыльных пузырей – и ничего более.

Он шел и думал о тех, кто до него оказался в таком же колодце и принял этот мираж неприступности за подлинность. Но она оказалась условностью. Чем-то эфемерным, чем-то таким, что превращалось в радужную пыль, если хорошенько нажать...

Когда сумма его усилий превысила сопротивление среды, он выбрался из ловушки.

Чаще всего Роману снился шар, застывший на вершине горы. Он лез к этому шару, срывался и лез снова. Что-то там скрывалось чрезвычайно важное, он должен был во что бы то ни стало добраться до шара. Но ничего не получалось, шар все время ускользал. То гора вырастала, превращаясь в неприступную скалу, когда до цели оставалось всего несколько метров, то срывалась нога с предательской осыпи, и он с криком – в который уже раз! – летел вниз и просыпался в холодном поту.

Из создавшейся ситуации был простой выход – обратиться к корабельному врачу. Наверняка на лайнере был неплохой медицинский отсек, от его кошмаров не останется и следа, вот только в личной карточке появится новая отметка... Что они там напишут? Обострившиеся симптомы клаустрофобии? Какая разница! После этого экспедиции ему не видать как своих ушей, его положение и так весьма неопределенно и держится в основном на добром отношении Райкова, но не может же тот без конца тянуть его за собой в нарушение строгих медицинских инструкций!

И Роман продолжал борьбу с ночными кошмарами в одиночку. Ему нужно было во что бы то ни стало продержаться полтора месяца: тогда двигатели переключат на торможение и здесь, на корме, станет тихо... Оставалась еще слабая надежда обменять каюту, но все попытки в этом направлении не имели успеха, тем более что без посещения медиков он не мог толком объяснить, почему, собственно, его не устраивает каюта на корме.

В эту ночь борьба со сном была особенно тяжелой.

Впереди простиралась степь, и лишь у самого горизонта смутно угадывалось некое знакомое ему сооружение. Узнав его, Роман почувствовал ярость – и пирамида придвинулась, стала четкой. Он ощутил гнев – и пирамида из разноцветных шаров стояла теперь прямо перед ним, приглашая повторить уже пройденный однажды путь или, быть может, давая возможность исправить его конец.

Роман оттолкнулся носком ботинка и, почти не чувствуя тяжести, легко взмыл вверх. Возможно, ему помогло ощущение полета, запомнившееся из предыдущих снов. Тело оказалось таким легким, каким он пожелал его увидеть, тяготение более не властвовало над ним. Не было необходимости проделывать мучительный путь в кошмарном лабиринте шаров, он лишь слегка касался ногами поверхности, время от времени повторяя толчки и взлетая все выше, к самой вершине, туда, где зловеще поблескивал металлический шар.

Он остановился перед ним и, прежде чем открыть дверь, ведущую внутрь шара, услышал голос:

– Он совершенно выходит из-под нашего контроля.

Превозмогая неожиданно возникшее и постепенно нарастающее ощущение сопротивления, Роман все же приподнял руку и медленно, словно двигал тяжелую глыбу, приблизил ее к рукоятке двери. Затем рывком, преодолев возникший страх, распахнул ее. В глубине шара на стеклянном плоском полу что-то лежало. Что-то длинное и большое, укутанное в серебристый пластик. Он не хотел знать, что именно там лежит. К счастью, свет был достаточно тусклым, и он мог оставаться в неведении, пока не переступит порог. Спина покрылась потом, не было сил протолкнуть в легкие, сжатые предательским спазмом, даже глотка свежего воздуха. Он уже почти догадался. Контуры того, что лежало под серебристым пластиком, оказались достаточно четкими, больше он не мог обманывать себя и наконец переступил порог.

Под тонким пластиком находилось мертвое человеческое тело. Теперь он это знал совершенно точно, потому что узнал того, кто там лежал.

Глава 6

Инспектор УВИВБа Кленов не любил неожиданностей. Он был уверен, что только заранее разработанный и хорошо продуманный план способен привести человека к успеху и в работе, и в личной жизни. Весь его опыт подтверждал эту непреложную истину.

С отличием оконченная школа второй ступени, отец, занимавший высокий пост в Совете и обеспечивший сыну платформу для первых, самых трудных шагов в самостоятельной жизни, – все это лишь подтверждало его теорию. Если же некоторые обстоятельства не укладывались в четко выстроенную им схему, то виноваты были сами обстоятельства или, в крайнем случае, какой-то частный, неудачно составленный план, но не принцип. Принцип выглядел незыблемым и непоколебимым вот уже целые двадцать восемь лет успешной карьеры и гладкой, без особых взлетов и падений, жизни, приведшей в конце концов Кленова к должности инспектора УВИВБа, к работе, полностью соответствовавшей его наклонностям.

Обязанности инспектора по особым поручениям сводились, в сущности, к составлению все тех же планов и схем, к решению сложных теоретических задач, над которыми так хорошо думалось в тиши компьютерных залов и кабинетов УВИВБа. Иногда Кленову даже казалось, что и сами обстоятельства, вызвавшие к жизни Управление внешней и внутренней безопасности, – тоже часть какого-то неведомого, неизвестно кем составленного плана, часть сложной и интересной, но не имеющей прямого отношения к жизненным реалиям игры.

Нет, Кленов не сомневался в существовании могущественных и неуловимых врагов Федерации. Он лишь полагал, что они не обладают плотью, а существуют, так сказать, в чисто теоретическом виде, как часть сложнейшего уравнения, лишь в самых общих чертах связанного с реальной действительностью.

По его мнению, противники Федерации представляли собой некую теоретическую данность, размытую на длительном отрезке времени и вылившуюся в результате в постоянно существующее, но неопределенное, почти неуловимое давление враждебных сил.

Постепенно накапливаясь, силы эти, однако, способны были принести немало неприятностей, усложнив условия задачи настолько, что положительное решение становилось попросту невозможным.

Принцип безусловной зависимости событий от заранее разработанного плана подвергся первому серьезному испытанию при выполнении Кленовым нового задания, связанного с астероидным поясом Юпитера.

Сначала задание это показалось ему совершенно пустячным. Он даже счел себя несколько задетым, когда начальник отдела Сохнов именно ему поручил разбор странной путаницы, возникшей после находки геологами астероидного пояса обломков семнадцатой спасательной капсулы со старого, погибшего шесть лет назад рейсовика Земля – Марс – Каллисто.

Причина путаницы казалась Кленову очевидной: спасатели в своих отчетах сообщили о том, что все шестнадцать одноместных спасательных капсул, бывших на борту челнока, или, по крайней мере, их обломки, ими обнаружены. Откуда же могла взяться семнадцатая шлюпка?

Видимо, речь шла о пустой капсуле, искать которую среди хаоса астероидного пояса не было резона, и спасатели, скорее всего, вписали ее в реестр находок, чтобы не ухудшать отчетности за квартал. Это Кленов вполне мог понять и, не ожидая от расследования ничего интересного, отбыл к месту происшествия.

Но на станции астероидного пояса выяснилось, что, продолжая раскопки района аварии, геологи обнаружили изуродованный до неузнаваемости труп человека – капсула была с пассажиром...

Расследование сразу же перешло в другую категорию, и Кленов получил практически неограниченные полномочия в своих действиях. Хотя в глубине души все еще надеялся, что вот-вот будет найдено простое и понятное объяснение странному факту – на челноке оказался незарегистрированный и никому не известный пассажир без билета.

Самым же непонятным во всей этой истории оставалась все-таки сама семнадцатая шлюпка. Если на борту взорвавшегося при невыясненных обстоятельствах корабля оказывалась к тому же не внесенная в его реестр спасательная шлюпка с пассажиром, то этот факт уже не укладывался ни в какие приемлемые для рапорта рамки.

Кленов знал, что Управление космофлота никогда не смирится с подобным нонсенсом и начальство спустит с него три шкуры, если он не сумеет документально подтвердить существование этой таинственной семнадцатой шлюпки...

Собственно, не сам факт ее обнаружения вызывал сомнения. Находку никто не собирался оспаривать. Но тип шлюпки, серийные номера отдельных сохранившихся приборов и механизмов, характер материалов – все эти косвенные данные подтверждали, но еще не доказывали принадлежность шлюпки к челноку Земля – Марс – Каллисто...

Она могла затесаться в астероидный пояс, покинув борт какого-то совершенно другого, неизвестного пока корабля. И хотя сам Кленов не сомневался уже, что шлюпка была с челнока, доказать это он все еще не мог и потому третьи сутки подряд не выходил из кабинета, изучая материалы шестилетней давности.

Если человек упорно и последовательно делает свою работу, рано или поздно к нему приходит удача. Кленов вновь убедился в незыблемости этой аксиомы, когда в семейных архивах одного из членов экипажа взорвавшегося корабля обнаружил старую любительскую голограмму, на которой улыбался погибший во время этой аварии Свиридов... Главное было, конечно, не в улыбке Свиридова, а в том, что в углу голограммы отчетливо просматривался шлюпочный стеллаж нижней палубы.

После компьютерной реконструкции снимка удалось различить не только номера отдельных шлюпок, но даже детали обшивки. Вот тогда-то Кленов и узнал характерную царапину, обнаруженную им на одном из обломков, найденном в астероидном поясе. И тогда впервые со всей очевидностью перед Кленовым встал вопрос: откуда вообще мог появиться в космосе (или на корабле) двойник семнадцатой шлюпки, однажды уже найденной спасателями? Вслед за первым вопросом сразу напрашивался второй: о безбилетном пассажире, о человеке без документов и без имени, о неизвестном, чьи останки были найдены в обломках шлюпки. Существовал ведь второй пассажир семнадцатой шлюпки – тот самый, который был обнаружен спасателями на восьмой день поисков вместе с дублем чертовой шлюпки, а затем благополучно доставлен на Землю...

Но даже после того, как это мрачное обстоятельство перешло из области догадок и предположений в область неопровержимых фактов, Кленов все еще не испытал настоящей тревоги. Он не торопясь продолжал свои разработки, проверял и перепроверял данные до тех пор, пока вдруг не обнаружил, что время невосвратимо упущено и Роман Гравов покинул Землю...

Только узнав, что последним человеком на Земле, с которым виделся Гравов перед своим отлетом, был руководитель важнейшей экспедиции Совета Райков, а сам Гравов отбыл именно на Гридос, только связав все эти разрозненные сведения в единый узел, Кленов наконец понял, что произошло нечто чрезвычайное.

На стеклянной платформе в медицинском отсеке лежало что-то длинное и большое, укутанное в серебристый пластик.

Кленов подошел и резким движением отвернул заиндевевшую ткань.

– Это он? – спросил стоявший сзади в толпе репортеров и спасателей начальник Управления безопасности.

– Да. Это Гравов.

- Кого же мы отправили на Гридос?
- Человека, воспользовавшегося его документами.
- Человека?

– В этом я совершенно уверен. Он прошел полное медицинское обследование во время конкурса. Медики не могли ошибиться до такой степени.

– Тогда кто же он и каким образом сумел завладеть документами Гравова? Судя по показаниям оставшихся в живых пассажиров, никого постороннего на борту «Кастора» не было. С момента подачи сигнала тревоги до взрыва прошло не более минуты.

– Да, но шлюпку с телом Гравова мы нашли лишь сейчас, спустя шесть лет после катастрофы! За это время многое могло произойти.

– Странно, что она вообще уцелела.

– Счастливое стечение обстоятельств. Астероид, с которым она столкнулась по касательной, оказался ледяной глыбой. Из-за небольшой относительной скорости столкновения взрыва не произошло: шлюпка вплавилась в лед. Теоретически найти ее там не было никакой возможности.

– Не слишком ли много совпадений? И не хотите ли вы сказать, что двойник Гравова раньше спасателей обнаружил эту замороженную шлюпку, проник сквозь ледяной панцирь на глубину сорок метров, похитил документы погибшего и благополучно скрылся?

– Этого я не знаю. Я лишь констатирую факты.

– Надеюсь, вы понимаете, как нужен нам этот человек?

Но Кленову так и не удалось немедленно вылететь на Гридос.

Тревога, объявленная сначала лишь в Мексиканском секторе и охватившая затем все подразделения и службы УВИВБа, началась вполне буднично. В восемнадцать пятнадцать по местному времени, когда в Мехико наступил час пик, на мексиканской энергоцентрали произошла рядовая, ничем не примечательная авария. Молния попала в мачту подпитки, грозозащита почему-то не сработала, и на двенадцать секунд подача энергии по этой важнейшей континентальной линии была прекращена.

Сама по себе эта авария не могла стать причиной тревоги, объявленной по всем отделам Управления внешней и внутренней безопасности, она лишь явилась запальным фитилем в длинной цепочке причин и следствий, приведших в конце концов к событиям с непредсказуемыми последствиями.

Следующим звеном в цепи странных событий оказался управляющий центр энергораспределения Западного полушария. За доли секунды сверившись с заложенными в его компьютеры инструкциями и программами, центральный автомат вырубил подачу энергии по шести вспомогательным линиям. Не затрагивая саму столицу, он отключил второстепенные ремонтные и обслуживающие комплексы, но вместе с ними из-за ошибки, вкравшейся в программу регионального центра управления, на целых восемь секунд обесточенным оказался важнейший объект категории А-2.

Эти восемь секунд понадобились управляющей аппаратуре центра для того, чтобы подключить к энергоцентралям резервные линии и исправить ошибку. Однако было уже поздно.

Кленов вылетел на место происшествия через полчаса после объявления тревоги. Торопиться было уже некуда. В полученном предписании ему вменялось в обязанность выяснить причину отключения энергозащиты Мексиканского объекта и установить возможные последствия аварии. Ни те, кто писал это предписание, ни сам Кленов еще не подозревали о внутренней связи этих двух совершенно независимых событий.

Иногда случается, что время вдруг невидимо и незаметно для людей стремительно ускоряет свой бег. Часы истории начинают спешить, но мало кому дано сразу ощутить их изменившийся ход. Людям необходимо освоиться с новым ритмом жизни, поверить в неожиданно

наступающее будущее, принять его, каким бы бурным и холодным ни казалось оно в первые минуты.

Работа началась буднично, с проверки журнала дежурств операторов. В момент происшествия дежурил Бабенов. Прежде чем вскрывать опечатанный контейнер с автоматическими записями контрольных устройств, Кленов решил побеседовать с Бабеновым, а вскрытие произвести в его присутствии. Хотя инструкции этого прямо не требовали, существовала еще неписаная профессиональная этика. В результате он потерял еще часов шесть. Поскольку Бабенов после дежурства уехал в Метролис, пришлось его оттуда вызывать по селекторной связи, а потом ждать рейсовый металет.

Все дело было в том, что Кленов не видел причины для спешки. Само по себе отключение защиты на такое короткое время хотя и считалось серьезным нарушением инструкции безопасности объекта, вряд ли представляло какую-то реальную опасность, поскольку ни один автомат слежения и контроля не зарегистрировал активизации объекта – беспокоиться, собственно, было не о чем. Питание у этих автоматов независимое, и они во время аварии не отключались, это он проверил сразу. Первый признак еще не оформившейся подсознательной тревоги Кленов ощутил лишь во время беседы с Бабеновым.

– Расскажите подробно, что здесь произошло, – попросил он как можно мягче, поскольку оператор, молодой парень, держался скованно в присутствии инспектора службы безопасности и даже чувствовал себя виноватым в происшествии, хотя его вины тут не было никакой.

– В шесть пятнадцать отключилась защита и поступил сигнал тревоги.

– Что, защита отключилась раньше сигнала?

– Мне кажется, да, впрочем, не знаю. Это должно быть зафиксировано в записях.

– До записей мы еще дойдем. Сейчас мне важны ваши непосредственные наблюдения. – Кленов не спешил со вскрытием контрольного ящика. Он ценил личное наблюдение очевидцев происшествия и знал, что они могут быть искажены авторитетом автоматов. Он к тому же знал, как часто ошибаются эти «непогрешимые» автоматы!

– Не могу же я все два часа дежурства не отрываясь смотреть на приборы!

– Никто от вас этого и не требует.

– Тогда вы понимаете, что по-настоящему мое внимание включилось лишь после сигнала тревоги. И все же мне кажется, что еще до сигнала тревоги произошло что-то необычное. Только я не сумел понять, что именно. Мне показалось, раньше щелкнуло реле главного выключателя, потом в операторской мигнул свет и включился сигнал тревоги...

– Забудьте пока о сигнале. Каким образом мог мигнуть свет в операторской, если освещение здесь вместе с приборами контроля питается от автономного генератора?

– Не знаю. Я спрашивал у Сиренко, это наш энергетик, он сказал, такого случая еще не бывало.

– И все же вы утверждаете...

– Я ничего не утверждаю. Вы попросили меня подробно рассказать о моих личных наблюдениях. Все произошло слишком быстро. Я мог ошибиться.

Теперь оставалось только вскрыть контейнер дубль-журнала, содержащий один-единственный кристалл с записями контрольных видеокамер и приборов. Кленов вызвал всех техников, программистов и аппаратчиков. В небольшом помещении аппаратной восемь человек из четырех смен едва разместились. Материал приходилось просматривать на резервных мониторах, чтобы не перегружать основную аппаратуру.

Кленов включил запись с момента, когда до аварии оставалось десять секунд. На экране появилось задумчивое лицо дежурного. Равномерно жужжали приборы. Внизу, под экраном, полосу в десять сантиметров занимали колонки цифр и линии графиков, обобщающие показания приборов. Справа, в углу, мелькали сменяющие друг друга цифры хронометра. За полсе-

кунды до аварии экран монитора мигнул, изображение покрылось рябью помех и почти сразу исчезло. Внизу экрана вспыхнула надпись: «Запись отсутствует».

Красные цифры левого хронометра отсчитывали две секунды, и лишь после этого восстановилось нормальное изображение. Почти сразу же компьютер, ведущий параллельный анализ записи, высветил новую надпись на экране: «Зафиксирован перерыв в подаче энергии на все приборы».

– Этого не может быть! – Энергетик Сиренко подался вперед, словно не верил собственным глазам. – Там были камеры с атомными аккумуляторами, не могли же они все сразу...

– Значит, могли, – жестко проговорил Кленов. – Давайте продолжать без эмоций. Нам нужно быстро и точно разобраться в ситуации. Могут техники установить причину в перерыве подачи энергии на те узлы, которые питались от аварийного кабеля?

– Это уже сделано. Импульс тока от основного кабеля в момент перерыва энергии пробил фильтры и, пройдя в аппаратуру управления, заблокировал реле включения аварийной подпитки.

– И откуда же взялся столь мощный импульс?

– Грозовой разряд, всплеск ампер-потока в момент отключения аварийных устройств, такое иногда бывает...

– Ну а если бывает, почему ваши фильтры не были рассчитаны на такой случай?

– Всего не предусмотреть. Кроме высокой энергии, этот разряд обладал еще и необычной формой импульса, слишком крутой фронт...

– Хорошо. Что произошло с автономными аккумуляторами?

– С ними ничего не произошло. Они нормально работают. Нам неизвестен способ, которым можно было бы обесточить эти устройства, не повредив их структуры. Это невозможно в физическом смысле. Реакцию атомного распада нельзя временно приостановить.

– Зато можно перерезать провод. Разомкнуть цепь, ведущую от батареи к потребителю.

– На автономных аккумуляторах работало шестнадцать различных устройств, и все они бездействовали ровно две секунды. За это время разомкнуть цепи и соединить их вновь не сумел бы самый гениальный техник. К тому же не обнаружено никаких следов разрыва.

– Есть еще какие-нибудь замечания, соображения?

Все удрученно молчали, словно груз неведомой и неразрешимой проблемы опустился на их плечи. Но они сделали все, что могли. Остальное – это его дело. Его работа.

– Всем спасибо. Мне нужно подумать. Я хотел бы остаться один.

Через два часа, потребовав приема по коду чрезвычайной важности, Кленов уже сидел в кабинете начальника УВИВБа.

– Я располагаю доказательствами того, что в зоне Мексиканского объекта произошло внедрение на нашу территорию неизвестного объекта массой в сто двадцать килограммов.

– Вот как, вы уже и массу подсчитали...

Суховатый, желчный начальник Управления Стахнов, покинувший по требованию спецвызова какое-то важное заседание, не сумел скрыть своего раздражения. А от этого молодого «теоретика», как про себя он уже давно окрестил Кленова, неприятностей и проблем пока было значительно больше, чем пользы.

– Скажите лучше, как обстоят дела с Гравовым?

– Я собирался вылететь на Гридос лично, но после объявления всеобщей тревоги был обязан...

– Это я знаю. Продолжайте.

– Как только мы установили, что дубль-журнал не содержит интересующей нас информации, я применил нестандартную методику обследования. Это тема моей диссертации. Технически все достаточно сложно. Я не знаю, нужно ли объяснять.

– Я постараюсь понять. Попробуйте.

– После выключения любого электронного устройства, в особенности содержащего элементы, чувствительные к свету, на нем какое-то время сохраняются в разных частях схемы электрические потенциалы. Статическое электричество экранов, напряжение на конденсаторах, остаточные индуктивные токи в катушках. В некоторых местах эти напряжения сохраняются достаточно долго. Если их снять, составить карты напряжений, проанализировать все это по специальной программе на компьютере...

– То мы получим возможность заглянуть в ту временную область, в которой приборы как таковые не работали. Я правильно вас понял?

– Да. В этом конкретном случае это так и есть, хотя в принципе возможности этого метода для различных экспертиз и диагностик значительно шире...

– Жаль, что вы до сих пор не доложили о вашей работе.

– Я докладывал.

– И что же?

– Мне ответили, что теоретически это может быть интересно.

– Почему не подали официальный рапорт?

– Я решил дождаться конкретного случая, чтобы доказать возможность практического применения своих разработок. Такой случай представился на Мексиканском объекте. – Чем сильнее закипал Кленов, тем медленнее, спокойнее и размереннее он говорил.

Стахнов усмехнулся:

– Я не в силах проконтролировать все работы Управления лично, но в вашей разберусь обязательно. Продолжайте.

Кленов все еще не остыл и говорил по-прежнему сухо, бесцветным голосом:

– На первый взгляд применение этого метода в случае с Мексиканским объектом не представлялось возможным, поскольку там все остаточные напряжения на приборах были стерты их последующим включением. На наше счастье, в одном из мониторов в момент перерыва подачи энергии выбило предохранитель. Монитор не ремонтировали и не включали. Даже не попытались установить причину отказа, попросту заменили новым. Так что найти этот бесценный монитор мне удалось далеко не сразу. Зато потом, несмотря на большой промежуток времени с момента отключения, нам удалось составить карту остаточных напряжений этого прибора, хотя, конечно, далеко не полную.

Стахнов подался вперед. С этого момента все, что говорил Кленов, становилось чрезвычайно важным, поскольку из области предположений и догадок, на которые, по мнению специалистов, только и можно было рассчитывать в анализе происшествия на Мексиканском объекте, они совершенно неожиданно перешли в область документально подтвержденных фактов.

– Значит, именно там вы установили... – Голос Стахнова неожиданно сел от волнения.

– Да, на этом мониторе. Сохранилась даже часть размытого изображения. Однако его не удалось идентифицировать ни с одним известным нам объектом. С высокой степенью достоверности удалось реставрировать лишь показания гравиметров в нижней части экрана. Из них следует: в аппаратную проник посторонний объект массой в сто двадцать килограммов. Он находился там полторы секунды и за полсекунды до включения контрольной аппаратуры исчез.

Медленно, словно преодолевая некое невидимое сопротивление, Стахнов потянулся к своему личному пульта. Кодовый номер «зет-два»... Он все еще не верил, ему все еще казалось, что здесь, в его кабинете, разыгрывается странная театральная постановка... Но код был вполне реален, и аппаратура, идентифицировав его личность, объявила по всем необходимым каналам операцию «Прорыв». Разработанная несколько лет назад как простая мера предосторожности, операция, на которую сейчас переключались все мощности и ресурсы планеты, ставила своей целью обнаружение и локализацию возможного проникновения извне через Мексиканский генератор любого постороннего объекта. Однако Стахнов понимал уже, что безнадежно упущенное время не вернуть никакими силами.

Для того, кто за полторы секунды сумел сделать в аппаратной Мексиканского объекта все, что ему было нужно, шести часов, прошедших с момента прорыва, более чем достаточно...

Глава 7

Дом, похожий на игрушечный елочный шар, ждал возвращения хозяина из столицы уже вторую неделю. Игорь, как обычно, задерживался, но сегодня по визофону он наконец назвал номер трансфера, и, если справочная не ошиблась, дома он будет к шести вечера.

Анна вместе с Алешкой стояли на веранде и смотрели на лес. Его лохматый аванпост подступал к самой ограде. Игорь несколько раз собирался подстричь кусты можжевельника, штурмующие ограду, но каждый раз отменял свое распоряжение домашнему роботу.

Анна понимала почему. Естественный переход от дома к лесу, настоящий на ароматной хвое воздух – ему нравился этот уголок, хотя он мешал проезду и выглядел неухоженно на фоне сада и укрытой вьющимися лианами террасы.

Сегодня можжевельные заросли выглядели особенно угрюмо. Анне даже показалось, что за короткое время кусты слишком уж разрослись, захватив новое пространство. Их поникшие ветви теперь перекрывали даже пешую дорожку. «Придется все-таки подстригать», – решила Анна, однако без Игоря не хотелось начинать, да и дел у нее сегодня хватало... Молодая женщина ушла в дом.

Каждый раз, возвращаясь из очередной командировки, Райков досадовал на себя за то, что никак не соберется обзавестись личным флаттером.

Вот и сегодня, выйдя из региональной станции трансфера, он вынужден был пятнадцать минут ждать свободный автофлайер, а потом еще три километра идти пешком. Третий год не удосужатся проложить подъездные пути к новым жилым коттеджам. Коттеджи уже состарились, а дороги все нет.

Впрочем, он не совсем был уверен, что ему так уж необходима эта дорога или новомодный флаттер. С ними он наверняка лишился бы кусочка леса, принадлежащего лично ему: не останется тогда ни этого аромата шиповника у тропинки, ни птичьих голосов, ни хруста прелой хвои под ногами. Ничего этого из кабины не увидишь и не почувствуешь. Он задумался о том, где должна проходить граница между бесконечной спешкой, диктуемой срочными делами, на которые вечно не хватает времени, и самим ощущением жизни. Где, в какой точке следует остановиться, чтобы не перейти грань и не превратиться в бездушного робота, ничего не замечающего вокруг?

Райков шел не торопясь, наслаждаясь ощущением одиночества, видом тропинки, то и дело ныряющей под полог широких светлых сосен. В то же время он понимал, что крадет эти немногие, в сущности, минуты, оставшиеся до нового длительного расставания, у Анны и Алешки. Не в этом ли причина отчуждения, с которым все труднее становилось справляться Анне? Не из-за них ли большинство его коллег, капитанов и руководителей дальних экспедиций в конце концов оказываются за бортом семейной жизни? Не уготована ли ему та же судьба?

Он так глубоко задумался, что уже перед самым домом свернул не на ту тропинку. Возможно, именно это его спасло. Проплутав в зарослях лишних пять минут и ругая себя за эту оплошность, он вернулся к развилке в совершенно другом состоянии. Теперь его внимание было обострено, и он вглядывался в просветы кустов, желая как можно скорее увидеть поворот к дому, и, когда появились наконец знакомые кусты можжевельника, Райков сразу понял: на дорожке что-то изменилось.

Он остановился и внимательно осмотрел куст можжевельника, невесть откуда взявшийся у самой тропы. Человек любой другой профессии на его месте, возможно, отстранив ветви, загородившие дорогу, пошел бы дальше. Во внешнем облике куста не было ровным счетом ничего особенного. Но Райков много лет работал дальним поисковиком. На чужих планетах

слишком ничтожное изменение обстановки свидетельствует об опасности. И потому, вместо того чтобы идти дальше, он стоял у этого куста и неторопливо размышлял.

«Предположим, кто-то в его отсутствие пересадил сюда куст. Анна вряд ли этим станет заниматься, к тому же куст был посажен не на территории сада, а фактически в лесу.

Если такую пересадку сделал садовый робот из-за ошибки в программе, он не станет маскировать место новой посадки старым мхом и травой, которая успела уже слегка привянуть и своим поникшим видом выдавала неумелого конспиратора.

Может быть, это проделки Алешки? Да нет, пересадить такой куст да еще и замаскировать следы пересадки – задача не для восьмилетнего ребенка».

Возможно, в конце концов он бы отмахнулся от загадки и пошел дальше, но ему не нравилось расположение куста. Слева, у самой тропинки, небольшое болотце, справа – непроходимые колючие заросли. Для человека, идущего к дому, оставалось лишь два способа прохода: проползти на четвереньках под кустом или отстранить без особого труда длинные гибкие ветви... Ну какой же взрослый, уважающий себя человек поползет на четвереньках? Ему предлагали задачу с готовым решением. Но он не любил подобных задач. Приблизившись вплотную к кусту, Райков внимательно всмотрелся в кору и колючую хвою, ни к чему не прикасаясь.

Солнце садилось. Его низкие закатные лучи падали прямо на куст. В красноватом вечернем свете хвоя, а местами и кора как-то странно поблескивали, словно по ветке, загородившей дорогу, долго ползали садовые улитки. Но улитки не ползают по колючим кустам можжевельника...

Райков опустился на четвереньки и, осторожно соразмеряя свои движения с высотой куста, медленно двинулся вперед. У него пропало всякое желание прикасаться к кусту даже палкой. И, внутренне посмеиваясь над собой, представляя, сколько радости доставляет своей нелепой позой притаившемуся в зарослях шутнику, он продолжал медленно и осторожно продвигаться вперед.

Лес стоял вокруг молчаливый и тихий. Райков встал, отряхнул с колен грязь и еще раз осмотрел куст с противоположной стороны. Здесь следов странной слизи видно не было. Теперь можно войти в дом и вызвать службу безопасности. Он представил, сколько насмешек вызовет эта история. Руководитель экспедиции, испугавшийся можжевелевого куста, рискует стать притчей во языцех во всем космофлоте... И тем не менее, переступив порог и не успев толком поздороваться с Анной, ни о чем ее даже не спросив, он прошел в свой кабинет, включил инфор и вызвал УВИВБ.

В голосе дежурного вместо удивления или насмешки он уловил настоящую тревогу.

– Соединяю вас с группой «Прорыв», возможно, ваша информация по их части...

Уже через пять минут около коттеджа Райкова, вызвав неподдельный восторг Алешки и изрядно повредив цветники и газон, опустились два мезолета спецслужб.

Получив результаты первых экспресс-анализов слизи, снятой с куста можжевельника у дома Райкова, Кленов немедленно вызвал по коду «Тревога-прорыв» две вспомогательные группы. Не прошло и нескольких минут, как огромная платформа энергоцентра появилась над домом Райкова, приняла на свою верхнюю параболическую антенну четыре канала прямой энергоподачи со спутниковых автоматических станций и, окутавшись голубоватым облаком статических разрядов, выбросила к земле расширяющийся зонтик энергозащиты.

Теперь дом Райкова и прилегающий к нему район леса в радиусе двух с половиной километров оказались изолированными от внешнего мира.

К огорчению Кленова, установление более широкого энергетического зонтика не представлялось возможным, поскольку его край и так вплотную подошел к кольцевой рокадной дороге и жилым кварталам Липограда.

Внутри купола люди, одетые в скафандры высшей защиты, с антеннами универсальных анализаторов в руках, обрабатывали каждый квадратный сантиметр почвы вокруг куста, постепенно расширяя зону поиска.

За пределами зонта еще одна группа космических десантников вела поиск по сложной схеме, стремясь охватить анализаторами возможно более широкое пространство. Все выглядело как при высадке на планету с категорией опасности не менее двух единиц.

– Может быть, ты мне объяснишь, что здесь происходит? – спросила Анна. Необычный шум заставил ее наконец покинуть кухню, в которой она запретила устанавливать автоматику.

– Видишь ли, дорогая, – несколько смущенно начал Райков, – мне самому забыли объяснить, что все это значит. По-моему, весь сыр-бор загорелся из-за того можжевельного куста. Он мне не понравился, я имел неосторожность позвонить в службу безопасности, а что из этого вышло – ты видишь.

– Они же помнут все цветники!

– По-моему, они специально для этого и прилетели. Видишь, уже заканчивают. Вон тот высокий дядя в скафандре только что прошелся по последнему кусту клематисов.

– Ты еще и шутишь? Это кажется тебе смешным, да? – В голосе Анны звучала неподдельная обида и растерянность.

– Я не думаю, чтобы подобную операцию начали из-за пустяка, – посерьезнев, сказал Райков. – Люди заняты делом, не стоит им мешать. Как только появится возможность, они нам все объяснят.

– А мне кажется, тебе это доставляет удовольствие. По-моему, ты специально все затеял, чтобы не скучать с нами наедине! – Хлопнув дверью, Анна ушла.

Окинув взглядом вытоптаный цветник и еще раз убедившись, что жены нет рядом, Райков позвонил Кленова.

– Что вы обнаружили на кусте?

– Контактный нервно-паралитический яд. Прикосновение смертельно даже через одежду. Вопрос времени. Я до сих пор не понимаю, что вас уберегло... Вам плохо?

– Нет, ничего, спасибо. Просто я подумал, что там мог играть Алешка...

– Рассчитано все очень точно. Куст опрыскали за несколько минут до вашего прихода. На высоте роста взрослого человека. Ловушка была поставлена именно на вас. Странно, что она не сработала... Теперь им придется предпринять что-нибудь еще.

– Кому «им»?

– Если бы я знал... Мы все время опаздываем. Объект, прошедший сквозь защиту Мексиканского генератора, опередил поиск часов на шесть, и нам никак не удастся сократить временной разрыв, но, возможно, сейчас, потерпев неудачу, он появится снова.

– Вы уверены, что эти события связаны друг с другом?

– Вещество, распыленное на кусте, не вырабатывается на наших заводах. Это, скорее всего, сок какого-то растения, неземная органика.

– И все же срок невелик. Шести часов слишком мало для того, чтобы сориентироваться в обстановке незнакомого мира, узнать мой адрес и даже время прибытия лайнера.

– У них должен быть земной источник информации, если вы правы. Мы ничего не знаем о противнике. Возможно, ваша экспедиция к Ангре что-то прояснит. Не зря они ей противятся. Я почти уверен, что покушение на вас организовано именно в связи с этой экспедицией. А что касается информации – эту версию придется проверить, хотя канал ее передачи трудно даже представить.

– Она могла в законсервированном виде храниться на Земле, но какие-то контакты должны быть. Без них невозможны передача заданий, внедрение своих людей...

– Людей?

– Ну, не знаю... Чтобы действовать внутри нашего общества, они должны быть похожи на людей... Противник... Вот уже сотни лет, как это слово в его военном смысле исчезло из нашего языка. Теперь оно возвращается снова. Не нравится мне все это.

– Думаете, мне нравится? Но кто-то должен наконец назвать вещи своими именами.

– Зачем вы поставили энергетический зонтик над моим домом, надеялись, что объект все еще здесь?

– Нет. Скорей, это мера предосторожности. Он мог воспользоваться суматохой и нанести повторный удар. Так или иначе он должен теперь проявить свои дальнейшие намерения.

Инфор срочной связи тоненько запищал на браслете Кленова, и тот нажал кнопку включения.

– Говорит шестая. Кажется, мы нашли след.

– Какой давности?

– Часа полтора, не меньше.

– Район?

– В десяти километрах южнее Липограда.

– Зафиксируйте след, я сейчас вылетаю.

– Я с вами, подождите минутку, переоденусь и возьму...

– Извините, Игорь Сергеевич. Впредь до конца операции вам нельзя покидать зону силового ограждения.

– Это еще что за новости?

– Мы не можем рисковать вашей жизнью.

– Я, знаете ли, сам привык решать этот вопрос.

Брови Райкова сошлись у переносицы, а в глазах появился стальной и холодный блеск, хорошо знакомый его подчиненным. Кленов уже понял, что ему не переспорить этого человека. Он понял также и то, что не сумеет заставить его подчиниться своим распоряжениям. Все же он попробовал.

– По коду «Тревога-прорыв» мне предоставлено право изолировать любого человека на столько, на сколько я сочту нужным. Игорь Сергеевич, вам придется остаться.

– Интересно, каким способом вы собираетесь меня задерживать? Силой?

– Я не дам вам ключ от силового поля, снаружи останется охрана. Она будет охранять вас и вашу семью. Видимо, вы все же не до конца отдаете себе отчет в том, насколько велика опасность.

– Я немедленно свяжусь с Ридовым!

– Попробуйте. Но, думаю, сейчас это будет непросто даже вам. И потом, если вы считаете, что опасность там, куда я еду, то вы глубоко ошибаетесь. Скорее всего, там нет ничего, кроме старого следа. Она здесь. Внутри дома. Не забывайте, что наш неизвестный враг уже прошел защиту, подобную той, что прикрывает сейчас ваш дом, и у него есть вполне определенная цель.

– Вы хотите сказать...

– Вам лучше остаться здесь. Вы не представляете себе всей серьезности игры, которая ведется, и не знаете, какие силы и средства в ней сейчас задействованы. Вам лучше остаться в доме, в фокусе нашей аппаратуры. Если хотите, в роли подсадной утки. У меня есть основания полагать, что наш противник спешит и очень скоро будет вынужден повторить удар.

– Благодарю за откровенность по поводу моей новой роли.

– Вы не оставили мне иного выбора.

– А жена и сын?

– Я не думаю, что им грозит опасность. Удар направлен только на вас. Но если хотите, я могу забрать их с собой и перевести в другое защищенное место.

– Пусть уж лучше остаются со мной, не очень-то я верю в надежность вашей защиты.

Не ответив, Кленов сел в кабину мезолета.

Глава 8

Как только мезолет покинул зону купола, на пульте вновь вспыхнул вызов.

– Говорит шестая группа поиска. Кажется, мы его обнаружили. Биолокаторы фиксируют интенсивный энергетический объект порядка сорока двух люмов, изображения нет, мы его не видим.

– Прекратите все разговоры в эфире! Управление передайте центральной! Переключите локаторы на инфракрасный диапазон!

Руки Кленова автоматически, независимо от сознания, занятого другой, более важной задачей, совершали необходимые действия. На мониторах мезолета уже проступало изображение неизвестного объекта в инфракрасных лучах. Небольшое темное пятно с размытыми краями двигалось, металось по кругу силового зонта.

Кажется, на этот раз они успели... Теперь самое главное – нарастить мощности до того, как эта штука покажет все, на что она способна...

– Седьмой, восьмой и двенадцатый энергопередатчики переключить на шестую группу, обе платформы энергетического резерва – в зону контакта.

– Посмотрим, – прошептал Кленов. – В конце концов, ты всего лишь гость. Планета здесь наша, и все ее ресурсы приведены в нулевую готовность. Если понадобится, сюда потечет энергия обоих полушарий, миллионы гигаватт... Только бы успеть. Только бы выиграть в этой схватке несколько секунд...

Работали все съемочные камеры и измерители. Он видел, как темное пятно на экране развернулось и бросилось на силовую стенку. Ослепительные всполохи в зоне контакта казались невысказанно яркими для такого крошечного пятна.

Мельком глянув на гравиметр, Кленов удовлетворенно кивнул.

Массы у него осталось не более ста килограммов. Зонт должен выдержать. Только полная аннигиляция объекта может прорвать защиту.

– Вся мощность на левую стенку! Защиту переключить на скользящий режим!

Силовая стена поддалась под давлением объекта, уступила, ушла в сторону. Их уже разделяло несколько метров. Противник не сразу понял, что произошло, и это позволило им выиграть первые, самые необходимые, секунды.

С каждым щелчком хронометра, с каждым ударом сердца мощности, подаваемые на силовой щит, сомкнувшийся вокруг незваного гостя, росли. Включались все новые подстанции. Все новые жгуты синего плазменного огня тянулись из стратосферы к приемным антеннам шестой энергоплатформы. Пришельцу уже не справиться, не вырваться из огненного круга, очерченного планетой вокруг него. Вот наконец он понял. Сообразил. Увеличил скорость. Поздно. Слишком поздно. Кленов глянул на индикаторы мощности. Теперь можно помериться силами впрямую. Не уводить поле из-под лобового удара, не тянуть время. Качнулись индикаторы всех приборов, вновь на экранах полыхнул огонь.

– Есть контакт с защитой! Мощности аннигиляции!

Кленов и сам это видел. В неравной борьбе темное пятно наливалось изнутри малиновым светом, истаивало на глазах, отдавая всю массу бешеному атомному огню, полыхавшему внутри защитного купола, в тщетной попытке прожечь стены сомкнувшейся вокруг него ловушки.

Температура внутри замкнутого пространства защитного поля уже достигла тысячи градусов и продолжала расти. В радиусе сорока метров горели кусты. В пепел превращалась трава, в зоне контакта начинал плавиться песок. До каких же пор? Сколько градусов он может выдержать? Почему не прекращает бессмысленную атаку?

Они уже видели купол ловушки невооруженным глазом. Мезолет на предельном форсаже двигателей шел в зону схватки. Огненный пузырь силового поля вздымался и опадал вместе с пульсацией полей. Борьба внутри купола шла к концу. Свет из фиолетового диапазона переходил в голубой. Температура начала падать, Кленов еще раз посмотрел на гравиметр и прикусил губу: осталось меньше двух килограммов массы. Стрелка стремительно двигалась к нулевой отметке. Он сгорит весь, без остатка. Внизу неведомый и опасный гость продолжал безжалостную борьбу, превращая самого себя в поток фотонов. Они никогда не узнают, что это было: существо? механизм?

Горсточка оплавленной земли – все, что они найдут на месте схватки, все, что останется от того, кто пришел сюда из какого-то невероятного звездного далека, пришел только затем, чтобы попытаться ужалить, а потом бесславно и мужественно погибнуть.

Кленов уже понял, что противник не прекратит атаку до тех пор, пока полностью не аннигилирует. Самоуничтожение – вот что это такое. Его рука сама собой потянулась к красной клавише. Он понимал, чем рискует, какого опасного гостя выпускает на волю, и все же не мог поступить иначе.

Клавиша щелкнула и плавно утонула в своем гнезде, утонула без всякого усилия, без сопротивления. Всего-то и надо было сделать, чтобы прекратить полыхающий внизу атомный костер.

– Всем средствам слежения фиксировать объект! В случае попытки выйти из зоны контакта разрешаю силовую атаку.

Никто не пытался выйти из зоны. Постепенно в окошках индикаторов один за другим появлялись нули, только уровень радиации оставался высоким да звездная температура плавила уже коренную материнскую породу.

На экранах еще виднелся небольшой комочек темного вещества, продолжавший пульсировать, бороться, поглощать окружающую его разбушевавшуюся энергию и медленно таять в чужом и враждебном мире. Все-таки Кленов опоздал с прекращением контакта, какой-то предел был уже позади. Какие-то структуры нарушились, какие-то процессы приобрели необратимый характер. Гость продолжал растворяться, исчезать на глазах.

Кленов сделал еще одну, последнюю попытку. Мезолет выстрелил вниз вакуум-бомбой. Тонкая пленка облила на секунду объект и тут же сгорела.

Все было бесполезно. Гость продолжал бороться с враждебной средой до последнего атома, до последнего фотона. Он не желал выдавать своей тайны, но не мог знать, что все этапы схватки, все бесчисленные данные анализаторов уже учтены, зафиксированы и продолжают поступать в главные компьютеры планеты.

Центральное хранилище информации разместилось в подземных галереях Валдайской возвышенности. Среднерусская платформа давно уже стала центром многочисленных отраслевых компьютерных комплексов, со временем объединенных в гигантскую систему – Федеративный центр проблемной информации.

Постепенно сюда стали стягиваться различные научные учреждения, образовав на Валдае крупнейший академический центр со своими заводами, исследовательскими комплексами и полигонами. Этот мозговой центр Федерации не ориентировался на сиюминутные задачи. Здесь определялось развитие теоретической науки Земли на многие годы вперед, здесь занимались нестандартными проблемами широкого профиля, решить которые не могли специализированные региональные научные центры.

Наука с каждым годом стояла все дороже, погружаясь в бездну сложнейших проблем, суливших обществу в необозримо далеком будущем бесчисленные блага. Окутываясь почти мистическим туманом теорий, гипотез, предположений, разработок, исследований, она становилась занятием для избранных. Ученые превратились постепенно в привилегированную, замкнутую касту. На восемьдесят процентов эта огромная махина, пожиравшая бездну ресур-

сов и человеческих умов, работала сама на себя. А обществу ради остающихся жалких крох приходилось терпеть хорошо организованных бездельников, прикрывавшихся фиговыми листами научных диссертаций, разобраться в языке которых давно уже было не под силу ни одному нормальному человеку.

Несмотря на то что УВИВБ располагало собственным научно-исследовательским отделом, Кленову пришлось обратиться в Валдайский центр.

Только после утомительной процедуры выписки специального пропуска ему удалось наконец попасть на территорию Центра.

В гигантских ангарах доктора Каминского, как всегда, что-то разбирали. На этот раз был «Томагавк-2001». В соседнем отсеке начинался монтаж установки, подающей еще большие надежды, чем разбираемый «Томагавк». Самого Каминского Кленову удалось найти лишь после получасовых поисков в хорошо забетонированном подвале с надписью: «Вход воспрещен всем».

Каминский задумчиво теребил ухоженную бородку, разглядывая целую грудку сверхпроводимых магнитов, сваленных без всякого порядка в дальнем конце подвала. От входа их отделяла толстенная плита свинцового стекла. По-видимому, магниты были основательно заражены радиацией и в ближайшие пятьдесят лет вряд ли кому-нибудь могли пригодиться.

– Вы ко мне? – спросил Каминский, все еще не отрывая взгляда от магнитов.

– Да. Вас должны были предупредить о моем визите.

– Возможно. Секретарше редко удается меня найти. Так, чем могу...

– Меня интересуют результаты ваших исследований по коду «Тревога-прорыв».

Теперь Каминский впервые посмотрел на посетителя и, хотя они встречались уже раза два, Кленов не узнал и руки не подал.

– Насколько мне помнится, мы послали вашему Управлению специальный отчет.

Из этой фразы следовало, что все он прекрасно помнил и отлично знал, какое ведомство представлял Кленов.

– Его смотрел наш научный переводчик, однако и после специальной обработки мне там ясно далеко не все.

– Сожалею, однако не могу же я заменить вам научного переводчика!

– Можете! – жестко сказал Кленов. – Код никто пока не отменил, и я вам сейчас покажу, что это значит.

Он достал из нагрудного кармана небольшой квадратик инфора, набрал на нем несколько цифр и нажал маленькую красную кнопку в левом углу.

– Слушаю, – сразу же ответил рокочущий бас директора Валдайского центра, исказить который оказался не в состоянии даже хрипловатый динамик миниатюрного инфора.

– Игорь Всеволодович, это Кленов, тут ваш сотрудник доктор Каминский перегружен срочной работой, не могли бы вы освободить его для меня часа на два?

– А он не знает, что означает код «Тревога-прорыв»?

– Делает вид, что не знает.

– Дайте мне его!

Не желая слушать предстоящего Каминскому разноса, Кленов щелкнул переключателем, и в ухе профессора сразу же запищал зуммер. Этот не видимый глазом прибор крепился к внутренней стороне ушной раковины всех сотрудников Центра и использовался лишь для аварийной информации или сообщений чрезвычайной срочности.

Через две минуты лицо Каминского, лишенного возможности что-нибудь ответить или возразить, покрылось красными пятнами.

А спустя пять минут они уже сидели в центральном диспетчерско-демонстрационном зале.

Современные исследования почти на девяносто процентов проводились автоматизированными киберсистемами, без участия человека. Автоматы с точностью и тщательностью, недоступной людям, трудились глубоко под землей. Многие работы проводились в полностью запечатанных боксах, данные анализов и многочисленных датчиков, следящих за любым экспериментом, сразу же поступали в хранилища информации и по мере необходимости обрабатывались вычислительными системами, а затем в удобном для рассмотрения виде подавались в диспетчерский зал. На долю людей оставались лишь постановка задачи, выбор необходимых алгоритмов, так называемое стратегическое программирование, и анализ полученных результатов.

Сейчас голографические лазерные установки воссоздали точную копию изображения спекшейся ноздреватой массы – единственного остатка «гостя», – найденной на месте недавней схватки.

– В вашем отчете мне встретился незнакомый термин «биокристаллид». Что он означает?

– Биокристаллы – мельчайшие частицы органической материи, промежуточное звено между вирусами и белковыми молекулами. Они обладают определенным генотипом нуклеидов, способны размножаться. Термин «биокристаллид» предложен нами. Биокристаллид – мельчайшие образования, видимые лишь под микроскопом. Поскольку они обладают неустойчивой кристаллической решеткой, собранной из крупных органических молекул, их масса физически не может превышать микрограммов. Однако, по нашим предположениям, весь объект состоял из биокристаллов.

Тон Каминского все еще был сух и официален.

– Вы полагаете, это биоробот?

– Вы нам мало что оставили. Трудно сделать определенное заключение. С равной степенью вероятности можно предположить, что это был необычный живой объект с собственной нервной структурой или управляемый извне робот.

Постепенно, увлекаясь темой, Каминский оттаивал. Его объяснения становились все подробнее и доходчивее. С удивлением для себя Кленов отметил, что ученые, когда хотят, могут излагать собственные мысли вполне доступным для простых смертных языком. Внутри многотомных, испещренных формулами отчетов заключены, как правило, крупницы истины, которые можно выразить немногими вполне понятными словами. Но чем толще отчеты, чем заумнее язык их изложения, тем меньше можно обнаружить там этих драгоценных крупниц смысла.

– Самое интересное в объекте не его биологическая структура.

Каминский что-то переключил на пульте, и по главному экрану поплыли плоские фотографии треков атомного распада.

– Эти снимки мы получили из срезов коренных пород, подвергнувшихся облучению во время энергетического удара. В них нет ничего интересного, обычная остаточная радиация. Но посмотрите внимательнее: вот там и там след совершенно ни на что не похож. Эти фотографии натолкнули меня на мысль воссоздать в компьютерной модели первоначальный состав ядерного вещества нашего гостя, и вот что получилось...

Перед ними появились пространственные атомные решетки, словно вывернутые наизнанку. В электронных слоях движущихся живых изображений атомов то и дело вспыхивали синие всполохи фотонов. Атомы пульсировали, сжимались, постепенно уменьшали свой объем. Из них то и дело выпадали, превращаясь в энергию, отдельные частицы. Атомы разваливались, их становилось все меньше.

– Радиоактивный распад?

– Не совсем. Атомное строение объекта необычно. Его атомы наполовину состоят из антиматерии, как бы закапсулированные в оболочку из неизвестного нам поля и поэтому способные какое-то время находиться внутри обычной материальной среды без аннигиляции...

- И как долго они могут находиться в таком законсервированном состоянии?
- Все зависит от массы, но, очевидно, в среде обычной материи объект все время должен тратить часть своей массы, чтобы сохранить стабильное состояние и не аннигилировать.
- Но позвольте, в вашем отчете об этом не было ни слова!
- Это мои собственные, ничем пока не подкрепленные выводы. Когда работа будет закончена...

Кленов опять не сумел сдержаться:

– Перестаньте разыгрывать из себя младенца с бородкой! Вы что, не понимаете, о каких серьезных вещах идет речь? Да если это так, вся их тактика должна быть направлена на то, чтобы закрепиться в нашем мире с помощью... нас самих, тех из нас, кто на это способен!

– Вы хотите сказать... Чепуха! Вы привыкли играть в своем Управлении в старинных разведчиков, вам везде мерещатся вражеские агенты!

Ничего больше не сказав, Кленов отошел к другому пульта. Спорить с этим человеком было бесполезно, да и не нужно.

Свою задачу он выполнил, и выполнил неплохо. Жаль, что людям не всегда дано оценить значение собственных открытий. Теперь ему хотелось лишь поскорее остаться одному и обдумать полученную информацию. Очень многое представлялось теперь иначе, чем раньше.

«Если Каминский не ошибся и они не смогут свободно существовать в нашем мире, тогда такие люди, как Гравов, – их единственная надежда...» Он тут же остановил себя, потому что слишком мало знал об этом юноше и не имел права даже в мыслях предьявлять человеку подобное обвинение. В одном он не сомневался: каким-то образом Гравов связан с последними событиями, а возможно, с теми, кто ими управлял из другого, непонятного и недоступного землянам мира.

«Гравов после гибели мексиканского пришельца остался единственной ниточкой, единственным человеком, способным пролить свет на загадочную историю со спасательной шлюпкой и последовавшим затем прорывом... Наверняка этот прорыв, вся эта схватка, засылка биоробота в чужой мир со специальной защитой обошлись им недешево». Впервые Кленов поймал себя на мысли, что невидимый, отделенный от него непроницаемой завесой антмира противник воспринимается как нечто совершенно конкретное, не похожее больше на бездушный математический символ отвлеченного от действительности уравнения.

Вряд ли бы они стали платить столь высокую цену без серьезной причины. А раз так, раз в фокусе удара оказались Райков и, возможно, вся экспедиция на Гридос, то история с Гравовым и информация, которой он мог располагать, приобретали совершенно особое значение.

Пронзительно-синий майский день медленно догорал над столицей.

Их уже осталось совсем немного, этих припудренных золотой пылью, цветущих весенних дней. Скоро их сменят душные, напоенные летним солнцем дни июня...

Кленов медленно брел по проспекту Мира и думал о том, что ему-то уж и вовсе мало остается этих нежных и голубых дней Земли...

Совсем близко впереди обозначилось расставание, и он знал, что много раз будет потом вспоминать этот нереально красивый и тихий день.

Где-то за далеким, невидимым за стенами городских строений горизонтом плыли звезды. Их время пока не пришло. Лучи солнца еще гасили их слабый свет, но они были там.

И Кленов подумал, что все эти дни где-то среди них летела система Гамма вместе со своим Гридосом.

Ему не нравилось даже название планеты, но он знал уже, что нити, связавшие его с ней, слишком прочны, и, следуя их натяжению, он медленно и неотвратно приближался к своему последнему дню на Земле. Уже ждали его новое предписание, долгая дорога на Гридос, поиски Гравова и, может быть, если повезет, нескорое и неясное пока возвращение...

Часть третья Гридос

Глава 1

В безднах параллельной Галактики странный аппарат, похожий на серебряное яйцо, закончил свой полет.

На высоте двух тысяч метров над планетой Яйя его скорлупа начала истончаться под действием фтористого водорода – основного компонента атмосферы этой планеты. Через несколько минут активного воздействия едкого газа оболочка треснула и рассыпалась. Два существа, внешне совершенно непохожие на людей, развернули по паре огромных темных крыльев и начали медленный, планирующий спуск к поверхности планеты.

Все шло так, как и должно было быть. На Яйе ничего не менялось в течение тысячелетий, даже воздух оставался прежним, чего нельзя сказать о других мирах.

Оба существа полной грудью вдыхали животворную для них смесь ядовитых газов и, уравнив скорости, вели неторопливую беседу. Их речь была беззвучна и совершенно непонятна для человеческого восприятия, но смысл оставался так же един, как едины были основные законы разума во Вселенной.

– Как ты думаешь, для чего мы понадобились Правителю? – спросил тот, у которого чешуя на груди отливала радужным блеском, что свидетельствовало о втором воинском ранге личного советника Правителя.

Велояг, его спутник, ничего не ответил, лишь недоуменно тряхнул крыльями, отчего прямолинейный его полет прервался, и он провалился метров на двадцать ниже собеседника.

Когда они вновь поравнялись, Велояг дерзнул наконец изложить собственное мнение на этот счет:

– По последним статистическим данным, поставки эликсира замедлились, производство его сократилось почти на двадцать процентов... Может быть, причина в этом?

– Не думаю, – промолвил Гагаяг, поблескивая радужной чешуей. – Скорее всего, дело в зялмянине, куратором которого тебя назначили. До сих пор мы не можем установить с ним контакт – а это особый случай, достойный пристального внимания Правителя.

– Как бы то ни было, здесь нас не ждет ничего хорошего. – Концом крыла Велояг указал вниз, где в разрыве облаков уже виднелись красноватые всполохи и зеленоватые дымы столицы.

Хрустальная гора правительственной резиденции издали напоминала средневековый замок. Слишком уж симметрично расположились отдельные зубцы ее прозрачных, сверкающих красноватым светом вершин.

На площадке для приглашенных их уже ждала стража, и, увидев, что это не почетный караул личной охраны Правителя, а всего лишь дежурные гвардейцы, Гагаяг помрачнел еще больше: подтверждались его худшие опасения. Опала, возможно, изгнание на отдаленную планету. В самом худшем случае – трансформация личности. За последние десятилетия положение на внешних границах империи значительно осложнилось, и разжалования производились гораздо чаще награждений.

Скала содрогнулась от очередного землетрясения, и чудовищный грохот разбушевавшейся подземной стихии долетел до верхней площадки. Никто из деймов даже не повернул головы, настолько привычны стали подземные катаклизмы. Просто лишнее свидетельство дурного настроения Правителя.

Действительно, Ат-Баяг Четвертый изволит гневаться.

И было отчего! Ему только что доложили о провале акции воздействия. Исторический ход цивилизации на Зялме остался неизменным и пребудет таковым в ближайшие четырнадцать лет. Лишь через четырнадцать лет им вновь представится случай, но тогда, скорее всего, будет уже поздно.

Словно добрый рок оберегал этот мир. Все было рассчитано, и, казалось, все предусмотрено, и тем не менее операция сорвалась. Никто из советников даже приблизительно не представлял себе масштабов нависшей над ними опасности. Если бы не цикличность прохода на Зялму, он бы немедленно бросил туда два или три легиона, не останавливаясь ни перед какими жертвами.

Четыре тысячи лет они наблюдали за этим миром, не подозревая, какая страшная опасность вызревала для них на Зялме, и вот теперь, похоже, опоздали.

– Во всех подобных операциях у нас всегда был запасной вариант.

– Это так, Великий. – Личный советник Баг-Сеяг затенил лицо сгибом крыла, дабы подчеркнуть свою особую печаль.

Жесты, слова, тысячелетняя лесть – ничего не изменилось и никогда не изменится. Возможно, именно поэтому они в конце концов проиграют. Ат-Баяг вытянул три длинных суставчатых пальца, заканчивающихся острыми прямыми когтями, и почесал переносицу: слова из советников приходилось вытягивать клещами, и он пожалел, что это не настоящие клещи. Слишком хлопотно, слишком противно. Впрочем, и так не лучше.

– Ну так что там с этим вариантом, он тоже не сработал?

– Этим занимался Велояг.

– Ты вызвал его?

– Он здесь, Великий, прикажешь позвать?

– Позови.

В дейме, вошедшем вслед за распорядителем приемов, чувствовалась провинциальность. Он даже не затемнил крылом нижнюю половину лица. Кому они раздадут ответственные задания? Вот этой деревенщине? Дейму третьего ранга? Придется взяться за Ага-Буза. Похоже, он слишком увлекся расследованием дворцовых сплетен и забыл свои настоящие обязанности.

– Расскажи, что тебе поручили, – как умел доброжелательно промолвил Ат-Баяг, и все равно его голос под сводами радужного зала прозвучал мрачно, словно погребальный звон.

– Мне поручили завербовать или похитить зялмянина по имени Гравов. – Велояг замолчал, и Правитель знал, что теперь он будет молчать до следующего вопроса, даже если ждать понадобится тысячу лет.

Ат вздохнул и продолжил допрос:

– Ты знал, почему выбор пал именно на этого зялмянина?

– Нет, Великий.

Ну конечно! Этого он мог и не спрашивать. Его указания на то, чтобы при выдаче задания исполнителю объяснялась хотя бы его суть, систематически не выполнялись. Традиции. Государственная тайна. Если каждый дейм будет знать, что ему надлежит делать, Управление имперских тайн рискует остаться без работы.

– Как прошла реконструкция личности?

– Психологи оценили... Она удалась, хотя...

– Ну что ты замолчал? Говори!

– Я не психолог, Великий, я всего лишь куратор.

Пользуясь своей привилегией воинов первой категории, ибо только они могли говорить, не дожидаясь прямого вопроса Правителя, вперед вышел Баг-Янг, главный имперский психолог.

– Иногда встречаются трудные случаи. Слишком сильная личность изменяется не так пластично, не так постепенно, как это надлежит. Изменения тогда происходят скачком, и новое качество может проявить себя слишком полно.

– Говори ясней!

– Изменяемый так полно воплотился в новое, внушенное ему состояние, что совершенно забыл о прежнем...

– Ну и что же?

– В таком случае с ним очень трудно поддерживать контакт, центры подсознания закрываются...

– Так откройте их!

– Это невозможно. Изменяемый введен в операцию, задействован в новой роли на Зялме. Этот мир недоступен прямому воздействию еще четырнадцать лет.

– Это я знаю без вас!

Грохот подземного удара был страшен, дворец зашатался, но выстоял, со стен посыпались отколовшиеся изумрудные пилястры. С минуту успокаиваясь, Ат думал: «Итак, они в ловушке. Воздействие на ключевые моменты истории Зялмы не удалось и в ближайшее время, видимо, не удастся. Если она пойдет своим ходом...» Дворец зашатался от нового удара. Ат сдержал гнев и продолжал мысль: «Если она пойдет своим ходом, то экспедиция корабля зялмян к Ангре все-таки состоится. Корабль достигнет цели, и планетой завладеют зялмяне, сначала только Ангррой, а потом, раскрыв ее тайну, они пойдут дальше. Тогда их уже не остановить. Рано или поздно придет очередь Яйи, им начнут диктовать правила игры, с них, возможно, потребуют для начала сдачи завоеванных и освоенных миров...»

– Позовите предсказателя! – сдерживаясь, прорычал Ат, стараясь не причинить дворцу новых разрушений.

Двери распахнулись почти сразу, словно главный предсказатель ждал за ними вызова уже несколько часов или тысячелетий; возможно, так оно и было. Молодого демиурга украшала новая кожа с черными матовыми чешуями по всей поверхности. Лишь золотое ожерелье с рубином, опоясавшее тощую шею, выдавало в нем принадлежность к касте великих. Поскольку большинство предсказаний на Яйе, в отличие от других миров, сбывалось, этой касте не требовалось рекламировать свои достоинства чрезмерным грузом драгоценных украшений.

– Я хочу знать, что будет, если мы проиграем Ангру?

– Этого нельзя допускать, Великий: после этой развилки будущее становится неуправляемо.

– Ни одного возможного воздействия?

– Мелкие частные изменения. Цивилизация распадется на множество сообществ, каждое из которых пойдет по собственному пути развития. Мы не сможем контролировать их всех. К тому же их могущество возрастет настолько...

Ат устало махнул рукой, приказывая демиургу замолчать. Каким будет их развитие, он знал и без предсказателя. Они пошли странным, необычным путем, эти зялмяне. Их техническая цивилизация долго казалась всего лишь курьезом, извращением, заранее обреченным на скорое разрушение.

Такие цивилизации возникали не раз и всегда кончали какой-нибудь катастрофой. Однако зялмяне почему-то выстояли в самый сложный период, когда атомная война готова была вспыхнуть каждую секунду. Почему деймы не вмешались тогда? Это было так просто...

Но возможности предсказателей не беспредельны, и никто не мог предвидеть, во что обратится этот молодой развивающийся мир. Они с улыбкой наблюдали за ним, предвкушая его развал и огненный конец. Великие провидцы Вселенной. Когда надо, они умели ждать долго, и вдруг оказалось, что ждать больше нечего. Зялма благополучно миновала опасную фазу и пошла дальше по нехоженому пути могущественной технической цивилизации. Зял-

мяне построили звездолеты и стали ломиться сквозь пространство. Эти варвары прошибали его своими таранами, основывали новые колонии, плодились и размножались.

И вот теперь час пробил. Они представляют собой прямую угрозу Яйе, если немедленно не пресечь их экспансию.

Его мрачный могучий мозг боролся с возникшей опасностью, искал обходные пути...

– Перешлите Гагаягу мою волю.

Ритуальная фраза для воинов второго ранга. Ат никогда не забывал привилегий и имен своих подданных, помнил все оказанные ему услуги, просчеты глупцов и козни слишком властолюбивой знати. Может, поэтому он жил и правил Яйей так долго? Сколько именно? Он глянул вниз, туда, где его ноги, давно уже превратившиеся в могучие корни, пробили пол и несколько тысячелетий назад вросли в почву планеты. Теперь он питался ее соками и составлял с ней единое неразрывное целое. Иногда вынужденная неподвижность казалась ему несколько неудобной, но в большинстве случаев его устраивало все, что не мешало думать.

Глава 2

Вербовочный пункт располагался на территории космопорта. Это было огромное приземистое здание, разделенное на небольшие клетушки с отдельными входами. Над каждым входом горело цветное рекламное панно с названием компании и цифрами, обещавшими новым колонистам невиданное благополучие.

Хотя продукты, жилье и одежда давно уже ничего не стоили, денежные единицы не исчезли полностью. Предметы роскоши, искусства, путешествия на экзотические курортные планеты, домашние роботы, личный транспорт – все это стоило достаточно дорого и оставалось хорошей приманкой для привлечения молодежи на тяжелые и опасные работы по освоению новых планет. Кроме заработка, работа там прибавляла несколько баллов в личной учетной книжке и в дальнейшем позволяла выступать на конкурсах, где разыгрывались наиболее престижные места в благоустроенных колониях.

Канцелярии всех времен и народов похожи друг на друга как две капли воды. Менялся лишь внешний облик. Счеты и папки с документами заменили компьютеры и кристаллы с мнемопамятью, но суть осталась прежней: учитывать, распределять и, если обстоятельства позволяли, предписывать – предопределять судьбу человека, захлопнуть над ним челюсти беззубой, обитой бумагой пасти.

Роман, совершенно измотанный ночными кошмарами и бессонницей во время долгой дороги до Гридоса, представлял для них сейчас легкую добычу. Окружающее казалось ему не совсем реальным, словно было продолжением все тех же кошмаров. С трудом ему удалось взять себя в руки, он слишком хорошо понимал, что вся его дальнейшая жизнь на Гридосе зависит от предстоящего разговора с чиновником отдела распределения и вербовки.

– Что мы можем вам предложить... Ну, во-первых, рудники на внешних спутниках. Придется пройти специальные шестимесячные курсы, там много техники... Специальности у вас, к сожалению, нет...

Чиновник был в меру вежлив, хотя не старался даже скрыть своего полного безразличия к судьбе Романа.

На экране дисплея, невидимо для посетителя, прыгали какие-то знаки и цифры, отражавшиеся на лице чиновника синими мертвенными сполохами.

– Спутники меня не интересуют, – как можно равнодушнее и спокойнее проговорил Роман.

Опыт многих подобных разговоров подсказывал ему, как правильно следует себя держать в этой ситуации. Главное, не попасться на какую-нибудь хитро подстроенную ловушку,

не согласиться на изнуряющую работу у автоматического комплекса. Кроме того, ему во что бы то ни стало нужно было остаться на планете.

– У меня есть несколько специальностей. Например, монтажник аппаратуры высоких энергий, третий разряд.

Чиновник поморщился:

– Специальности, полученные в процессе рабочего обучения, у нас не котируются. Нам нужны серьезные люди с образованием. Таких, как вы, слишком много. Их проще всего обучать на месте тем специальностям, которые пользуются спросом в данный момент. Я вам не советую привередничать. Если вы не согласитесь с моими предложениями, вас распределят на работу по категории X-два. В договоре есть соответствующий пункт.

Это означало, что его отправят в рабочий отряд без права выбора места работы и без определенной специальности. Но он изучил договор и неплохо знал свои права.

– В договоре есть и пункт шестнадцатый, примечание «а», в котором сказано, что вы обязаны предоставить мне выбор по крайней мере из двух мест по категории не ниже X-один.

Чиновник выглянул из-за экрана компьютера и удивленно посмотрел на Романа. Видимо, ему не часто попадались переселенцы, наизусть знающие все статьи договора.

– Конечно, еще я могу вам предложить место компаньона на сельскохозяйственной ферме.

– Разве у вас там не все делают роботы?

– У нас патриархальный уклад жизни. Многие предпочитают обходиться без роботов. Место хорошее. Отдельный остров. В выходные вы будете иметь возможность посещать столицу. Всего пятьдесят миль. К тому же если вы там получите хорошую характеристику, то через шесть месяцев можно будет сменить место работы.

– Пожалуй, меня это устроит.

Компьютер на столе чиновника заурчал, как довольный, сытый кот, и выплюнул на стол карточку Романа. На этом формальности были соблюдены. Попутный глайдер отправлялся на остров только на следующий день, и Роману нужно было еще устроиться с ночлегом. Впрочем, об этом позаботилось бюро по найму. Вместе с карточкой он получил и ключ от незанятого гостиничного блока.

Как и предполагал Роман, номера в типовом здании гостиницы походили друг на друга как две капли воды, и, переступив порог, он передернул плечами от неприятного чувства.

Ничто и никогда не менялось в этих пластиковых коробках.

Казалось, здесь остановилось само время. На самых разных планетах он испытывал это неприятное чувство возвращения к старому. Конечно, стандартизация помогала осваивать новые миры, обеспечивала быстрое и достаточно полное снабжение новых поселенцев всем необходимым, но оставалась ее внешняя, неприглядная сторона. При сильном желании он мог бы сменить здесь всю обстановку, вот только зачем? К тому же неопределенное время ему предстояло довольствоваться стандартной пищей, меню которой составляли опытные диетологи, никогда не учитывающие личных вкусов Романа.

Каждый раз получалось, что, сбежав от осточертевшего душного однообразия стандартов и автоматике, заполонивших Землю двадцать второго столетия, он попадал вместо патриархальной сельской жизни, о которой втайне мечтал, в еще более стандартизованный и роботизированный мир колоний...

Впрочем, чего же еще можно было ожидать временному рабочему, приехавшему сюда по договору два же?

Были здесь, конечно, и виллы, и залитые солнцем луга индивидуальных ферм... Насчет солнца он, пожалуй, переборщил. На Гридосе даже официальная статистика прогнозов обещала не больше двух солнечных дней в году.

«И все же, почему бы ему не осесть в каком-нибудь малонаселенном мире? Превратиться в старожилу, обзавестись собственной фермой, семьей, наконец...» Роман скептически усмехнулся собственным мыслям. Что-то он слишком быстро раскис на этот раз... В конце концов, у него теперь есть надежда. «Нужно узнать, почему Гридос желает выйти из Федерации, какие здесь имеются тайные общества, секты, одним словом, «вжиться в местное общество», вжиться и наблюдать. Разве это так уж трудно? Может быть, он чрезмерно драматизирует полученное задание?»

«Главное – уцелеть, – сказал ему Райков, – собрать и передать информацию...»

Пока он не видел здесь никаких особых опасностей: типичная провинциальная планета, надо лишь переждать, перетерпеть несколько месяцев до прилета «Руслана».

Утро показалось Роману таким же безрадостным и серым, каким был предыдущий вечер, предстоял огромный пустой день в мире, где его не знал ни один человек. Глайдер на острове будет лишь поздно вечером, и нужно было чем-то занять себя.

Не бывает одиночества хуже, чем на переполненном незнакомыми людьми вокзале – таким ему представлялся город. Но и в гостинице не слаще... Похожие как две капли воды комнаты, одинаковые развлечения у экрана вифона и прочие блага единого стандарта. Можно, конечно, завалиться спать на весь день, но этой ночью его впервые отпустили кошмары, и он хорошо выспался. Да и валяться в постели в его возрасте, когда кругом кипит чужая, незнакомая жизнь, обещающая всегда так много и так мало дающая, показалось ему неинтересным. Информация... Им там, на далекой теперь Земле, нужна информация... Нехотя он поднялся и вышел из гостиницы.

Столица гридского поселения производила мрачное впечатление. Здесь все было слишком уж рационально. Портовые склады, автоматические производственные комплексы, ремонтные мастерские и транспортные хозяйства. Конечно, Роман не ожидал встретить в порту жилые коттеджи – как и в большинстве поселений, они наверняка вынесены в специальную зону. Но здесь не было даже портовых кафе и пляжных комплексов. Местное море содержало ядовитую фракцию в своем соляном растворе – в нем присутствовали ядовитые соединения тяжелых металлов. За сорок лет гридяне даже не попытались решить проблему очищения воды. Это показалось странным. Обычно поселенцы больше всего времени и сил тратили на то, чтобы привести свой новый дом в порядок. Давно были разработаны эффективные способы очистки водных и воздушных масс вновь осваиваемых планет.

Североград, раскинувшийся в двух километрах от портовой зоны, выглядел привлекательней, но и здесь Роман не мог отделаться от ощущения какой-то временности, искусственности и торопливости... Ни одного многолетнего дерева, ни одного солидного долговременного сооружения, большинство строений – временки.

Словно бросая вызов унылому однообразию городских улиц, там и тут вспыхивала яркая реклама какого-то местного напитка. Но и эти редкие цветные пятна не могли изменить общей картины. «Не позаботились даже проложить приличные дороги», – с раздражением подумал Роман: основу городского транспорта до сих пор составляли устаревшие лет двадцать назад кары на силовой подушке.

Прямо напротив остановки вспыхивала и гасла реклама все того же напитка: «Пейте уравнил!» – а чуть в стороне, подальше, в конце улицы, неоновыми змейками бежали слова: «Уравнил – это радость!»

«Можно подумать, у них здесь нет ничего, кроме этого уравнила... Уж не наркотик ли это? Хотя нет, карантинные службы Федерации никогда бы не допустили открытой рекламы чего-то подобного». Тем не менее, желая убедиться в этом, он подошел к уличному автомату и, нажав кнопку, получил запотевшую бутылочку желтоватого напитка. На яркой этикетке опять призывно вспыхнуло «Уравнил». Роман открыл бутылку и понюхал. Напиток пах вполне безобидно – лимонным соком. Роман с детства терпеть не мог ничего кислого. Он осторожно

слизнул с ладони каплю напитка, явно отдававшего синтетикой, сморщился и тут же отправил в мусоропровод всю бутылку.

В центре столица выглядела достаточно оживленно. Целые кварталы огромных супермаркетов, базаров. Не так уж плохо жили гридяне, как ему показалось сначала.

Девушку он заметил, скорее всего, потому, что она ничем не выделялась в толпе с первого взгляда. А может, оттого, что в его возрасте довольно трудно не заметить такую девушку? Что в ней его привлекло? Походка, гордо откинута голова, летящая по плечам волна волос, не укрытых от дождя? Когда она подошла совсем близко, он увидел на секунду ее лицо, чуть нахмуренные брови, пушок на верхней губе, широкие, почти монгольские, скулы.

Она не была даже красива, если исходить из привычных, набивших оскомину телереальных стандартов, и вела себя странно, не так, как остальные женщины, приехавшие за покупками в столицу из провинциальных городков и теперь подолгу застывавшие у витрин, разглядывая чудеса торгового столичного рая... Она что-то искала, слишком спешила и плохо знала дорогу. То и дело путалась, спрашивала о чем-то прохожих, опять сбивалась. Ненадолго забежала в магазины, взглядом скользила по полкам и, ничего не купив, вновь выходила на улицу.

Роман шел следом, в отдалении, стараясь не привлекать ее внимания. Он не искал случайного скоротечного знакомства в этом городе. Просто шел следом, сам не зная зачем. Ему нравилось издали незаметно наблюдать за ее нахмуренным, озабоченным выражением, за всей этой летящей, стремительной торопливостью, за этой спешкой к неизвестной ему цели.

Он видел как бы кусочек, крохотный фрагмент чужой жизни и с непонятной горечью думал о том, что все его предыдущие знакомства и встречи с женщинами были такими же фрагментами, может, более длительными, и только. В конце концов он уходил или уезжали они. Каждый возвращался к своей жизни, к своим проблемам.

Первый раз девушка надолго остановилась у крупного магазина с образцами земного сельскохозяйственного оборудования. С точки зрения Романа, на витринах не было абсолютно ничего интересного. Два-три сельскохозяйственных робота, сменные навесные орудия, образцы семян, пакеты для гидропонных растворов – все это устарело на тысячу лет.

Но этим упрямам, этим ретрографам на новых мирах не нравилась пища, получаемая из синтезаторов. Они были гурманами и трудягами, они не жалели сил для того, чтобы вырастить натуральные продукты, и охотно покупали подобное оборудование.

Неужели она тоже принадлежала к одной из таких фермерских семей или даже общин? Он почувствовал разочарование, даже досаду на эту незнакомую девушку, словно она была виновата в том, что не соответствовала придуманному им образу.

Собственно, Роман и сам толком не знал, каким должен быть его идеал женщины. Смутно рисовался ему в мыслях некий противоречивый тип независимой принцессы, но при этом слабой и беззащитной, да еще и нуждавшейся в его помощи и поддержке.

Никто в его помощи не нуждался. А те женщины, которых он знал, мало чем отличались от знакомых парней. Долгие годы эмансипации и равенства сделали свое дело. Женщина взвалила на свои плечи половину мужских обязанностей и потеряла в глазах Романа половину своего очарования...

Домашний очаг, воспитание детей – все это отошло в романтическое прошлое. Детей воспитывали интернаты, и лишь на каникулах они появлялись дома. А женщины, обретя наконец равное с мужчинами положение в обществе, отчего-то не почувствовали себя счастливее...

Все эти мысли пронеслись в его голове, пока девушка что-то торопливо записывала на маленькой магнитной карточке. Он подумал, что если сейчас не подойдет к ней, воспользовавшись остановкой в ее стремительном движении, то второго такого случая может не представиться.

Среди различных миров Федерации существовало множество правил поведения в обществе. Не зная их, можно было попасть в глупейшее положение. Тем не менее в большинстве

мест случайное знакомство на улице по обоюдному желанию давно уже не считалось зазорным. Преодолев удивившую его самую нерешительность, Роман наконец сделал несколько шагов по направлению к витрине и остановился рядом с девушкой.

– Извините меня, пожалуйста, мне показалось, вы плохо ориентируетесь в городе. Не смогу я чем-то помочь? Хотя, честно говоря, и сам не старожил здесь...

Она даже головы не повернула, даже не взглянула на него, словно он был пустым местом. Его тщательно подготовленная фраза повисла в воздухе.

– Вы могли хотя бы ответить, я же к вам обратился... – Он чувствовал себя оскорбленным.

– Немедленно уходите, – коротко приказала девушка. – Сейчас сюда придут мои друзья. Они могут убить вас.

Роман натянуто рассмеялся, для простой шутки фраза звучала мрачновато.

– Они убивают всех ваших знакомых?

Впервые она взглянула на него, Романа словно окатила холодная волна тревоги.

– Вы не похожи на полицейского агента, поэтому, прошу вас, уходите!

Плотная толпа спешащих мимо витрины людей разъединила их, и в это время кто-то позвал девушку. Когда Роману удалось вновь протиснуться к витрине, ее уже там не было. Воспользовавшись толчеей, она проскользнула к углу магазина, и он издали еще раз увидел ее светлый плащ.

Теперь она была не одна. Двое мужчин в коротких дождевых накидках стояли рядом с девушкой и внимательно вглядывались в толпу, – похоже, они кого-то искали... Ему вдруг показалось, что предупреждение могло быть вовсе не шуткой. Прежде чем он решил приблизиться, все трое исчезли, растворились в толпе. И Роман подумал, что, возможно, упустил шанс познакомиться с людьми, которые так интересовали Райкова. Кто они были? Террористы? Контрабандисты? Члены какой-то тайной секты? Теперь об этом можно было только гадать. В одном он не сомневался: эта случайная встреча, это короткое приключение, больше всего похожее на просвет в дождевых облаках, навсегда затянувших небо Гридоса, вряд ли когда-нибудь повторится. Шанс был упущен безвозвратно, через час ему предстоял отъезд на остров Мортон.

Обшарпанный старый глайдер шипел и плевался прогретым паром. Его устаревший лет на двести двигатель на медленных нейтронах время от времени выбрасывал из реактивного сопла очередную порцию пара и надолго замолкал, набираясь сил для очередного плевка.

Судно двигалось рывками, словно его тянули лебедкой. На нижней палубе, защищенной прозрачной оболочкой от ядовитых брызг гридского моря, почти не было пассажиров, и Роман, пробыв здесь с полчаса, перешел наверх. Низко над морем летели клочья белесых облаков. Бесконечный гридский дождь несколько поутих под порывами свежего морского ветра. В портовом магазинчике Роман приобрел комплект местной непромокаемой одежды и теперь ничем не отличался от дюжины пассажиров, одетых в разноцветные дождевики, яркие краски которых словно бросали вызов унылому однообразию пропитанного дождем пейзажа.

Неожиданно из дождевой пелены надвинулась на корабль громада острова, сразу же закрывшая горизонт. Глайдер зашипел, сбрасывая скорость. «Мортон, – хрипло объявил судовой автомат, – пассажиров, следующих до этого пункта, просят пройти в трапную рубку».

Роман оказался единственным пассажиром, выходящим на острове. Глайдер никто не встречал. Не видно было ни одного человека. Не было даже дежурного автомата. Судно, фыркнув своим изношенным двигателем, растворилось в пелене дождя, и Роман остался совершенно один на пустом пирсе маленького островка.

Старый пластиковый причал поскрипывал под ногами, дождь ненадолго перестал, и перед Романом предстала унылая панорама острова. Изломанные стены обветшалых барачков,

ржавая стрела крана над пирсом. Ни одного дымка, ни единого признака жизни. Каменистая земля, обдуваемая морскими ветрами, несущими ядовитые брызги воды, казалась совершенно непригодной для сельскохозяйственных работ. Едва заметная тропинка поднималась от пирса до гребня ближайшего холма.

«Иногда здесь все-таки кто-то ходит. Может быть, ферма находится в глубине острова?» – подумал Роман. Совершенно непонятно, почему его не встретили. В бюро по найму обещали предупредить хозяина фермы. Настолько равнодушны к новым людям? Полное отсутствие любопытства? Это слишком не похоже на обычаи колонистов. Тревога постепенно овладевала юношей все больше.

Людей он заметил метров через двести, когда поднялся на гребень холма. Две неподвижные фигуры стояли внизу, под карнизом, надежно закрывавшим их от морского ветра. Лишь подойдя вплотную, Роман понял, почему они не приближались к морю. Оба были без респираторов.

– У нас кончились очистительные патроны, – подтвердил его догадку невысокий, рыжеватый, давно не бритый человек в поношенной куртке, – поэтому ждем вас здесь. Глайдер всегда кого-нибудь высаживает.

– Разве вас не предупредили обо мне?

– Здесь нет пункта связи.

– Как же ферма функционирует без связи с архипелагом?

– Фермы здесь тоже нет, – хмуро произнес второй.

Глава 3

Издали поселок производил мрачное впечатление. Пять или шесть заброшенных барачков, покосившиеся стены, треснувшие кое-где окна. Заржавленные туши старых механизмов. Лет десять назад здесь, очевидно, велись серьезные разработки местного сырья, о чем свидетельствовали шахтные терриконы, теперь поросшие вездесущей желтой травой.

Роман молча шел за своими проводниками. Причал давно остался позади, и моря уже не было видно.

Значит, вербовщик все-таки обманул его. Нет здесь никакой фермы. Скорее всего, вредное производство или, хуже того, контрабанда – какая-нибудь подпольная фабрика. Тогда дело совсем худо. Выбраться отсюда будет непросто. Без респиратора к воде не подойти, а плыть можно лишь на специально приспособленном, герметично закрытом судне. Здесь даже охрана не нужна.

Он остерегался задавать лишние вопросы, по опыту своих прежних скитаний зная, как невыгодно бывает предстать перед старожилками зеленым новичком, не умеющим сдерживать свои эмоции. Словно оценив его выдержку, один из спутников, высокий, в потрепанной куртке штурмана, наконец заговорил:

– Здесь был рудник по добыче мерлита. Местный минерал, достаточно ценный. Но когда появились крысоиды, добыча стала нерентабельной, и рудник закрыли. Остров решено было использовать для таких, как мы. У нас есть даже официальный статус, мы свободная старательская артель, на свой страх и риск ведущая добычу мерлита. Поскольку это единственное на весь сектор промышленное месторождение мерлита, его цена на внешнем рынке подскочила раз в десять.

Они шли уже по поселку. Большинство барачков пустовало. В разбитые окна залетал ветер и толстым слоем пыли укрывал полы, остатки брошенной, никому теперь не нужной мебели. Роман подумал, что в местах, из которых уходят люди, всегда остается много хлама, и, возможно, поэтому там часто заводится разная нечисть. Мы слишком спешим, решаем насущные задачи сегодняшнего дня, не думая о последствиях. У нас не хватает на это времени, нам все-

гда что-нибудь срочно нужно... Что-нибудь такое, что нам раньше не принадлежало. А потом появляются крысоиды...

– Я представлю вас капитану, – прервал его раздумья человек в куртке штурмана. – Собственно, раньше он был энергетиком, но здесь он капитан, и будет лучше, если вы произведете на него хорошее впечатление.

Роман опять промолчал. Они подошли к барaku в самом центре поселка. Здесь были вставлены стекла, а у порога валялась истертая до дыр тряпка, служившая половым ковриком. По примеру своих спутников, прежде чем войти, Роман вытер о нее ноги.

Энергетик оказался худым, костлявым мужчиной с нездоровым лихорадочным блеском в глазах. В комнате поддерживались относительная чистота и спартанская простота. Кроме выструганного до белизны широкого деревянного стола, здесь еще были кровать, заправленная простым грубым одеялом, и несколько полок с утварью.

– Еще один любитель легкого заработка? Или вас привлекла к нам романтика неосвоенных миров?

Роман ничего не ответил на откровенную насмешку, сквозившую в голосе энергетика, и продолжал стоять молча.

– Когда я здесь спрашиваю, полагается отвечать! – негромко, сквозь зубы проговорил энергетик, медленно поднимаясь с постели.

– А вы пока еще ничего не спросили.

Роман не изменил позы и ответил, чуть растягивая слова, как бы подчеркивая свое полное равнодушие к персоне энергетика и оказанной ему встрече, словно все это его не касалось. Такой прием всегда отлично действовал на психически неуравновешенных людей, но в этот раз оказался бесполезным.

– Умник.

Энергетик медленно обошел его и встал сзади. Роман по-прежнему стоял неподвижно и совершенно спокойно. Он был уверен, что в случае любой неожиданности эта позиция ему ничуть не помешает, скорее наоборот.

– Видали мы таких умников!

Удар, направленный вниз, в область почек, свалил бы с ног любого нормального человека. Это был подлый сокрушительный удар. Но Роман недаром столько лет отдал тренировкам КЖИ. Он чувствовал руку противника, даже не видя ее. К тому же его реакция была в несколько раз быстрее. Он позволил кулаку энергетика коснуться своей одежды, а затем неуловимым, практически незаметным движением отклонил корпус в сторону. Энергетик, вложивший в удар весь вес своего тела, не устоял на ногах, но Роман подхватил его, повернул и поставил перед собой лицом к лицу.

Никто, кроме них двоих, так и не понял, что, собственно, произошло.

Энергетик побледнел от бешенства, но сумел овладеть собой, и это не понравилось Роману больше всего. Этот человек мог быть по-настоящему опасен.

– Кжан, проводи его в свой барак и выдели койку. Завтра он пойдет с тобой в паре.

Когда они вышли из барака, Кжан – так звали человека в куртке штурмана – тихо, словно опасаясь, что их услышат, сказал:

– По-моему, вы не понравились капитану. С такими людьми у нас всегда что-нибудь случается. Можно заблудиться в штольне, наглотаться ядовитого тумана, да мало ли что...

– Вы считаете, Федерации до такой степени безразлично, что происходит на Гридосе?

– Федерация далеко. Слишком далеко. У нее хватает собственных дел. Исчезновение нескольких человек в отдаленной окраинной колонии вряд ли привлечет внимание высоких комитетов Федерации, так что рассчитывайте лучше на себя, мой неназванный новый друг. Ваша жизнь здесь будет теперь зависеть от того, как хорошо вы сумеете охотиться на гриппов, как чутко сможет ваш нос распознавать запах крысоидов, от того, сколько каратов в день вы

сможете разыскать в заброшенных выработках, и от многого другого, о чем вы до сих пор даже не подозревали. Но главным образом она будет зависеть от отношения к вам капитана.

– Спасибо за предупреждение. Я постараюсь его не забыть. Но скажите, неужели никто не пытается что-то изменить или хотя бы сбежать отсюда? Почему вы смирились?

– Каждый вновь прибывший приносит с собой ворох свежих идей и планов побега с острова. Мы будем рады выслушать ваши. Это вносит некоторое разнообразие в здешнюю довольно унылую действительность. А Кругер, взявший на себя роль учетчика новых идей, с удовольствием сравнит ваши проекты с предыдущими.

В тоне колониста чувствовались горечь и раздражение.

– Сколько вы уже тут?

– Второй год. Мортон – это ведь не просто старательская артель, как вы поняли. И дело не только в мерлите, хотя местные власти от него не отказываются. Здесь без следа исчезают неугодные властям Гридоса люди. Те, кто знает что-то такое, что им не положено знать, или просто внушает подозрение.

– Вот так просто исчезают, и все? – Роману показалось, что он ослышался.

Штурман невесело усмехнулся:

– А вам кажется, несколько сот лет новой социальной среды достаточно, чтобы полностью изменить человека? Залезть к нему в самое нутро и все там переделать? Нет, мой юный друг. Меняются условия, меняется и человек. На Гридосе условия изменились. Я не знаю, почему это произошло, но кому-то понадобилось, чтобы все у нас покатило к чертовой матери. Поверьте, они очень старались, чтобы все так и было.

Штурман неожиданно остановился и прислушался, жестом попросив Романа молчать. Со стороны терриконов, от заброшенных выработок, донесся пронзительный и в то же время жалобный вой. Он не был похож ни на что. Казалось, кто-то трет друг о друга два визжащих куска железа и одновременно плачет. Когда звук стих, штурман еще с минуту прислушивался, потом сплюнул и пошел к бараку.

– Что там было?

– Еще узнаете. Не торопитесь.

Отведенная Роману комнатка оказалась неожиданно чистой.

– Капитан велел поселиться вам вместе со мной, но, я думаю, сойдет и так. Никуда вы не денетесь. Я живу с обратной стороны, если что-нибудь понадобится – стукните в стену.

Кжан вышел, и впервые за весь этот долгий день Роман остался один. Он лег на топчан, положил руки за голову и задумался, почему оказался здесь, на Мортоне.

Документы не могли вызвать ни малейшего подозрения. Тогда что же? Почему они решили изолировать его? Кажется, ему не удастся выполнить задание Райкова. Можно сколько угодно вживаться в жизнь местной колонии и наблюдать за крысоидами, например. Вот только пользы от этой информации немного. Здесь долго оставаться нельзя, но и бежать, видимо, не просто. Дурацкое положение.

Утро выдалось опять серым, с неба клубами опускалась мелкая водяная пыль, больше похожая на туман. Кжан Крестов разбудил Романа в шесть утра. После незамысловатого завтрака в комнате Крестова они стали собираться на работу.

– А где остальные? – спросил Роман, не видя на улице никакого движения.

– Они в шахте с пяти утра. Здесь каждая пара сама решает, во сколько начинать работу и когда ее заканчивать. Поскольку мы теперь будем работать вместе, вместе все и решим. Пища, одежда, снаряжение – здесь за все полагается платить горнорудной компании. Все стоит очень дорого, все оценивается в каратах мерлита и рассчитано так, чтобы у нас не оставалось ни свободных средств, ни свободного времени. Не так уж сложно, как видите, создать обстоятельства, превращающие человека в средневекового раба.

Роману нравился этот спокойный неторопливый человек, сумевший сохранить чувство собственного достоинства даже здесь, на Мортоне.

Крестов извлек из кладовой респираторы, пластиковые защитные робы, легкие кирки из титанового сплава, и вслед за этим обычным для горняков снаряжением на свет появились два коротких, длиной с руку, копы с остро отточенными обоюдоострыми наконечниками, где-то посередине переходившими в металлическое древко. Несколько секунд Роман недоуменно рассматривал это странное оружие.

– Это мы тоже берем с собой?

– Придется. С этим чувствуешь себя уверенней.

– Я бы почувствовал себя уверенней с лазерным пистолетом.

– Не думаю. Крысоид обладает одним удивительным свойством. Он терпеть не может никакого электронного оборудования. Механизмы он тоже не жалуется, но главным образом его внимание привлекают работающие микросхемы, транзисторы и тому подобное. Похоже, его мозг способен улавливать микроизлучения этих приборов. Возможно, оно приводит его в ярость – не знаю, в чем тут дело. Но как бы то ни было, именно из-за этой особенности крысоидов механизированные разработки мерлита пришлось прекратить и богатейшее, в сущности, месторождение отдали в руки старателям. Теперь здесь в ходу средневековые методы. Мы не можем позволить себе использовать даже электрические отбойники. Так что работать придется вручную.

– Неужели гридiane ни разу всерьез не пытались справиться с этой нечистью?

– Конечно пытались. Теперь никто не знает точно, как все было, слишком много легенд и досужих выдумок связано с крысоидами. Бесспорно лишь одно: они приходят и уходят, когда хотят. Нет их здесь. Понимаете – нет. Прочешите хоть все штольни с огнеметами и лазерными пушками, вы не встретите ни одного. Они чрезвычайно осторожны, коварны, возможно, даже разумны по-своему. Скорее всего, это существа какого-то иного, недоброго мира. Как только опасность минует, как только вы потеряете бдительность – не сомневайтесь, они этим воспользуются. Они появятся вновь и нанесут удар в спину.

– Как они выглядят?

– Те, кто повстречался с крысоидом один на один, никогда уже этого не расскажут. Ладно. Перед спуском в штольни не стоит говорить о них. Нам уже пора.

Роман взял копы. На конце древка болталась пластиковая петля из сирилона, древко оканчивалось удобной рукояткой.

Копы оказалось легким, почти невесомым.

– Хорошая работа.

– Когда от инструмента зависит твоя жизнь, не стоит скупиться. Это титанит и перекристаллизованный кварцит. Вы можете самой тонкой частью острия раскалывать камни, расширять трещины. Прежде всего это рабочий инструмент и лишь потом оружие.

Штольни, вопреки худшим опасениям Романа, оказались чистыми и сухими. Когда-то плазменными резаками здесь резали коренные породы, и стены до сих пор не потеряли былого блеска оплавленной высокой температурой породы. Лишь со светом было неважно. Использовать электрические фонари Крестов не разрешил, пришлось обходиться старинными карбидными лампами на катализаторах. Они давали ровный белый свет, но недостаточно мощный, освещавший лишь часть забоя.

После того как Крестов нашел первый кристалл мерлита, наполненный изнутри неестественным фиолетовым светом, Роман постепенно увлекся поиском, работа начала ему даже нравиться, а когда сам нашел свой первый маленький кристаллик, он забыл об опасности, и Крестову пришлось напомнить ему о необходимости соблюдать тишину. Кжан сделал это довольно оригинальным способом. Взял Романа за руку и повел в соседний штрек. После третьего поворота остановился у забойной стенки и поднял лампу.

– Смотрите. Смотрите внимательней. Мы приводим сюда всех новичков.

Сначала он не увидел в камне ничего особенного, кроме глубоких борозд, проведенных каким-то мощным инструментом. Борозды заканчивались рядами углублений совершенно правильной формы, расположенных почти на равных расстояниях друг от друга. В каждое такое углубление без труда входила его рука вместе с лампой. Его поразили края прорезанных в камне отверстий. Они не были оплавлены или вырезаны, как он подумал сначала. Кто-то изъял часть камня, не нарушив его структуры, не замутив поверхности, не раздробив: такими бывают лишь специально обработанные на алмазных кругах петрографические срезы...

– Что это?

– Это зубы. Вернее, следы зубов. Крысоид здесь промахнулся один-единственный раз, когда напал на Джонсона. Мы нашли только лампу, копье и вот этот след. Больше ничего не осталось, не было даже крови. С тех пор мы выходим только парами, но, боюсь, это мало что изменит, если он вздумает напасть снова.

– Откуда все-таки они приходят? На Гридосе нет крупных зверей, островная фауна вообще не отличается крупными размерами. Если допустить, что вы правы, что это гость из другого мира, тогда должен существовать какой-то способ доставки сюда этих тварей, но кому это понадобилось, кому и зачем?

– Способ или проход...

До Романа не сразу дошел смысл его слов.

Работу они закончили поздно. Наверху уже стемнело. Нехитрый ужин, сон, каким обычно засыпает смертельно усталый человек, ранний подъем. Где-то на пятый день Роман втянулся в этот изнурительный ритм, решив, прежде чем что-то предпринимать, хоть немного рассчитаться с Крестовым, который из своего небольшого запаса мерлита оплатил снаряжение и питание Романа за неделю.

На Мортоне все было рассчитано предельно точно, с учетом человеческой психологии. Отними у «артельных каторжан», как они сами себя окрестили, последнюю надежду – и жизнь на острове была бы невыносимой. Но в том-то и дело, что надежда была. Почти недостижимая, невероятная, и все же... Набравший восемьсот карат мерлита получал право купить билет на рейсовый глайдер, раз в год навешавший остров.

Набрать такое количество мерлита было практически невозможно – слишком дорого стоили еда и снаряжение, но иногда, чрезвычайно редко, попадались богатые гнезда.

Рассказывали, что удачливый Браков лет десять назад нашел уникальное гнездо и покинул остров. Надеяться на такую редкую удачу было нелепо. Роман вообще не поверил в легенду о Бракове, его больше интересовали крысоиды...

Несмотря на строгие инструкции капитана, требовавшего, чтобы пары поисковиков держались на расстоянии прямой видимости, никто этого правила не соблюдал. Это было столь же невозможно, как искать подосиновик под одним и тем же кустом. Каждый надеялся на свою уникальную удачу, и постепенно расстояния между поисковиками увеличивались все больше. Роман оказывался предоставленным самому себе, и это его вполне устраивало. Вместо того чтобы целыми днями обшаривать трещины в породе, он искал на полу заброшенных штолен следы существ, приходивших неведомо откуда и исчезавших неведомо куда...

Вернее, даже не самые их следы. Место, откуда они появлялись и куда уходили в случае опасности...

В крысоидов он поверил безоговорочно, сразу, они казались ему реальнее легендарного Бракова.

Шаги он услышал на пятнадцатый день целенаправленных поисков. Роман не нуждался в карте заброшенных штолен, он составил ее в своей памяти. Достаточно было один лишь раз пройти по слабо освещенному горизонту – большего не требовалось. Иногда, если возникала

необходимость, он мог, сосредоточившись, «просветить» не слишком толстую стену и узнать, есть ли за ней проход.

Вначале он уловил лишь легкое сотрясение почвы. И удивился, потому что все горизонты рудника прожигали в монолитной скале. Здесь не было ни обвалов, ни землетрясений. Чтобы задрожал такой скальный монолит, требовалось нечто чрезвычайно тяжелое... И это «нечто» проходило сейчас под ним в четвертом штреке.

Сжимая копье в одной руке и фонарь в другой, он бросился к шахтному стволу, но у подъемника лицом к лицу столкнулся с Крестовым.

– То-то я смотрю, у тебя камней с каждым разом все меньше. Надоело жить? Спешись испытать судьбу?

– Я должен его видеть.

– Зачем?

– Пока не знаю. Мне нужен проход, из которого они появляются. Да и сами крысоиды, они же не хищники, здесь нет никакой дичи, зачем они приходят в эти штольни?

– Что-то ты много вопросов задаешь, парень! И не занимаешься делом, мне надоело оплачивать твои харчи!

– Пропусти меня, Кжан, я рассчитаюсь с тобой и, кроме того, обещаю, если мне удастся найти выход, я не уйду без тебя.

Секунду они молча смотрели в глаза друг другу, потом Кжан посторонился и, пропуская Романа, пробормотал:

– Впервые встречаю человека, который добровольно решил погибнуть от этой твари.

Подъемник представлял собой простую веревку с узлами, перекинутую через блок. Любые механизмы сложнее этого находились здесь под запретом. Когда Роман уже скользил вниз по стволу, Кжан нагнулся и проговорил ему вслед:

– В шестом штреке, идущем параллельно четвертому, есть узкий пролом. Попробуй зайти там. Может быть, тебе повезет. Но если он тебя учует, его не остановит никакая скала.

Роман опаздывал – шаги неведомого существа становились все слабее, содрогания почвы ощущались едва заметно. И все же он успел срезать путь и выйти наперехват зверю, если это был зверь...

В круговерти подземного лабиринта он, должно быть, все же потерял нужное направление и совершенно неожиданно для себя увидел в десяти метрах выхваченную из мрака слабым светом фонаря морду зверя, идущего ему навстречу. В каждом его шаге чувствовались сдержанная стремительность и переливчатость мышц. Роман даже не успел испугаться, а зверь был уже совсем рядом, словно огромная черная капля ртути перетекла из глубины прохода, проскочила в мгновение ока еще разделявшие их метры.

Человек и существо иного мира медленно шли навстречу друг другу. Человек бросил копье на дно штрека и шел безоружным, только крепко сжимая фонарь, словно и в эти, возможно, последние свои минуты желая лишь одного – видеть. Видеть бугорчатую переливчатую громаду зверя, заполнявшую своей массой всю трехметровую трубу забоя до самого потолка. Видеть лапы, заканчивающиеся не когтями, как он ожидал, а мягкими широкими кожаными подушками. Вот отчего так долго не встречались ему следы диковинного зверя, похожего скорее на огромного разгневанного гиппопотама, чем на крысу.

Видеть два огромных, с проблеском, немигающих глаза, губы, с присвистом всасывающие воздух сквозь лезвия желтоватых полуметровых клыков.

Роман не искал опасности специально и не хотел погибать в этой тупой и, должно быть, огромной пасти, которая пока только угадывалась за почти добродушной складкой губ.

Бежать было поздно, а паника и слепой смертный ужас не могли так быстро справиться с тренированным сознанием Романа.

Человек не побежал, спокойно, с достоинством шагнул навстречу зверю. И зверь остановился, пораженный неслыханной дерзостью жалкой букашки. Тогда человек сделал еще один шаг вперед и стоял теперь внизу, под самой мордой зверя, и тому пришлось повернуть голову. Словно черный паровоз развернулся над ним, опустив вниз голубой фонарь глаза, чтобы лучше видеть нахальную козявку.

Так они и стояли минуту-две, может, больше – кто их считает, такие минуты? А потом в глубинах этого необъятного зверя зародился не то стон, не то клеток. Словно он хотел рассказать о том, как нелегко быть пугалом для всего живого сразу в двух параллельных мирах.

Тоской и безмерным одиночеством пахнуло на Романа от этого звука, и тогда, совершенно неожиданно для себя, он протянул руку и погладил морду зверя, как привык это делать у себя дома, повстречав на зеленом лугу заблудившуюся лошадь. Бездна страха, непонимания, злобы между ними вдруг стала меньше от этого простого жеста. Зверь медленно попятился, словно боясь неосторожным движением причинить вред стоящему перед ним человеку. И через какое-то мгновение Роман остался один.

Глава 4

С утра снова лил дождь и ядовитый туман напал с моря. Жесточайший приступ астмы не позволил Крестову подняться с кровати. Но Роман был только рад тому, что капитан мстительно отказался взять его в свою поисковую группу третьим. Наконец-то, впервые после его появления на острове, выдался по-настоящему свободный день.

В аптечке не нашлось ничего дельного, и ему пришлось лечить Кжана дедовскими методами – дыхательной гимнастикой, ингаляцией горячим паром, теплом и покоем. Укутав ему ноги теплым одеялом и убедившись, что тот впервые после бессонной ночи заснул, Роман получил возможность без помех осмотреть остров, на который его занесла судьба.

Из стоящего на возвышении барака территория рудника казалась непропорционально маленькой. Сразу за окраиной поселка, совсем рядом, виднелось море. Поселок словно вымер – здесь не было обслуживающего персонала, все старатели с раннего утра спускались в шахты. Но кто-то должен обменивать мерлит на продукты, получать необходимое снаряжение, медикаменты, и этот «кто-то» наверняка капитан. Тогда у него должен быть канал экстренной связи с материком на случай крайней необходимости. Вполне возможно, что этот человек играет здесь двойную роль. Трудно представить подобную колонию без надсмотрщика, пусть даже тайного, замаскированного под обычного старателя...

Роман решительно направился к барачу капитана. До возвращения старателей у него было верных полчаса времени, но, проходя мимо шахтного террикона, он на всякий случай сосчитал оставленные наверху, возле подъемника, вещи, чтобы лишний раз убедиться в том, что в поселке, кроме него и Крестова, никого не осталось.

Рация... если бы удалось обнаружить рацию! Ради этого стоило рисковать.

Открыть замок импровизированной отмычкой не удалось. Пришлось его попросту взломать, и Роман понял, что обратного пути уже нет. Капитан легко догадается обо всем: следы взлома не удастся замаскировать. Но такого случая может больше не представиться.

Комната, в которой он однажды побывал, не выделялась ничем примечательным. Разве что разбросанные в прошлый раз на скамье вещи были теперь аккуратно сложены на краю тахты. В комнате стоял крепкий запах духов, и это поразило Романа больше всего. Он не замечал за капитаном особой страсти к парфюмерии.

Внимательный осмотр полупустой комнаты ничего ему не дал. У него оставалось еще минут двадцать, и искать, скорее всего, надо было в нежилой части барака.

Здесь оказалось еще шесть комнат, заваленных старой рухлядью. Четыре он отбросил сразу же. Пыль в них никто не убирал, следов не было. С двумя другими дело обстояло иначе.

В одной была кладовка, запертая на этот раз внутренним замком. Ему нечего уже было терять, он взломал и его. В кладовке обнаружился изрядный запас провианта, причем такого, какого они здесь и не видели. «Универсальные консервированные завтраки, обеды и ужины из натуральной пищи с витаминами», – прочел он на одной из упаковок броскую надпись. Неплохо живет капитан...

На всякий случай следовало подготовить отступление. Какое-то время, если даже удастся найти передатчик, ему придется отсиживаться в штольне. Нужно позаботиться о пище и снаряжении. Он выбрал на полке рюкзак, бросил на дно флягу с очищенной кристаллизованной водой. В этой объемистой проходческой фляге помещалось не меньше шести литров жидкости.

Четырех упаковок с консервированной пищей должно было хватить по крайней мере на неделю. Патроны к респиратору – вот где их, оказывается, прячут... Вся упаковка проследовала в рюкзак, сверху бросил моток прочной веревки, нож, компас и несколько мелочей.

Теперь у него оставалось не больше пятнадцати минут. Нужно было искать какой-то тайник, вряд ли то, что ему нужно, оставят лежать на виду.

Скрип двери он услышал за секунду до выстрела и только поэтому успел броситься на пол. Лазерный луч опалил волосы у него на голове, рядом дымилась черная дыра в полу. Капитан совершенно хладнокровно, с расстояния в два метра, собирался всадить следующий заряд в голову Романа, не тратя времени на лишние разговоры.

Лазерный пистолет стрелял короткими вспышками, и после каждого выстрела требовалось примерно полсекунды для того, чтобы вновь зарядить накопители.

Капитан для полной уверенности подошел слишком близко, и это давало Роману шанс... Он ударил своего противника в солнечное сплетение, ударил на расстоянии, не прикасаясь, вложив в этот удар все, что приобрел за время изнурительных тренировок по накоплению КЖИ-энергии.

Никогда раньше он не использовал свои способности против живого существа, даже там, в штольне, когда стоял перед крысоидом, ему не пришло в голову такое, но сейчас его собирались хладнокровно и расчетливо убить. Капитан выронил пистолет, схватился за живот и, согнувшись, рухнул на пол. Кажется, удар оказался слишком сильным... Роман не собирался его убивать, он взял безжизненную руку капитана, нащупал пульс: хоть и редкий, он все же был. Роман поднял с пола пистолет, мельком взглянул на индикатор. Батарея почти полностью заряжена. С таким оружием здесь ему никто не страшен.

Но если среди подручных капитана окажется еще хотя бы один тайный надсмотрщик, ему придется защищаться и, возможно, убивать людей... этого следовало избежать любой ценой.

Откуда все же появился капитан? Даже бегом одолеть расстояние от шахты до барака за десять минут он не мог. Роман постоянно внимательно следил за временем. Да и вошел он не со стороны входной двери, а из прохода, ведущего вглубь барака. Роман взял рюкзак и не торопясь, методично стал осматривать коридор, по которому пришел капитан. Искать долго не пришлось. В глухом угловом помещении оказалась еще одна кладовка, дверь ее была распахнута, а в полу зиял неприкрытый люк.

Капитан и не предполагал, что этим путем воспользуется кто-нибудь другой.

Роман зажег катализаторный фонарь и спустился в подвал. Отсюда, углубляясь и заворачивая к шахтам, шел подземный ход.

Собственно, это был не ход, а заброшенная поисковая штольня, очевидно соединенная где-то в бесконечном лабиринте подземных горизонтов с остальными выработками рудника. Ему следовало предусмотреть такую возможность. За свою недогадливость он едва не заплатил жизнью. Дальше он не пошел.

Теперь, пока не вернулись остальные старатели, надо было поговорить с Крестовым.

Он знал, как сильно рискует, и все же не мог поступить иначе, не мог бросить здесь того, кто помог ему в первые, самые трудные дни.

Роман затащил тяжелую бесчувственную тушу капитана в кладовку с продовольствием и накинул на дужку сломанный замок. Теперь открыть дверь изнутри не так-то просто.

В поселке было по-прежнему тихо.

Крестов чувствовал себя значительно лучше, однако, выслушав рассказ о том, что произошло, в шахты лезть наотрез отказался.

– Это твои проблемы, малыш. Ты их сам создавал, сам и решаешь. Если тебе действительно удастся найти выход отсюда – с Богом! Доберешься до людей, вспомни обо мне и о других, кто здесь медленно подыхает, желаю тебе удачи, я уже слишком стар для таких дорог.

– Кжан, капитан был вооружен вот этим, – он показал ему лазерный пистолет, – у него должна быть связь с материком. Мне не удалось найти рацию, но я уверен: связь у него есть. А раз так, что-то здесь не сойдется со старательской артелью.

– Возможно, ты и прав. Я давно догадывался о чем-то таком, но слишком много сил уходило на то, чтобы выжить, на большее меня не хватало.

Кжан говорил с хрипотцой и видимым усилением. Воздух все еще со свистом выходил из легких.

– Я нашел у капитана аптечку, оставь ее себе. – Роман протянул ему комплект универсальной аптечки, но Кжан отрицательно покачал головой.

– Если ее найдут, мне несдобровать. Я лучше тебя знаю, что собой представляет капитан. Удачи тебе, малыш!

Каждый раз, когда Роману казалось, что он встретил на своем пути человека, которого мог бы назвать своим другом, обстоятельства складывались так, что он вновь оставался один.

С моря по-прежнему дул холодный ветер, несущий туман. Роман шел через этот туман к дому капитана, в двух шагах от себя не видя уже ничего.

Тяжелые удары и яростные крики доносились из дома. Капитан пришел в себя и выражал недовольство отведенным ему помещением, но это означало также и то, что путь свободен.

Роман вновь спустился в подвал, тщательно закрыв за собой двери и крышку люка. Если капитан пользовался этим ходом в одиночку, вряд ли он захочет раскрыть его существование своим подручным.

Тяжелый рюкзак мешал Роману спускаться по узким лестницам, но, как только он достиг пола штрека, положение изменилось. Все туннели в горизонтах рудника проходились стандартными автоматическими щитами с плазменными горелками, оставлявшими за собой широкий, трехметровой высоты арочный свод. Роман вспомнил крысоида, заполнившего проход до самого верха. Ему нужно было решить, как поступить с лазерным пистолетом. Скорее всего, рассказы о их злобности сильно преувеличены. Возможно, это сделали специально, чтобы путь, по которому он шел, стал недоступным для непосвященных.

Опасаться ему следовало людей, а не крысоидов. Если кто-нибудь, кроме капитана, пользуется этим проходом, он может столкнуться с ним лицом к лицу. Роман потушил фонарь и долго вслушивался в темный мрак туннеля. Ни звука, ни отблеска. Пока что путь был свободен.

Он осторожно двинулся дальше, стараясь как можно реже зажигать фонарь. Поворот, еще поворот... А вот и первый перекресток: теперь нужно решать, куда сворачивать. Он выбрал туннель, идущий с наклоном в глубину.

Вскоре он обнаружил обертку от универсального завтрака, и, хотя ясных следов на твердом каменном полу не было, по отдельным царапинам можно было сделать вывод, что этим проходом пользовались не так уж редко. Если отсюда и существовал какой-то выход, то это, скорее всего, тот, по которому капитану доставляли продовольствие и снаряжение.

Осторожно пробираясь в темноте, он едва не свалился в шахтный колодец, которым закончился штрек.

Отполированные кое-где до блеска ступени вели вниз. Спускаясь, он насчитал не меньше пяти горизонтов, прежде чем вновь оказался в туннеле, ведущем к побережью, со следами не раз проходивших здесь людей.

По его расчетам, этот туннель шел примерно на уровне моря, если не ниже. Вообще-то, более глубокие горизонты должны были за долгие годы без надзора заполниться грунтовыми водами. Вскоре он убедился, что его предположение верно. Туннель закончился озером черной неподвижной воды, от которого веяло холодом и вековым покоем. Дальше дороги не было. Едва заметная тропинка уходила под воду. В свете фонаря он ясно видел свежие царапины перед обрывом с большой глубиной. Но у него не было водолазного снаряжения, только патроны от обыкновенного респиратора. Впрочем, не совсем обыкновенного. Маска с полной регенерацией воздуха – вот что собой представлял этот стандартный респиратор, и, если не погружаться слишком глубоко, можно попробовать заменить им легкое водолазное снаряжение...

Вот только вода: он не знал, насколько опасен ее прямой контакт с кожей. Впрочем, здесь еще до моря далеко. Грунтовые воды ядом не насыщены, можно попробовать, хоть это и рискованно. А что не рискованно в его положении? Его притягивал и одновременно останавливал темный провал в неподвижной воде.

Он не знал, хватит ли у него мужества и умения нырнуть под скалу, закрывающую дальний конец озера. Есть ли под ней проход? Куда ведет этот путь? Придется проверить. Нет у него иного выбора. То, что проход под скалой должен быть, он почти не сомневался. Туннели, пройденные автоматами с плазменными горелками, заканчивались характерной нашлапкой оплавленной породы. Здесь не было ничего похожего. Штрек постепенно и плавно уходил под воду. Конечно, он мог понизиться на недоступную глубину и вновь выйти за скалой на поверхность. Вот это и нужно было теперь проверить.

Вода оказалась гораздо холоднее, чем он ожидал. Она обожгла кожу, перехватила дыхание, и через несколько секунд он понял, что у него будет меньше времени, чем он надеялся.

Резкими взмахами, стараясь хоть немного разогнать кровь, Роман перемахнул озеро и, крепко стиснув зубами мундштук респиратора, нырнул. Фонарь остался на берегу. Здесь, под водой, царил полный мрак и ориентироваться он мог только ощупью. Метр, два он шел в глубину, а скале все не было конца... Давление воды уже сдавливало грудь, мешая сделать вдох, в ушах звенело, а он погружался все глубже – ну, еще метр, еще... Всё. Предел. Теперь придется возвращаться. И тогда его рука нащупала впереди пустоту. Слабое течение уже подхватило его и понесло вглубь подводного туннеля.

Странные вещи происходили в мировом континууме. Чем энергичнее предпринимали деймы попытки изменить будущее, тем сильнее становилось сопротивление. Возникали десятки развилки, обходных путей, и вопреки их усилиям, так или иначе, все возвращалось на круги своя, словно природа обладала собственной волей.

Гагаят устал от бесчисленных головоломок, от бесконечных неприятностей. Хуже того, его одолели сомнения. Самое страшное заключалось в том, что прямая война с более тяжелым и более плотным миром зялмян, наделенным к тому же и гораздо большей энергией, заранее обречена на поражение... Деймам оставались лишь обходные пути. Они были, и в то же время их не было – не было в мире зялмян в прямом, материальном смысле слова. Там действовали лишь немногие обращенные посредники, подкупленные подонки да специально сконструированные биороботы, слепленные из материала мира Зялмы. Этих средств все время не хватало. Шла тайная война на ловкость, на приспособляемость, на выживание. Деймы были готовы на все, чтобы преградить путь зялмянам (так называли себя сами жители Зялмы) к планете Ангра, являвшейся центром и ключом звездных дорог, захваченных деймами много веков назад.

Мысль о том, что зялмяне могут выйти на древние звездные дороги, приводила в ужас всех обитателей Яйи.

Гагаяг вытянул из пачки пергаментных листков, исписанных гусиным пером, ритуальное утреннее предсказание и с тяжелым вздохом прочел: «Если колония зялмян на Ангре наладит постоянную связь с остальными мирами этих существ, то деймы, возможно, потеряют Ангру». «Может быть», «скорее всего», «вероятно», «возможно» – любимые слова предсказателей...

Его положение при дворе за последнее время основательно покачнулось, и виной всему этот проклятый зялмянин... Надо провести какую-нибудь шумную акцию, о которой станет известно Правителю. Часто видимость деятельности дает возможность исполнителю оставить все на своих местах и без лишних усилий стать реформатором или, на худой конец, отвести от себя модное нынче обвинение в ретроградстве и косности.

Тяжело вздохнув, Гагаяг взял со стола стеклянный волшебный шар, потер его когтистой пятерней и, когда сквозь затуманившуюся поверхность проступило лицо Велояга, спросил:

– Когда ушла последняя партия эликсира на Гридос?

– Месяц назад, величественный. По договору им отпущен месяц на устройство собственных дел, закупку семян и снаряжения. Они все еще на Гридосе.

– Выдайте этих контрабандистов полиции Гридоса. Но только так, чтобы никто не мог докопаться до нашего участия в акции. И как можно больше сообщений в прессе. А чтобы местной полиции не стало ясно, какими путями ведется доставка эликсира, ликвидируйте доставщиков. Всех до единого.

– Но, величественный, как только об этом станет известно на Ангре, наш договор с зялмянами окажется нарушенным! Они и так относятся к нему с недоверием. Это чрезвычайно затруднит нашу работу на Ангре.

– Такова воля Правителя!

– А как быть с порученным нам зялмянином? Он снова выходит из-под контроля и уже покинул предписанное ему место пребывания.

– Этим я займусь сам!

Мерно шумели водометные двигатели, и за овальными иллюминаторами подводного судна проплывал голубоватый сумрак. Вот уже третий час, осторожно обходя подводные рифы, маленькое суденышко пробиралось к своей тайной цели. Им оставалось плыть не больше получаса, когда Астор, нахмурившись, стал внимательно разглядывать маленькое светлое пятнышко, появившееся в углу экрана гидролокатора.

Элия сидела в углу рубки, отрешенно уставившись в зеленоватую толщу воды. Ей все еще вспоминалась столица, суматоха торгового центра, забавный юноша, который не побоялся, рискуя жизнью, подойти к ней, пока она ждала Астора. Скорее всего, он не был полицейским агентом, и она правильно сделала, ничего не сказав брату об этой встрече.

– Всем надеть гидрокостюмы! Наверху патрульное судно, ложимся на грунт!

Едва Элия успела повернуть кран компенсационного мешка на своем костюме – внезапный удар швырнул ее на пол лодки. Свет погас, девушка потеряла сознание и не видела, как от электрического разряда страшной силы наружная оболочка лодки превратилась в пар вместе с окружающим слоем воды.

Дно лодки с остатками оборудования и трупами экипажа, словно вырезанное гигантскими ножницами из стального корпуса, накренилось, встало набок и скользнуло вниз, в глубину. По счастливой случайности край подводного ущелья прикрыл ее от магнитных искателей. Остальные бомбы прошли мимо, в глубину каньона, не причинив вреда чудом оставшейся в живых девушке.

Элия очнулась на дне каньона примерно через час после атаки. Патрульное судно, прощупав биодатчиками все дно и не обнаружив в районе гибели лодки ничего живого, уже ушло.

Роман почти задохнулся, не было сил протолкнуть в сдавленные глубиной легкие хоть глоток воздуха, но зато был другой способ: остановить дыхание и не потерять сознания от удушья. Он знал, как это сделать. Резче стали удары крови в ушах, по ее привкусу во рту он уже понял – проход пошел вверх. Давление постепенно разжимало свои коварные мягкие лапы. На какое-то время сознание все же отключилось, потому что он вдруг почувствовал, что лежит на спине, всплыв на поверхность круглого водоема, и высоко над ним горит ослепительно-яркий электрический свет. Он рванулся к берегу, уходя в темноту, спасаясь от резких, предательских лучей.

На его счастье, в подземном ангаре никого не было. Уже потом он понял, что здесь вообще редко бывают люди. Несколько закрытых боксов у подводных пирсов с противоположной от озера стороны заполняла сплошная автоматика. Боксы стояли вдоль стен с причальными кольцами, и от воды с этой стороны шел характерный резковатый запах океана. Только тогда он сообразил, что все-таки нашел то, что искал: дорогу, ведущую с острова Мортон на материк. Прекрасно замаскированный пирс для подводных кораблей...

Теперь оставалось лишь ждать и надеяться на то, что удача и впредь будет сопутствовать в его отчаянном предприятии. Обратного пути все равно не было. Второй раз без специального снаряжения ему не пройти подводный туннель.

Глава 5

Со скрипом и шуршанием металлическая штора, перекрывавшая выходной тамбур рейсового звездолета Земля – Гридос, пошла вверх. Пассажиры, утомленные долгим трехмесячным полетом, дружно повалили наружу. Инспектор УВИВБа Леонид Федорович Кленов дождал, пока схлынет толпа, и лишь после этого шагнул на поверхность причальной платформы. Его встречал человек в потрепанной куртке, с унылым выражением полуопущенных губ.

– Вы Бехторов?

Человек кивнул и молча протянул руку. Встреча получалась явно немногословной. Платформа быстро опустела, кар с пассажирами ушел, и они остались вдвоем. За металлическим кружевом радаров виднелось стандартное здание космопорта, ничем не отличающееся от десятка подобных зданий, хорошо знакомых Кленову.

– Что привело вас на Гридос? Или это служебная тайна?

– Отчего же... Мне необходимо встретиться с вашим вольнонаемным поселенцем. Фамилию его я сообщу несколько позже вашему начальству, а что касается остального, вы и сами знаете, как нелегко складываются порой отношения федерального правительства с местной администрацией.

Бехторов понимающе хмыкнул. Ожидание явно затягивалось, и Кленов начинал нетерпеливо поглядывать по сторонам.

– Личный транспорт у нас отменен, сложности с энергией. Придется пользоваться общественным. Я провожу вас до гостиницы.

Странная встреча. Местная администрация словно специально подчеркивала свое полнейшее равнодушие к его визиту. Такой оборот дел вполне устраивал Кленова хотя бы потому, что развязывал руки, избавляя от многочисленных формальностей, предписанных законом дипломатической вежливости. Впрочем, Кленов ни на минуту не сомневался в показном характере равнодушия местных властей и знал, что каждый его шаг здесь не останется без внимания.

Тем не менее, закончив необходимые формальности по оформлению визы и сдав личную карточку администратору гостиницы, он вышел на улицу, так и не заметив явного за собой

наблюдения. Отсутствие личного кара создавало некоторые неудобства, и он решил завтра же организовать какой-то транспорт.

Стилизованная под старину архитектура центрального здания на площади сразу же привлекала к себе внимание и, несомненно, являлась местной достопримечательностью. У портала стояла небольшая очередь, и Кленов пристроился в ее конец, толком не зная для чего – просто чтобы убить время...

Он стоял и думал о том, как странно очутиться здесь после нескольких месяцев полета, на этой совершенно чужой, незнакомой планете, и вот так запросто стоять в очереди. Слишком уж мы привыкли, слишком вольготно и уютно расположились в чужих мирах... А между тем его отъезд сюда задержался вроде бы сам собой, из-за независимых и грозных обстоятельств. Один раз – это могло быть простым совпадением. Но он по роду своей службы знал, как много таких странных совпадений накопилось за последние годы, и не доверял больше простым объяснениям.

Очередь между тем продвигалась, и вскоре Кленов оказался в кафе.

Подошел высокомерный робот с блокнотом и небрежно засунутой за пояс грязной тряпкой, изображавшей, очевидно, полотенце. Посетители стали перечислять названия незнакомых Кленову блюд. Воспользовавшись образовавшейся паузой, он попросил повторить для него заказ соседа справа. Робот, даже не взглянув в его сторону, поскрипывая, удалился.

Чем дальше от центра Федерации располагались поселения, тем чаще в этих приграничных колониях встречались приметы прошлого. Словно люди, раздвигая границы освоенного ими звездного пространства, вынуждены были платить за это странную дань своему прошлому.

Экономисты нашли этому явлению объяснение, связанное с законом Ронсона. Уменьшение количественных и качественных связей с материнской цивилизацией неизбежно приводило колонию к временному регрессу. Возможно, именно в этом кроется причина странного впечатления, произведенного на него первыми встречами с гриднями, взять хоть этого Бехторова...

Обстановка в кафе не менялась. Посетители сидели за своими столиками, уткнувшись в тарелки, и сосредоточенно жевали... Или ждали чего-то? «Почему они даже между собой не разговаривают? – удивлялся Кленов. – Ну хорошо, я здесь чужой, но ведь наверняка среди вошедших хоть двое-трое должны были быть между собой знакомы?» Тем не менее ни звука не было слышно – только скрип половиц под ногами робота-официанта.

Когда он почувствовал тревогу? Может быть, в этот момент? Во всяком случае, прежде чем робот подошел к его столику, незаметным движением он включил на своем наручном браслете универсальный анализатор. Передатчик-приемник, анализатор среды – там много чего было, в этом маленьком охраннике. Включил он его просто так, на всякий случай, сам не зная толком, чего, собственно, опасается. Но когда до робота оставалось метра два, он почувствовал укол в руку и слышимый ему одному писк сигнала тревоги. Мельком взглянув на циферблат, он понял, что в напитке, стоящем на подносе у робота, содержится неизвестная органика. Сок какого-нибудь местного растения? Плод, контрабандой привезенный из другой колонии, наркотик? Перед ним уже стоял запотевший бокал желтоватой непрозрачной жидкости. Кленов перевел луч анализатора на соседний столик. Результат не изменился. Теперь, по крайней мере, он знал, что «подарок» не предназначен ему лично.

И самым странным в результате высвеченного инфором анализа было словосочетание «неизвестная органика» – странным потому, что его аппарат имел возможность связываться со всепланетным хранилищем информации, и если соединение, попавшее в бокалы этого кафе, неизвестно там... Что же получается? Пить эту штуку нельзя, надо что-то быстро предпринять, чтобы, не привлекая к себе внимания, забрать с собой образец этого напитка. Много ему не нужно, достаточно нескольких капель...

Вытащив из салфетницы лоскуток синтетической ткани, он протер им наружную кромку бокала, протер так, чтобы край ткани на несколько секунд погрузился в жидкость – этого было достаточно.

Выйдя из кафе, он вынул салфетку, незаметно перекичавшую в его карман, и аккуратно упаковал ее в герметичный пластиковый мешок.

Кленов здорово устал от перелета. Смена обстановки, климата, гравитации – все это подействовало на него нелучшим образом. И перед завтрашней встречей с председателем Совета Гридоса следовало хорошо отдохнуть. Отдых был сейчас важнее, чем сбор дополнительной информации. За один вечер он вряд ли узнает еще что-то важное, а вот от того, как пройдет завтрашняя беседа, будет зависеть многое.

С первой же минуты председатель Совета Гридоса Адамов Лин произвел на Кленова неприятное впечатление. Прежде всего он был стар, слишком стар для своей должности. Ему было, наверное, далеко за сто. Несмотря на возраст, он тщательно следил за своей внешностью. Холеные ногти, тщательно расчесанные и напомаженные волосы – все вместе производило впечатление, что на уход за собственной персоной он тратит все немногие, еще оставшиеся у него силы.

В глубоко запавших глазах Адамова, прикрытых пушистыми детскими ресницами, светились некая самоуглубленность, обособленность, непричастность к событиям и волнениям окружающего мира.

Едва Кленов вошел, как Адамов с завидной для его возраста резвостью вскочил со своего кресла, маленькими шажками обежал стол, долго с показным радушием тряс руку высокого посетителя. Затем не спеша вернулся на свое место и, казалось потеряв к нему весь едва возникший интерес, вновь погрузился в глубины самосозерцания.

– Мои первые впечатления весьма тревожны. Федерация обеспокоена положением дел на Гридосе, а некоторые из ряда вон выходящие случаи достойны специального расследования, – попытался с ходу начать серьезную беседу Кленов. Адамов молча покивал, соглашаясь. – Я не успел еще подробно ознакомиться с вашими последними экономическими отчетами, но и предыдущие позволяют сделать вывод о том, что в экономике Гридоса, мягко говоря, наблюдается заметный спад.

– Полный развал, – сказал Адамов и опять согласно покивал.

– В чем, на ваш взгляд, причина столь удручающего положения?

С минуту Адамов молчал, разглядывая кончики сплетенных пальцев, потом поднял на Кленова затуманенные глаза.

– Причин много. Сложности с доставкой, местные условия, смежники не выполняют обязательств, да мало ли еще что.

– И вы пытались изменить положение?

– О, многократно. Мы объединяли предприятия в крупные региональные комплексы и, когда это не помогало, вновь их разъединяли. Мы, следуя указаниям федерального правительства, закрыли около сотни нерентабельных предприятий и на их базе создали новые.

– Тоже нерентабельные?

– Ну, здесь, с учетом местных условий, рано или поздно все предприятия становятся нерентабельными.

– Для чего же вы их открываете вновь?

– Надо куда-то девать рабочую силу. Социологи не позволяют нам выбрасывать людей на улицу. Вне коллектива они чувствуют себя полностью изолированными от общества и глубоко несчастными. Видимость коллективной деятельности, пусть даже ни на что не направленной, оказывает глубокое оздоровительное воздействие на человеческую психику.

– А освоение новых территорий на планете?

– Для этого у нас недостаточно сил. Колония еще не окрепла. Мы даже наполовину не используем уже освоенные территории. Население время от времени сокращается, потом опять пополняется. Этот процесс из-за текучести кадров в нашей системе практически непредсказуем.

Кленову казалось, что он медленно погружается в зыбкое болото слов, странно закольцованных фраз и таких же бессмысленных действий.

– Мы предоставим вам все материалы и создадим условия для их изучения. Я дам распоряжение своим референтам, вы получите материалы по любой интересующей вас отрасли.

«И утону в потоке ни о чем не говорящих цифр», – со злостью подумал Кленов. Вслух же сказал:

– Отчеты я успел изучить в столице. Меня интересуют некоторые конкретные факты, в них не отраженные.

– В наших отчетах мы отражаем все, абсолютно все. Конечно, при их объемах одному человеку трудно за всем уследить.

– Группа специалистов изучала их содержание в главном вычислительном центре. Их выводы, прямо скажем, неутешительны.

– Чем же вызван столь пристальный интерес к нам со стороны федерального правительства? – Сами выводы, казалось, Адамова не интересовали вовсе.

– Прежде всего катастрофическим падением инициативы и общественной активности со стороны ваших граждан.

– Вряд ли эти выводы верны. В последних выборах, к примеру, участвовало девяносто восемь процентов взрослого населения страны, разве это говорит о падении общественной активности?

– И девяносто девять процентов из них проголосовали за ваш Совет в полном составе.

– Это не имеет никакого значения. У нас единый Совет. Наличие каких-то фракций, различных программ лишь затруднит развитие нашей маленькой изолированной колонии. В других крупных поселениях такие методы, возможно, оправданны, но не у нас.

Адамов потерял к беседе всякий интерес. Казалось, иногда он почти засыпал, хотя Кленов подозревал, что это всего лишь игра, стремление показать собеседнику, как сильно тот злоупотребляет его временем и вниманием. Ему оставалось в условиях этого вежливого равнодушия добиться хотя бы самого главного. Хотя бы того, без чего он не мог продолжать здесь свою работу.

– Мне нужна лаборатория, группа хороших органиков и биологов. Распорядитесь также, чтобы ваш отдел по перемещенным лицам выдал мне все материалы по некоему Гравову. Роману Гравову. Он прибыл к вам примерно четыре месяца назад.

– Конечно, конечно! Я немедленно распоряжусь!

Сонливость председателя мгновенно исчезла. Обрадованный Адамов стремительно вылетел из-за стола для прощального рукопожатия.

– Да, и еще. Мне потребуется персональный кар с индивидуальным питанием.

– Вы можете воспользоваться моим личным. Так у вас будет меньше неприятностей с дорожной полицией. Персональные кары у нас, знаете ли, запрещены. Только члены Совета имеют право ими пользоваться, но для вас мы, естественно, сделаем исключение.

Глава 6

Впереди, за подземным причалом, ворочалась живая ядовитая масса воды. С каждым приливом она поднималась на метр и через шесть часов вновь опускалась до прежней отметки.

Шли третьи сутки изнурительного ожидания и полной неизвестности. Силы Романа были уже на исходе.

Иногда по подземной лагуне проходили странные кольцевые волны, возникало и гасло свечение каких-то микроорганизмов, способных жить в этом растворе фтористого водорода с примесью цианидов.

Роман знал, что даже кожный контакт с этой водой для человека смертельно опасен.

Приходилось признать, что он сам загнал себя в ловушку, из которой не было выхода. Вода во фляге почти кончилась. Продукты тоже подходили к концу, и если в течение двух ближайших дней ничего не изменится, ему все же придется, прежде чем он окончательно ослабеет от голода и жажды, предпринять попытку вернуться через грот. Возможно, она удастся, хотя шансов ничтожно мало.

Угнетающе действовало однообразие обстановки: неменяющееся освещение и почти полная тишина, нарушаемая лишь монотонными громкими шлепками крупных капель воды, сочившихся из какой-то трещины в потолке грота. Эти шлепки раздражали Романа больше всего. Дробясь и отражаясь вместе с эхом от сводов грота, они лезли в уши неустанно и методично. Иногда они казались ему маятником гигантских часов, отсчитывающих секунды его жизни, иногда – ударами молота по наковальне, вместо которой он все чаще и чаще ощущал свою собственную голову. И если, забывшись на несколько минут, Роман отдавался этому ритму, тот уводил его в сторону весьма странного состояния. Начинало казаться, что стены грота становятся непрочными, что они слегка деформируются, постепенно и незаметно уменьшая его жизненное пространство.

Капли все падали. Им не было ни конца ни края. Они падали так, наверное, не одну сотню лет и будут падать еще столько же, выращивая на потолке пещеры каменную сосульку сталактита. Его прах истлеет, кости превратятся в пыль, а вода все еще будет падать с потолка, и не умолкнут эти шлепки или удары. Тяжелые удары молота словно пытались разрушить стену у него за спиной.

В который раз он обернулся. За спиной кто-то, конечно, стоял. Кто-то невидимый и огромный... Впрочем, не совсем невидимый.

Тусклой линией обозначился едва заметный контур, обрисовался ярче. Постепенно линия стала наливаясь синим огнем, одновременно она становилась тоньше, а все, что попадало в нарисованную ею ослепительно замкнутую кривую, исчезало из поля зрения, наполняясь изнутри непроглядной тьмой. Роман сидел слишком близко и не мог видеть всей фигуры. Зато хорошо разбирал детали: когтистую лапу, абрис крыла, контуры огромной головы, подпиравшей потолок. Фигура оставалась совершенно плоской. Все внутри светового контура поглощала непроницаемая плотная тьма.

Роман воспринял появление светящейся фигуры как нечто вполне естественное: его состояние в этой полной изоляции рано или поздно должно было разрешиться какой-нибудь галлюцинацией. Однако существо выглядело слишком уж реально, слишком подробно воспринимались сознанием многочисленные детали.

– Кто ты? – спросил Роман, и существо, к его удивлению, ответило, хотя звука голоса он так и не услышал:

– Я тот, кого ты хорошо знаешь.

– Я тебя не знаю.

– Не помнить и не знать – не одно и то же.

– Я тебя не знаю! – упрямо, с возрастающим беспокойством повторил Роман.

– Да полно! Так ли это? А впрочем, как хочешь. Для нашей беседы это несущественно.

Вспомни хотя бы шар.

– Шар?..

– Да-да, шар! Полый металлический шар, так часто виденный тобой в ночных кошмарах.

– Откуда тебе знать о моих кошмарах?

– Может быть, я и сам оттуда. Кусок тьмы, из мира тьмы. Часть твоих кошмаров.

– Тогда уходи, откуда пришел. Я не нуждаюсь в кошмарах, ставших реальностью.

– Это не так просто. Да, в сущности, и не важно.

– Не понимаю.

– Даже если я уйду, я все равно останусь. Если не как данная сущность, так в чем-то другом. Мы многолики и вездесущи, мы умеем просачиваться, проникать и затем становиться из малого великим. Даже если не мы сами – наши мысли, желания, планы остаются вместо нас. Вселяются в ваши мысли. Искажают ваши планы. Вчера еще у вас был друг – сегодня он позавидует вам и уйдет. Ему покажется, что это вы позавидовали ему или, того хуже, обидели, не проявили должного почтения. Причин множество, результат один: все это работает на нас. Помогает увеличиваться нашей сущности и уменьшаться вашей. Рано или поздно выиграет кто-нибудь один.

– Но ведь есть же способ остановить вас, если каждый, где бы он ни находился, сделает хотя бы самую малость, ведь нас так много! Если каждый вставит хотя бы крохотное звено, получится преграда, которую вы не сможете преодолеть.

– Никогда вы этого не сделаете. Вы не способны даже осмотреться. Никто из вас, людей, не знает, где проходит граница между реальностью и сном. Вы всю жизнь живете в полудреме, некоторые из вас не просыпаются никогда. Вы ленивы, глупы и к тому же настырны. Вы не знаете пределов своим честолюбивым устремлениям, вы не знаете, где проходит граница, у которой следует остановиться. Тем хуже для вас.

– Ты пришел специально, чтобы сказать мне все это?

– Я пришел для того, чтобы напомнить тебе о шаре.

Чем дольше длилась эта необычная беседа, тем больше удавалось Роману взять себя в руки, сосредоточиться, загнать в дальние уголки сознания тот первобытный ужас, который охватил его в первые минуты появления этого кошмарного существа, словно раскаленным углем нарисованного на темной стене.

Но как только ему это удалось, черный призрак швырнул в него словом «шар»... И Роман отступил, потерял с таким трудом отвоеванные позиции, а ледяной ужас вновь выполз наружу из его сознания.

Он не желал ничего знать о шаре. Он слишком хорошо помнил сверкающую пирамиду с золотым шаром на вершине... Помнил? Нет, конечно... Видел в кошмарах, в снах... Тогда откуда эта тварь знает и почему уверена, что именно это слово?..

– Вижу я тебя насквозь, человек. Слишком хорошо знаю твои помыслы и затаенные страхи. – Он сказал слово «человек» с нескрываемым презрением, и это совершенно неожиданно помогло Роману вновь обрести уверенность.

– А кто ты сам?

– Я дейм. Но откуда тебе знать, что это значит!

– А ты объясни, не стесняйся!

– Деймы – самые совершенные существа в этой части Вселенной. Избранный народ, призванный управлять всеми остальными формами жизни.

– Кто вас избирал? Вы сами, конечно? В нашей истории появлялись иногда такие «избранные» народы, но, мне помнится, все они почему-то плохо кончали.

– Хватит болтать, ты, смердящее порождение кучи бацилл и слизи! У меня мало времени. Немедленно возвращайся на рудник! Ты слишком много бегаешь, слишком часто забываешь о своем задании!

– О задании? – Дейм говорил слишком уверенно, и Роман вновь почувствовал страх и растерянность.

– Как только вернешься на рудник, сиди тихо, жди прилета корабля землян. Мы сделаем так, чтобы тебя взяли на этот корабль. Твоя задача – вовремя оказаться в нужном месте. Любой ценой до старта ты должен быть на корабле. Об остальном узнаешь позже.

– Да кто ты такой, чтобы диктовать мне приказы, с чего ты взял, что я буду им подчиняться?

– Будешь. Вспомни о шаре. О том, что в твоей голове.

И Роман ошутил стальную круглую болванку, втиснутую ему в мозг. От нее сейчас волнами шла нестерпимая острая боль, она ломала его волю, уничтожала всякое желание сопротивляться. Судорожные спазмы сжали легкие, сердце. Он задышался, терял сознание, потом боль отпустила, исчезла совсем.

– Когда-то ты был человеком. А теперь ты ничто, нуль, козявка, не обладающая собственной волей. Мы нашли твое изуродованное тело в поясе астероидов, память еще не успела остыть, и это было все, что нужно. Такие вещи, как ты, мы конструируем десятками, по мере надобности. Это очень просто: немного слизи, чужая память, управляющий шар. Вещь, имеющая смысл лишь в пределах отведенного ей задания и исчезающая вместе с ним. – Он замолчал, давая Роману возможность осмыслить услышанное.

– Но у меня же есть имя, я чувствую себя человеком! Это ложь, чудовищная ложь!

– Даже имя у тебя чужое. Так ты будешь делать то, что тебе приказано, или мне применить третью степень воздействия и управлять тобой на расстоянии, как механической куклой?

– Я буду, конечно буду, у меня же нет выбора. – Говоря это, Роман медленно, незаметным движением достал из-за пояса лазерный пистолет и, не поднимая его, лишь развернув ствол в сторону призрака, нажал гашетку.

Фиолетовая игла луча с тихим шипением перечеркнула пещеру и уперлась в ту часть контура, где у дейма должна была быть грудь. Какую-то долю мгновения казалось, что мрак полностью поглотит и нейтрализует луч лазера, но вдруг с легким хлопком весь абрис ослепительно вспыхнул, словно его облило пламя, и контур стоящего у стены существа обрел объем. Продолжалось это ничтожную долю мгновения, как при вспышке магниевой лампы. Но следующий заряд уже повторил путь первого, и вновь на долю секунды возникла огненная скульптура. Она была меньше первой, значительно меньше! А Роман все давил и давил на спуск. В том месте, где стоял призрак, размеры вспышек продолжали уменьшаться, пока очередной заряд сконцентрированных фотонов не пролетел сквозь пустое пространство и не ударил в стену, разбрызгав во все стороны расплавленные капли базальта. Сквозь затихающий треск и вой он услышал обрывки слов, или, может быть, то был стон? Крик боли? Он разобрал лишь часть фразы:

– Ты еще пожалеешь, ты никогда не узнаешь...

Темнота, ставшая совсем плотной после ослепительных вспышек лазерных разрядов, сомкнулась над гротом, и несколько секунд Роман стоял опустошенный, без единой мысли в голове. Слыша лишь затихающий шорох и шелест, словно внутри его черепа ворочался клубок отвратительных насекомых.

Наверное, так и должно быть. Наверное, таким и бывает нормальное мышление робота с готовой программой, вещи, предназначенной на одно задание... Машинально, даже не взглянув на счетчик разрядника, он сунул пистолет за пояс. У него оставалась слабая надежда на галлюцинацию, на психический стресс, порожденный слишком долгим одиночеством, изоляцией, монотонными звуками пещеры... Он знал, что это не так, и все же продолжал надеяться, хотя понимал уже, что может убедиться в реальности происшедшего. Достаточно было зажечь фонарь и подойти к стене, в которую он только что стрелял...

Он так и сделал. И нашел след одного-единственного последнего разряда. А рядом, в стороне, виднелась четкая линия, словно выжженная в базальте неведомым художником. Контур в оплавленном камне, повторивший рисунок гигантского перепончатого крыла... Вода капала все так же равномерно и неустанно, словно ничего не случилось. Все так же шлепали в темноте большие невидимые ладони, и звук дробился, сливался с собственным эхом, порой затихал, чтобы тут же возникнуть вновь с удвоенной силой.

Послушав с минуту это равномерное и монотонное шлепанье, Роман отвернулся от стены и, сгорбившись, побрел к пирсу, туда, где расходились холодные круглые валики ядовитой морской воды. Здесь он снова остановился, словно обдумывая что-то. Но его мысли текли ровно, ни на чем не задерживаясь. Предпринимать что бы то ни было в его новом, только что открывшемся положении бессмысленно. Куда бы он ни пошел, с кем бы ни заговорил, на все он будет смотреть сквозь щели, прорезанные в стенке стального полого шара, вместившего его мозг в какой-то чужеродный управляющий механизм.

Он и раньше иногда чувствовал себя странным отщепенцем среди людей, теперь же не оставалось ни одной зацепки, связывавшей его с родным домом, да и самого дома тоже – ведь все, что он помнил о нем, оказывалось ложью или, по крайней мере, ему не принадлежало и было украдено у какого-то другого человека. Морская вода притягивала его, манила своей темной смертельной глубиной. Он подумал о том, как просто и быстро могло бы все кончиться, слишком просто... Слишком просто для тех, кто все это придумал. Он почувствовал, как растет в нем неудержимое чувство ненависти, медленно обретая форму, как появившееся темное пятно в глубине воды... Что там может быть? Дельфин, местное морское чудище? Не бывает здесь ни дельфинов, ни чудищ. В этой мертвой, смертельно опасной воде только одноединственное существо могло противостоять ее коварству... Отступив от пирса, укрывшись за выступом скалы, он достал лазерный пистолет, опустил предохранитель и еще раз с горечью подумал, что во всем этом огромном мире, заполненном множеством обитаемых планет, у него вряд ли найдется друг. И тут же сформулировал эту мысль более жестко и точно: «Вряд ли останется хоть один, кто захотел бы иметь с ним дело, узнай он о нем всю правду». Теперь оставалось лишь ждать.

Глава 7

Проводя расследование, Кленов как бы погружался в вязкое болото. Чем больше накапливалось фактов, тем противоречивее они выглядели. Пустыковая, казалось бы, задача – установить местонахождение прибывшего с Земли поселенца – в условиях Гридоса постепенно превращалась в неразрешимую проблему.

Для начала он сделал самое простое – попробовал пройти тем самым путем, с которого начинал на Гридосе Гравов. Посетил отдел трудоустройства, распределявший договорных рабочих по предприятиям и промышленным комплексам. Чиновник, явно недовольный визитом Кленова, прервавшим его сонное благоденствие, долго изучал удостоверение инспектора. Затем по селектору связался со своим руководством и лишь минут через пятнадцать выразил наконец готовность ответить на вопросы.

– Меня интересует Гравов. Роман Гравов, прибывший к вам по договору вольнонаемным рабочим. Договор категории X-два. Установите, куда он был направлен.

– У нас все учитывается. Регистрируется каждый человек. Наша фирма скрупулезно соблюдает условия заключенных соглашений.

– Я в этом не сомневаюсь. Считайте мой визит простой формальностью.

Чиновник усмехнулся, торопливо листая пластиковые перфокарты с кодами. Не очень-то он любил этих умников с Земли, прилетающих сюда в поисках легкого заработка, везде сующих свой нос, а затем бесследно исчезающих. Чужаки. Пришельцы.

– Вашему протезе была предложена категория X-два в точном соответствии с договором. Вот карточка, пожалуйста.

Найдя нужную карту, чиновник небрежным щелчком отправил ее в приемную щель компьютера и, как только на экране монитора появился невидимый для посетителя текст, стал читать через две-три строки, мгновенно отбрасывая лишнее, выбирая лишь то, что могло произвести на посетителя благоприятное впечатление.

– «Звездокруг». Туристская фирма. Оклад двести престов в неделю. Оплата, как видите, превышает обычную категорию X-два, но, поскольку платим не мы, налоговое управление смотрит на это сквозь пальцы.

– А его обязанности?

– Обслуживание клиентов. Сопровождение в туристских турне по островам. Райская жизнь. Всего два рабочих дня в неделю. Правда, прерывать турне нельзя. Переработанные дни он получал в виде отгулов. Клиенты не любят смены обслуживающего персонала. Премииальные каждый месяц, в зависимости от оценки работы гида клиентом.

– Но для этой работы, насколько я понимаю, необходимо хорошее знание местных достопримечательностей и всех особенностей ваших поселений. Как же с этим может справиться приезжий?

– Маршруты повторяются. Не так уж много у нас достопримечательностей. К тому же фирма предоставляет две оплаченные недели для обучения новичков. У них собственный гипнозал, из них готовят профессиональных гидов.

Все выглядело правдоподобно, вот только в «Звездокруге» ничего не знали о Романе Гравове. Назначение он получил, расписался в графе «согласен», и больше его не видели. Кленов никогда не злоупотреблял своими особыми полномочиями. Он вел расследование методично и по возможности корректно. Хотя назначение Гравова в фирму «Звездокруг» вызвало у него серьезные сомнения, он не стал скрупулезно проверять документацию бюро, справедливо полагая, что если уж документы здесь подделывались, то на высоком профессиональном уровне, а поскольку в его задачу входило прежде всего установить местонахождение Гравова, не стоило начинать работу с конфликта. Поэтому из бюро он отправился в главное полицейское управление.

Старший инспектор Курлянов, по совместительству выполнявший работу специального уполномоченного федерального правительства, не заставил себя ждать слишком долго. Он появился ровно через двадцать минут после назначенного времени и не счел нужным даже извиниться.

Курлянов оказался непримечательным мужчиной среднего роста, разве что выглядел слишком молодо, да чересчур бросались в глаза маленькие усики, словно специально приклеенные для того, чтобы походить на детектива из старинного фильма.

«Маскировка наоборот, – усмехнулся про себя Кленов, – и не такая уж глупая».

– Вы познакомились с моими отчетами? Получили их все? – спросил Курлянов.

– Конечно.

– Тогда я не понимаю, зачем здесь нужен специальный уполномоченный Федерации? За два года я не зарегистрировал ни одного серьезного нарушения космического кодекса в этой колонии.

– А что, несерьезные все-таки были?

– Да так, обычные мелочи. Несоблюдение некоторых правил охраны среды, нарушение тарифов и таможенных квот. Интенсификация человеческого труда. У нас тут не очень-то жалуют роботов. Вот, пожалуй, и все. Для контроля за этими нарушениями вполне достаточно установить здесь обычное бюро отдела внешних поселений, нет никакой нужды в специальном уполномоченном.

– Здесь иногда исчезают люди, сорок восемь за два года, – тихо произнес Кленов.

Курлянов принял его реплику на свой счет.

– Это не доказано! Плохо налаженный контроль за выездом еще не означает...

– Не повторяйте глупостей, которыми нас пичкают местные власти! – начав терять терпение и уже не сдерживаясь, резко проговорил Кленов. – На два года мы установили специальный контроль за въездом и выездом с планеты, проверялись все рейсовые корабли. За это время здесь бесследно исчезли сорок восемь человек!

– Они могли сменить фамилию, отказаться от компьютерного контроля. Это их право.

– Все сорок восемь? Зачем?

– Я не знаю зачем. Зато я знаю, что здесь обычное, ничем не примечательное, периферийное поселение. Глубокая провинция, если хотите. Со своим патриархальным укладом, со стремлением вести натуральное хозяйство и как можно меньше зависеть от Федерации. Вот и все. Эти люди не способны на преступления. Исчезновение людей? Я думаю, если хорошенько покопаться, их можно обнаружить на каком-нибудь «диком» поселении. Кто-то решил скрыться от слишком ретивой жены или старого друга, уехал, сменил фамилию, регистрационную карточку, растворился, исчез, перестал существовать в прежнем статусе. Я иногда думал: не последовать ли их примеру, не «исчезнуть» ли здесь самому и не доказать ли тем самым вашему управлению всю нелепость их подозрений?

– Видите ли, в чем дело, если человек сменит регистрационную карточку, то взамен одного официального поселенца должен появиться другой, и общее число их при этом не изменится...

– Вы хотите сказать, что вам удалось установить уменьшение общего количества жителей Гридоса на сорок восемь человек?

– В общем, да.

– Я в это не верю. Здесь каждый день естественной смертью умирает один-два человека. И не очень-то аккуратно они регистрируют необходимые документы. У коренных гридян существует патологическая неприязнь к разного рода бюрократическим процедурам. Не верю я в это, – повторил Курлянов, упрямо покачав головой.

– Можно верить. Можно не верить. Но расследовать мы обязаны. Именно поэтому я здесь.

– Вы собираетесь расследовать все сорок восемь случаев?

– Посмотрим. Начать я хотел бы вот с этого человека. Он пропал последним. Времени прошло немного, и все факты, связанные с ним, установить будет проще.

– Гравов. Роман Гравов. У меня хорошая память. Он не проходил по нашим картотекам.

– Это оттого, что год, после которого вы регистрируете официальное исчезновение поселенца, еще не прошел, и надпись «пропал без вести» в его карточке пока не появилась.

– Почему в таком случае вы полагаете, что он пропал?

– Буду рад, если вы сможете установить его местонахождение.

Кленов протянул Курлянову справку, полученную в отделе по распределению рабочей силы. Тот внимательно прочитал ее, нахмурился. Сделал какой-то запрос со своего пульта и, получив ответ, помрачнел еще больше.

– С фирмой «Звездокруг» нас связывают не самые лучшие взаимоотношения. Несколько раз я пытался доказать, что они занимаются контрабандой, и каждый раз вещественные доказательства исчезали, а свидетели напрочь теряли память во время официального разбирательства. Тем не менее у меня есть все основания полагать, что там происходит нечто, мягко говоря, не совсем легальное. И если вашего парня запутали в их делишки...

– Это не «мой парень». Это обыкновенный переселенец. А что у них за контрабанда, что-нибудь серьезное? Наркотики, алкоголь?

– Да нет. Всего лишь уравнил.

– Что это?

– Ах да... Все время забываю, что вы не наш. У нас об этом напитке знает каждый ребенок. Прекрасный заменитель натурального кофе, оказывает сильное тонизирующее действие на организм и к тому же абсолютно безвреден. Так, во всяком случае, уверяют медики.

Вначале Курлянов произвел на Кленова благоприятное впечатление. Осторожен в выводах, нетороплив, в меру приветлив, ровно настолько, чтобы не выглядеть поддобоострастным. К тому же у него двойственное положение. Ему все время приходится балансировать между

интересами Гридоса и Федерации... Дурак на таком месте долго не засидится. Ему нужен был надежный помощник, и он все никак не мог решить, подходит ли для этого Курлянов, можно ли ему полностью довериться. Однако у него была редкая возможность установить его истинные симпатии. Во всяком случае, он мог узнать, как Курлянов относится к странной контрабанде органики неизвестного происхождения.

– Уравнил – это напиток желтого цвета, который подают во всех кафе? Я, кажется, видел даже вывески с его рекламой.

– Дело в том, что существует два уравнила. Один – местного производства, второй – контрабандный. Контрабандный, естественно, поэффективнее, считается, что он обладает особым целебным действием, ну и цена соответственно выше.

– Таким образом, местное производство используется в основном, как я понимаю, для прикрытия контрабанды.

– Вообще-то, вы правы. Все мелкие заводчики по его производству давно скупила все та же фирма «Звездокруг». Наш Совет считает вопрос с уравнилом не подлежащим обсуждению. Я несколько раз пытался поднять его, и ничего у меня не вышло, вам тоже не советую. Такое впечатление, что «фирмачи» нашли способ всерьез заинтересовать наших законодателей, не знаю уж чем.

Курлянов казался вполне искренним, и Кленов решился наконец выложить свой главный козырь.

– Вы знаете, что в состав уравнила входит чужая органика?

– Да, сок радоского плода.

– Нет. Это не сок плода. Это что-то гораздо более сложное и серьезное. Мои специалисты бьются над его составом уже достаточно долго. Пока с уверенностью можно сказать, что туда входят неизвестные нам и, скорее всего, синтетические органические вещества очень сложного строения. По своей архитектуре они походят на человеческий гамма-глобулин, но только по архитектуре. Состав совершенно другой, и назначение этой добавки пока неясно. Ее влияние на человеческий организм может быть вообще непредсказуемо.

– Не хотите ли вы сказать, что, кроме получения выгоды от продажи контрабанды, его производители преследуют какую-то иную цель?

Все добродушие с Курлянова сняло как рукой, и он сидел, стиснув зубы.

«Что-то он слишком волнуется, и вовсе не потому, что эта новость так уж для него неожиданна...» – подумал Кленов.

– Я стараюсь не строить гипотез без достаточных к тому оснований. Я сказал все, что пока знаю. К сожалению, исследования затруднены тем, что эти вещества совершенно не действуют на животных, даже на высших. А эксперименты на добровольцах, даже на тех, кто систематически употребляет контрабандный напиток, требуют специального разрешения Совета.

– Вряд ли вы его получите, но и то, что у вас есть, достаточно серьезно. Чтобы провести такое исследование, нужны целая группа специалистов и неплохая лаборатория. Вы привезли их с собой?

«А вот этого я тебе не скажу, – подумал Кленов, растирая кисть руки, словно она у него заболела от упражнений Курлянова. – Что-то ты слишком заинтересовался историей с уравнилом, хотя, надо отдать должное, вопрос задан с видимым безразличием». Кленов уже почти не сомневался, что имеет дело с умным, хорошо законспирированным противником. «Кто за ним стоит – вот в чем вопрос... Во всяком случае, не Совет, существует какая-то другая организация, иначе бы лаборатория тебя не интересовала...»

– Исследования проводятся на Земле, в федеральном научном центре, по доставленным с Гридоса образцам. Так что мои данные могли сильно устареть. Следующий рейсовый корабль, возможно, привезет нам что-нибудь новенькое. – И это сообщение явно не вызвало у Курля-

нова особой радости. – Одного не могу понять, откуда эта контрабанда берется? – задумчиво продолжил Кленов.

– С кораблей, естественно.

– С кораблей-то с кораблей, да нет такой органики в освоенных нами мирах. Во всяком случае, центральный информаторий о ней ничего не знает. Я не верю, что какие-то гении сумели создать столь сложное органическое соединение в подпольной лаборатории только для того, чтобы потом им тайно торговать. Что-то здесь концы с концами не сходятся, да и корабли... Есть специальные детекторы для обнаружения подобных веществ. Пройти таможенный контроль службы безопасности с такой контрабандой практически невозможно, а ведь уравнил продолжает поступать на Гридос регулярно и довольно большими партиями. Может, вы мне поможете разрешить эту загадку?

– Пожалуй, я могу вам дать всего лишь совет.

– Я весь внимание. – Кленов понимал, какую опасную игру он затеял, провоцируя своего партнера (или противника?) на открытый выпад, и все же продолжал ее, потому что не видел другого быстрого способа выявить истину. Курлянов, заметив жест Кленова, растрепавшего руку, перестал стучать по столу и расстегнул ворот рубашки, словно ему стало душно. Он рисковал не меньше Кленова, понимая, что с инспекторской службой Федерации шутки плохи. Она никогда не прощала ошибок своим выявленным врагам. А инспекторами назначали, как правило, хорошо подготовленных, универсальных специалистов. Кленов казался ему опасным. Он зашел слишком далеко, слишком многое узнал и понял, так что любой ценой его следовало остановить.

– Оставьте вы этот уравнил в покое. Это наша частная проблема, к федеральным властям не имеющая никакого отношения. Сами мы с ним разберемся.

– Это не так. Есть все основания полагать, что уравнил имеет самое прямое отношение к развалу экономики Гридоса. Федерация не может себе позволить потерять одну из своих колоний, а дело может дойти и до этого. Мне кажется, здесь существуют силы, заинтересованные в подобном развитии события. Это можно проверить. Давайте вместе проведем срочную инспекцию складских и рабочих помещений фирмы «Звездокруг», я думаю, мы обнаружим там немало интересного.

– Я не могу дать санкцию на такую инспекцию.

– Почему?

– Это не входит в мою компетенцию.

– Вы же прекрасно понимаете, что если мне придется обратиться за разрешением в Совет после дебатов и затраченного на это времени, такая санкция из-за утечки информации потеряет всякий смысл.

Теперь они пристально смотрели в глаза друг другу. Словесный поединок подходил к своей кульминации.

– В таком случае вам придется от нее отказаться.

– Через месяц здесь будет «Руслан», и я смогу провести инспекцию, не прося вас о содействии.

– Естественно, но к тому времени она потеряет всякий смысл.

– Вот это я и хотел от вас услышать.

– Мне придется принять меры, чтобы известная вам информация не получила преждевременного распространения.

– Боюсь, это вам не удастся. У федеральной службы безопасности существуют свои каналы передачи служебной информации. Так что не делайте глупостей. Моя откровенность, как вы, возможно, уже догадались, была всего лишь проверкой вашей лояльности, и я на нее не пошел бы без санкции своего начальства. Подумайте об этом. Всего хорошего. – Кленов поднялся, повернулся и вышел.

И, делая каких-то два шага до двери, он чувствовал затылком свинцовый взгляд своего противника.

На улице, как всегда, лил дождь. Кленов всей грудью вдохнул влажный, густой, как вата, воздух и подумал в который уж раз, что где-то там, за облаками, невзирая ни на что, светят звезды. И если бы сейчас ему удалось их увидеть, то все равно он не смог бы отыскать на этом чужом небе звезду, которая была его солнцем. Слишком велики расстояния. Слишком много времени требуется кораблю, чтобы собраться в такую дальнюю дорогу и, разорвав пространство, на сверхсветовой скорости долететь сюда. Долго еще ждать «Руслана», слишком долго. Ему было холодно, одиноко да к тому же еще и тревожно. Он прекрасно понимал, какие силы привел теперь в действие и какой грозный и невидимый пока противник готовит сейчас свой ответный ход. «Звездокруг» всего лишь ширма, и ему очень хотелось увидеть лица тех, кто стоял за ней. Кто все это затеял, кто ввозил сюда, на человеческое поселение, медленно действующий яд, убивающий волю, инициативу, вкус к жизни. «Эликсир равнодушия» – так он назвал его в официальном документе, отправить который, несмотря на свои слова в кабинете Курлянова, он так и не сумел.

Еще он думал о Романа Гравове, бесследно исчезнувшем в том же «Звездокруге». Кто он – друг, враг, случайно запутавшийся человек? Или, может быть, все же нечеловек? Как-то все это должно быть взаимосвязано, он чувствовал, что уже близок к разгадке: нужно поднапрячься, и он поймет.

Кар стоял на противоположной стороне улицы, и ему нужно было перейти открытое пустое пространство, ярко освещенное фонарем. Улица, залитая мертвенным ртутным светом, казалась слишком холодной и пустынной. Ему стоило большого труда заставить себя сделать первый шаг, словно нужно было броситься в холодную воду.

«Слишком ты стал нервным, старина», – сказал он себе, чувствуя, как холод вместе с ветром проникает под одежду. Здесь, у полицейского управления, вряд ли они решатся что-нибудь предпринять. Исчезновение инспектора во время расследования их не устроит, придумают что-нибудь похитрее. Разве что они спешат. Разве что им любой ценой понадобится выиграть хоть немного времени – вот тогда они пойдут на все.

«Что-то они здесь скрывают, что-то чрезвычайно важное, – неожиданно понял он, – гораздо более важное, чем история с эликсиром». Эликсир был, скорее всего, лишь средством, еще одной попыткой. Наверняка не только эликсир. Саботаж, исчезновение грузов, отправленных на Гридос. Они делают все, чтобы создать условия, невыносимые для жизни этой отдаленной колонии. Все, чтобы поселение здесь оказалось невыгодным и Совет Федерации принял решение о его эвакуации. Они делают это, не считаясь ни с какими расходами. Создают липовые компании, внедряют своих людей, идут на любые преступления и ведут с нами дорогостоящую тайную войну с одной-единственной целью – не пустить нас сюда, на эту окраину Федерации, не позволить закрепиться на Гридосе. Не дать сделать следующего шага к Ангре...

У его кара мелькнула какая-то тень, или ему показалось? С той стороны высокий забор и густые деревья полностью закрыли свет фонаря, и он ничего не мог рассмотреть. Оставшиеся пять шагов он прошел медленно, готовый в любое мгновение броситься в сторону, но ничего не произошло. Кар был пуст.

Глава 8

Темное пятно в воде постепенно приобретало очертания человеческой фигуры. Роман, укрывшись за выступом скалы и не отпуская рукоятки лазерного пистолета, наблюдал за ним уже несколько минут. Медленно всплывая, человек оставался неподвижен. В полумраке Роман не сразу понял, что перед ним женщина. Видимо, она потеряла сознание, преодолевая глубоководную пещеру. Только сейчас он наконец опомнился и поспешил ей на помощь.

Лицо женщины скрывала маска с поляризованным светофильтром, зато фигура, обтянутая полимерной тканью костюма, говорила о том, что она молода и, возможно, красива.

Роман не пытался понять, почему она стремилась к этому подводному причалу из последних сил. Для вопросов не пришло время.

Сорвав маску, он полностью открыл вентиль кислородного баллона и приблизил струю живительного газа к губам женщины. В первую секунду он не узнал ее, хотя лицо и показалось Роману знакомым. Она глубоко вздохнула, застонала, но глаз не открыла. Он понял, что ничего серьезного ей уже не грозит. Обморок скоро пройдет.

Длинные черные волосы рассыпались по плечам, сливаясь с темной тканью костюма и подчеркивая белизну кожи чуть скуластого лица с волевым подбородком и темными дугами широких бровей. Неожиданно, словно пелена спала с его глаз, он вспомнил эти волосы, летящие вслед за незнакомкой в городской толпе. Это была та самая девушка-гордячка, приближаться к которой было опасно для жизни... Теперь ее голова лежала у него на коленях, и он боялся пошевелиться, чтобы не упустить мгновения невольной близости.

Совсем еще недавно, несколько дней назад, он мог, случайно встретив ее в толпе, запросто подойти к ней, заговорить... Тогда он еще считал себя обыкновенным парнем и имел на это право. Сейчас даже эта нечаянная ласка – его рука, лежащая у нее на плече, – не что иное, как обман...

«Биоробот – это конструкция из плазмы, синтетических мышц и управляющего механизма с разветвленными электрическими цепями, заменяющими нервную систему». Так, кажется? В свое время он был неплохим учеником... Конечно, он не биоробот, что-то гораздо более сложное. В своем теле он не ощущал ничего синтетического, и даже этот шар в мозгу мог быть всего лишь результатом внушения. Они могли проделать операцию с его волей и психикой, не прибегая к грубому хирургическому вмешательству. Где же в таком случае проходит граница между человеком и роботом? И кого именно следует считать человеком? По какому признаку? Человек обладает собственной волей, ему нельзя навязать команды извне... Вот тебе и принцип.

Что именно они сделали с ним, он не знал. Он чувствовал себя нормально, ему было всего двадцать восемь лет, на коленях у него лежала девушка, к которой он не имел права прикасаться, потому что не считал себя больше человеком...

Ее лицо, отрешенное от всего, казалось ему совершенным. Уста сомкнуты, глаза прикрыты... Пройдут минуты, и очарование исчезнет, она испугается, начнет говорить ненужные пустые слова, и человеческая жизнь, причастность к которой он перестал сейчас ощущать, властно ворвется под эти замкнутые, отрезанные от остального мира своды, а совершенство уходящих мгновений будет полностью уничтожено. Никогда больше он не ощутит такого полного единения с другим существом... Он не знал даже, принадлежат ли ему эти мысли, или они являются частью инородного объекта, притаившегося внутри его мозга... Он думал об этом теперь постоянно, даже сейчас, когда смотрел на тело девушки. На эту прекрасную, словно отлитую из эбонита статую. Костюм из тонкого пористого пластика лишь подчеркивал совершенные формы ее тела, не скрывая даже деталей... Не в силах сдержаться, он нагнулся и поцеловал ее в бледные губы, словно хотел вознаградить себя этой последней, украденной лаской за предстоящее отчуждение... И именно в этот момент она открыла глаза.

Ни испуга, ни отвращения, ни даже протеста не увидел он в ее бездонном синем взгляде, словно заглянул на дно глубокого колодца. Озноб пробежал по всему телу Романа от ее взгляда, в котором читались бесконечное изумление и извечный вопрос. Она приподнялась, осторожно освободилась от его руки.

– Кто ты?

Роман пожал плечами, не зная, что отвечать на этот простой вопрос.

– Ты не из россов, я не знаю тебя... – Постепенно в ее глазах появлялся не страх, нет, скорее, какое-то отчаяние. – Кто бы ты ни был, ты не слуга деймов. Ты ждал здесь наших? Почему ты молчишь?

– Я никого не ждал. Я бежал, спасая свою жизнь, попал в этот грот и вот увидел тебя. Остальное не так уж важно... Ты-то откуда здесь взялась?

– Нас выследили, взорвали лодку, все наши погибли, одна я уцелела. – В ее глазах блеснули слезы, но она тут же взяла себя в руки. – Здесь нельзя оставаться. Я думаю, теперь они знают об этом тайном пути. Скоро здесь будут слуги деймов. Придется уходить вместе, если ты не из них. – Она все еще сомневалась.

Роман не знал, что собой представляет тайный путь, о котором она говорила. Скорее всего, она приняла его за кого-то другого. Это не имело сейчас никакого значения. Ему было все равно, куда идти.

– Из этого грота без дыхательного аппарата не выбраться. Озеро слишком глубоко, и подводный проход, по которому я приплыл, не пройти второй раз, не хватит воздуха в легких. Придется тебе плыть одной.

– Моим дыхательным аппаратом можно пользоваться по очереди. Понадобится всего несколько вдохов. Я хорошо знаю этот путь.

Он удивился, что ему самому в голову не пришла такая простая мысль.

– Может быть, ты хоть скажешь, как тебя зовут?

Девушка усмехнулась:

– Надо было спрашивать раньше, прежде чем... – Она замолчала, глянула выжидающе ему в лицо. Потом все же ответила: – Меня зовут Элия.

Какое-то время Элия уверенно выбирала путь среди бесчисленных пересечений подземных штреков. В своих одиноких странствиях по руднику Роман никогда не забирался так далеко, и эта часть подземного лабиринта была ему совершенно незнакома. Судя по компасу, они находились в западной части острова и приближались к берегу. Штреки опускались все глубже, и Роман понял, что над их головами уже плещутся ядовитые волны океана. Странно, что за все эти годы вода не смогла пробиться в заброшенные штольни и не затопила их.

Они шли сосредоточенно, целеустремленно, почти не разговаривая. Все самое главное было сказано еще у озера, и сейчас, когда конкретное действие, необходимость найти выход из подземного лабиринта, подавило на время его мучительные раздумья, он не хотел снова к ним возвращаться и был благодарен девушке за то, что она отложила все свои многочисленные и вполне естественные вопросы.

По подсчетам Романа они прошли уже не менее пяти километров. Неужели здесь есть подземный проход к архипелагу? До него не менее ста километров. Им никогда не одолеть пешком по подземным выработкам такое расстояние... О какой двери, в таком случае, все время говорит Элия? Пора разобраться в этом подробнее. Он нагнал девушку и только теперь заметил, что она держалась из последних сил.

– Нужно сделать привал.

– Нет. Мы не можем терять время. Стражи никогда не ждут дольше положенного.

– Мы должны остановиться, передохнуть хотя бы несколько минут. Иначе ты вообще не сможешь идти. Ну пожалуйста, Элия... – Он осторожно, но настойчиво взял ее за локоть, и девушка подчинилась.

Пока она раскладывала прямо на крышке его рюкзака нехитрую снедь из универсальных консервированных завтраков, он решил осмотреть штрек. После встречи с существом, похожим на огненную летучую мышь, он больше не доверял этим подземельям. В нескольких местах он прикладывал ухо к полу и стенам подземных пещер, надеясь уловить едва заметное содрогание почвы или хоть какие-нибудь звуки, но все было тихо.

Когда он вернулся, Элия уже закончила приготовления к завтраку или, может быть, к обеду? Под землей время идет иначе, и даже часы не могут убедить в том, что утро давно наступило.

Девушка в его куртке, майке и импровизированной юбке, наспех сделанной из остатков водолазного костюма, выглядела вполне по-домашнему.

Если бы он мог сделать так, чтобы их совместный поход никогда не кончался... Он готов был сейчас отдать все, что угодно, даже свет солнца и запах лугов родной планеты, за иллюзию равенства, за некоторую зависимость этой девушки от него, за то, что здесь он может считать себя ничем не отличимым от нее. Хотя знал, химеры, запряганные в глубинах нашего существа, рано или поздно вырвутся на волю, на какие бы крепкие замки ни старалась запереть их наша воля. Невольный жест, поступок, может быть, интонация голоса, и она догадается, что он не такой, как все, что его психика слеплена из другого, нечеловеческого теста, что к ней добавлена чужая воля, – тогда вместо доверия возникнет испуг, а потом ужас и отвращение...

Именно этого он со страхом ждал каждую минуту в неестественном напряжении и оттого представлялся девушке отчужденным, суровым и замкнутым человеком.

Элия ела мало, лишь подчиняясь необходимости. Если бы этот человек, выбравший ее в спутницы жизни, не казался ей таким далеким, она бы, возможно, легче перенесла совершившийся вопреки всем законам приличия полный поворот в ее жизни. Если бы он хоть немного облегчил ее положение!

Ей даже в голову не приходило, что чужеземец попросту не знает важнейших законов ее общины. Губы мужчины, при любых обстоятельствах коснувшиеся губ свободной женщины, могут означать лишь одно: отныне она становится его избранницей. Он не захотел подождать, как полагалось по древнему обычаю, пока она первая сделает шаг навстречу, а вместо этого воспользовался ее беспомощным состоянием. Это глубоко задело и оскорбило ее. А сейчас вместо того, чтобы попытаться исправить положение, объяснить свое поведение, оправдаться, объяснить, почему он так поступил, – вместо всего этого он жует свои бутерброды так, словно важнее у него ничего нет в жизни! Мать была права: она всегда говорила ей, что пища имеет необъяснимую власть над мыслями и чувствами мужчин. Не успев дожевать бутерброд, он наконец заговорил с ней, но совсем не о том, чего она ждала.

– Эти стражи... – Он по-прежнему не смотрел в ее сторону, словно разговаривал с куском скалы, валявшимся в проходе. – Что они собой представляют?

– Это искусственные люди, созданные деймами.

Если бы его лицо не было повернуто в сторону от фонаря, она увидела бы, как смертельно побледнел Роман.

– Как они выглядят?

Она услышала волнение в его голосе, но так и не смогла понять, чем оно вызвано.

– Как люди.

– Они что, едят, пьют, разговаривают, любят женщин? – Теперь в его голосе слышалось раздражение, почти злость.

– Да что ты! Это просто куклы. Их заряжают на один поход или дают другое, специальное задание. Как только оно выполнено, они уже не могут двигаться. Тогда их уничтожают. Два таких стража вели нас через проход. Один ждет у двери нашего возвращения. Но не слишком долго, заряд волшебной силы, которой снабдили его деймы, постепенно ослабевают. Вот почему мы должны торопиться. Если мы опоздаем, он не сможет провести нас обратно.

– Что это за проход, куда он ведет?

– На Ангру.

– Ангра – это твой остров?

– Это мир, в котором мы живем.

– Мир? Что ты имеешь в виду? Это уже не Гридос? Там светит другое солнце? – Впервые он посмотрел ей прямо в лицо глазами, расширенными от удивления.

– Конечно. На Ангре три луны – одна с большим огненным кольцом. У нас не бывает дождей и растет розовая трава, которую так любят кросты. Тебе понравится у нас. Гридос хуже моего мира. А у вас на Земле бывают дожди?

– Бывают. Их вызывают искусственно. Но подожди, где вы берете корабль для перехода? И где он нас ждет сейчас?

– У вас тоже есть колдуны? Когда нам нужен дождь, мы обращаемся к деймам.

– Я спросил тебя о корабле...

– Я не знаю, что это такое...

– Большая лодка для полета через пространство. Только она может пронести человека от одного мира к другому.

– Для этого не нужна лодка. Нужен заколдованный страж и дверь...

– Бред какой-то! – Он обхватил голову руками, словно хотел удержать разбежавшиеся мысли. Самым удивительным было то, что он не находил в ее словах ничего невероятного, ему казалось почти естественным все, что она сказала: «Нужна лишь дверь и заколдованный страж». Все же попробовал начать все сначала: – Как выглядит эта дверь? У нее есть ручка? Ее можно открыть?

– Ну что ты! Страж входит в черную скалу и ведет за собой человека. Страж всегда идет впереди.

– Подожди. Он входит прямо в скалу?

– Да.

– И скала пропускает его?

– Конечно. Он же заколдован специально для этого.

– Прости, я забыл... И что же, человек может идти следом?

– После стража остается проход. Он светится, как голубой туман, нужно спешить, пока скала снова не станет твердой.

– Здесь, на Гридосе, есть такая скала?

– Конечно, мы же идем к ней... Ты задаешь вопросы, как ребенок.

– Прости. Земляне не умеют проходить сквозь скалы, но если здесь есть такая дверь, я хотел бы на нее посмотреть...

Слышал он о такой двери когда-то очень давно. Те, кого он хорошо знал раньше, а потом забыл, много раз говорили ему о двери, ведущей в чужие миры, и о дороге без возвращений...

– Нам пора идти.

– Наконец ты понял, как важно успеть! – Она торопливо поднялась, все вещи оказались уже разложенными по местам, он не заметил, когда она успела это сделать.

Едва они двинулись, как Роман услышал странный свист. Он доносился спереди, из туннеля, по которому они шли.

– Не шевелись, – прошептал он на ухо Элии, гася фонарь. – В этих пещерах водится много нечисти, их могут привлечь свет и движение.

– Но мне говорили, на Гридосе вообще нет животных, или ты имеешь в виду деймов?

Она ответила шепотом, и он ощутил у себя на щеке ее жаркое дыхание.

– Я не знаю, откуда они здесь берутся. Может быть, из твоей двери в другие миры. Больше их нигде нет, одно из таких чудовищ я как-то встретил здесь.

«Правда, тогда я был один и ничего не боялся», – добавил он про себя, ощупывая ребристую рукоятку лазерного пистолета.

Звук повторился ближе. Он возник на низких нотах и, пройдя через звуковой спектр, закончился на пронзительном визге. От этого визга мороз продирает по коже.

Элия прижалась к нему. В темноте он обнял ее за плечи свободной рукой. Впереди, за поворотом туннеля, вдруг замелькал слабый, едва различимый свет. Казалось, в воздухе развесили множество световых лоскутов. Величина каждого была не больше листа писчей бумаги. Светящийся лист то вытягивался в бледное, едва различимое полотно, то схлопывался в крохотную ослепительную световую точку. В этот момент раздавался едва слышный писк. Теперь они поняли, что эти звуки, отражаясь от стен туннеля и складываясь друг с другом, рождали на расстоянии странные звуковые эффекты, похожие то на вой, то на свист. Иногда в них слышались обрывки непонятных мелодий, иногда – горькая, тоскливая жалоба. Вдруг Элия вздрогнула и прошептала:

– Я их узнала... Это ночные кронты. Они питаются светом и теплом. От них нет спасения. Сейчас они нас почуют и высосут все тепло, превратят в куски льда.

– Бежим! – Он дернул ее за руку и не смог сдвинуть с места. Девушка словно окаменела.

– Бесплезно. Они летают быстрее олов. Спасения нет, не суетись, послушай! Я должна сказать тебе что-то важное... Я прощаю тебя за то, что ты сделал там, в гроте. – Ее руки нашли в темноте его голову, притянули к себе, и он почувствовал на своих губах ее горячие живые губы. Прикосновение было мимолетным, почти мгновенным. – По нашим обычаям девушка должна первой поцеловать мужчину, только тогда древний обряд имеет силу. Теперь мы не расстанемся после смерти...

– Послушай, Элия, сейчас не время говорить об обычаях. Если эти существа опасны, как ты говоришь, нужно что-то делать.

– Ты ничего не сможешь. От них нет спасения.

Огненные бабочки порхали уже совсем рядом, до них оставалось не больше трех метров. Их было много, наверное, не меньше сотни плавно порхающих огненных листочков, таких безобидных с виду. Вдруг те, что летели впереди, прекратили неторопливое порхание в воздухе и резко изменили направление полета в сторону людей. В их движениях появились целеустремленность и резкость. Буквально через секунду они уже были на расстоянии вытянутой руки, и только теперь Роман по-настоящему ощутил ток опасности, исходивший от этих существ. На них пахнуло ледяным холодом, словно из дверей огромного холодильника. Совершенно рефлекторно, не надеясь на положительный результат, Роман приподнял руку и выстрелил из лазерного пистолета в налетающую стаю бледных световых вампиров. Тонкий, как игла, луч пронесся между ними, не задев ни одного, уперся в противоположную стену и полыхнул там ослепительной фиолетовой вспышкой. Раскаленное добела пятно расплавленной породы ярко засветилось в темноте, и сразу же вся стая бросилась к нему и жадно приникла к раскаленной породе, слилась с ней... В воздухе пещеры не осталось ни одного светляка.

– Скорее! – вновь крикнул он Элии, почти силой отдирая ее от стены. – Скорее, пока они заняты...

Проскользнув мимо тускнеющего на глазах круга, молодые люди бросились вдоль штольни, прочь от кошмара.

Глава 9

Планета Занда-Фе в Галактике, которой не могло быть ни на одной звездной карте Земли, выглядела мрачно и одновременно величественно.

Гагая вместе со своим спутником Велоягом только что вышел из пространственной двери, соединявшей множество параллельных миров, и теперь они неторопливо шли по дорожке кристаллического сада.

На черной грани переходника еще не погас огненный контур, напоминавший своими очертаниями гигантскую летучую мышь. По поверхности каменного параллелепипеда змеились и гасли ветвистые искры.

Угасающий звездный карлик едва освещал поверхность планеты красноватыми лучами. Сад, простиравшийся во все стороны на десятки и сотни километров, был так же мертв, с точки зрения существа из человеческих миров, как и вся остальная поверхность планеты. Здесь росли лишь кристаллы. Фиолетовые шестиметровые друзы, наполненные изнутри светом заходящего солнца, чередовались с мрачными кристаллами ориона. Их сменяли причудливые наплывы полупрозрачного розового оникса. И впереди, прерывая дорожку, перед идущими предстала изящная пергола, сплетенная из пенистого кружева дендридов.

Здесь было их любимое место раздумий. В этом месте они вынашивали планы захвата новых миров, решали дела, связанные с управлением старыми владениями. Здесь выносились приговоры непокорным народам и порой решалась судьба целых планет.

Угрюмые владыки, правившие сотнями обитаемых миров, молча вошли в перголу. Столь обширная власть имела и оборотную сторону. Империя деймов была так велика, что власть ее правителей постепенно растворялась в необозримых пространствах Вселенной. Десятки миров рождались и умирали в ее глубинах, так и не успев узнать, кому они принадлежат.

Велояг, почтительно наклонив голову, наконец решился прервать раздумья своего именитого спутника жизни.

– Ат-Баяг считает, что я не был достаточно старателен.

– Да, мы оба теперь не в почете. Я добровольно согласился разделить с тобой изгнание и удалился от двора.

– Они не должны были поручать столь низменное задание мне, владыке третьей категории.

– Но ведь ты не справился с поручением Ат-Баяга. В этом они правы.

– Я не мог знать, что червеки обладают огнем такой силы! Он обливал меня огнем раз за разом, а от нас так мало остается при переходе в их проклятые миры! Если бы я не ушел, ты бы сейчас не говорил со мной!

– Я знаю. Ты сделал все, что мог. Именно поэтому я не одобрил их решение. – Гагаяг замолчал и нахмурился. Игра света, отраженная призмами ближайших кристаллов, следуя его настроению, померкла и перешла в кроваво-красные тона. – Есть лишь один способ справиться с мирами червеков. Как ты думаешь, что держит дверь на их планете Ангра в системе наших миров?

– Этого я не знаю. Этого я никогда не понимал.

– Да. Для этого нужна великая сила. Пойдем, я покажу тебе кое-что...

Гагаяг поднялся и решительно вышел из перголы. Велояг едва успевал за его размашистым нервным шагом. Концы крыльев, волочившиеся за ними по песчаной дорожке, оставляли на ней заметные борозды. Они шли довольно долго. Сад, раскинувшийся в необъятной долине на сотни километров, в этом месте постепенно перешел в узкое ущелье. Вскоре его стены сомкнулись над головами идущих. Теперь они шли по пещере, поражающей воображение своими размерами. Красноватые глаза владык улавливали мельчайшие отблески излучений и не нуждались в освещении. Они видели каждую мелочь в окружавшем их каменном лабиринте.

Наконец пещера кончилась. В глубине, там, где сходились вместе грани плоских стен, лежало нечто, похожее на опрокинутую каменную чашу. Они подошли ближе и остановились на почтительном расстоянии.

– Что ты чувствуешь? – спросил Гагаяг.

– Не знаю... Стены чаши слишком толсты, но, мне кажется, сквозь них пробивается запах смерти.

– Ты прав. Сейчас мы увидим то, что было сокрыто здесь многие тысячи лет. Смотри же! – Гагаяг громко произнес заклинание. Поверхность чаши хрустнула и распалась на две половины. Велояг попятился, хотя на первый взгляд внутри не было ничего особенного. Всего

лишь друга из двух кристаллов, один из которых излучал мерцающий красный свет, другой светился зеленым огнем.

– Не бойся. Пока они вместе, они безопасны, но стоит их разлучить...

– Что это?

– Огни Кассандры. Слышал о них?

– Легенды, предания... Неужели они существуют на самом деле?

– Их посадил мой дед. Десять тысяч лет мы удобряли эту землю порошком из толченых зубов дракона, поливали ее мертвой водой, и вот теперь они созрели.

– И они в самом деле способны изменить мир?

– В чем главная сущность мира?

– Сущностей много...

– Ты прав, но есть одна, неизменная для всех миров. Повсюду материя отражает сама себя, словно смотрится в зеркало смерти... Через каждую вещь можно провести четкую грань, разделяющую ее на две одинаковые половины. Симметрия – вот закон, общий для всей Вселенной. А теперь подумай, что случится, если разрушить или слегка изменить, пусть даже на самую малость, главную сущность вещей...

– Вещи начнут разрушаться.

– Или изменяться... Никто еще не видел, как это происходит. Никому не удавалось вырастить огни Кассандры – мне это удалось. Свет – признак зрелости. Он появился совсем недавно, всего лишь тысячу лет назад. Теперь их можно использовать. Раньше здесь росло четыре кристалла. Два из них... Впрочем, это неважно.

– Но использовать их опасно!

– Конечно опасно! Великое – всегда опасно! Мир содрогнется перед нами. Везде, куда упадут лучи этих огней, воцарятся хаос и смерть.

– Почему они разные?

– Потому что все в мире имеет свою противоположность. Красный свет уменьшает размеры вещей за их левой невидимой гранью, зеленый увеличивает правую сторону. Деформированный, искаженный мир рушится. Ничто не может устоять перед этим оружием. Их лучами можно сокрушать замки и города, раскалывать планеты, как орехи, тушить солнца.

– Но неужели ты хочешь подвергнуть их ужасному воздействию наш собственный мир?

– Только если меня к этому вынудят! Я думаю, у червеков хватит благоразумия отказаться от бессмысленной борьбы.

Красные и зеленые всполохи смертоносных огней попеременно освещали высокую фигуру Гагаяга. Казалось, он стал выше, чешуя на его груди блестела бесчисленными радужными огнями.

– Что еще они могут?

– Разъединенные, они искривляют пространство. Их сила притяжения друг к другу так велика, что они способны пробить туннель между нашим миром и миром червеков.

– Так вот почему Ангра...

– Молчи. Это величайшая тайна.

– Я слышал, древние архи когда-то владели огнями Кассандры.

– Не повторяй глупой лжи, изобретенной моими завистниками. Огни Кассандры посадил мой дед. Если ты повторишь еще раз подобную выдумку...

– Я молчу, Великий. Я уже молчу!

Кленов включил индикатор и провел лучом вдоль всей поверхности кара. Ничего постороннего, кроме обычных подслушивающих устройств. Может быть, они не успели? В любом случае теперь этой машиной пользоваться опасно. Она слишком заметна. После разговора с Курляновым все чрезвычайно осложнилось. Он надеялся найти в нем помощника, а приобрел

опасного врага. Выясняя его взгляды, пришлось пожертвовать кое-какой информацией, чтобы «вызвать огонь на себя». Ну вот, он его вызвал!.. Теперь действовать придется с удвоенной осторожностью.

Самым разумным сейчас было оторваться от наблюдателей, осесть на тайной конспиративной квартире, о которой не знали местные власти, и затаиться там до прилета «Руслана». Возможно, он так бы и сделал. Если бы не Гравов. Его след может вывести на таинственных противников Федерации, умело остававшихся до сих пор в тени, прикрывшихся целой цепочкой подставных второстепенных лиц.

Если отложить поиски Гравова до прилета «Руслана», вряд ли они что-нибудь найдут. Еще один пропавший без вести колонист его не устраивал, и именно поэтому, осторожно скользя в густую тень деревьев, он оставил председательский кар посреди улицы, решив, что общественный транспорт для него теперь более безопасен.

Путь, который он собирался проделать в этот промозглый вечер, был недалек. Ему предстояло пересечь весь город, чтобы добраться до высокого здания из стекла и бетона, обнесенного высоченным забором с силовой защитой. Странное украшение для туристской фирмы... Скорее всего, Курлянов их уже предупредил. Однако вряд ли они ждут визита инспектора сегодня ночью...

Пересаживаясь с маршрута на маршрут, он не особенно заботился о невидимых наблюдателях. В том, что они есть, он ни на минуту не сомневался, но не сомневался также и в том, что пока электронные передатчики типа «жучок», вделанные в его плащ во время визита к Курлянову, исправно работают, ему нечего опасаться слишком пристального внимания к своей персоне. В его плане отрыва от наблюдения этим «жучкам» отводилась важная роль.

В последний раз поменяв маршрут, он решил, что видимость «запутывания» следа соблюдена достаточно. Можно было приступать к выполнению основного плана.

Старая колымага на магнитной подушке кряхтела и постанывала на поворотах, на ее обшарпанных, исцарапанных стенах сохранились автографы многочисленных пассажиров. Плохо закрепленные сиденья скрипели при каждом толчке. В этот поздний час на маршруте, идущем от центра города к рабочему поселку, пассажиров оказалось немного. Какой-то усталый человек дремал перед Кленовым. Полностью занятые друг другом молодые люди перешептывались на заднем сиденье. Четверо пассажиров только что сошли, среди оставшихся он не заметил никого подозрительного. Пора было начинать. Плащ он снял еще раньше и, скатав его в тугий сверток, держал на коленях. Им придется пожертвовать. Не было времени выискивать в его многочисленных складках маковые зернышки передатчиков, закрепленных в раздевалке полицейского управления.

Как только маршрутный кар подошел к очередной остановке, он резко поднялся. Сойти следовало здесь, следующая будет уже «Звездокруг». «Забытый» плащ остался лежать под сиденьем. Вряд ли его там скоро обнаружат.

Кленов спрятался от дождя под низеньким стеклянным грибком остановки. Кар ушел, вокруг не было ни души. Пронизывающий холодный ветер неприятно обдувал спину. Минут через пять показалась маленькая полосатая машина, которую он заметил на предыдущей остановке. Его расчет оправдался. Теперь его отсутствие в маршрутном каре будет обнаружено не скоро. Агенты наверняка вели его по лучу оставленных в плаще передатчиков. Во всяком случае, у него в резерве полчаса, прежде чем за него возьмутся всерьез.

Чтобы сэкономить время и согреться, он сделал небольшую пробежку. Остановившись перед зданием фирмы на противоположной стороне улицы, Кленов подождал с минуту, изучая обстановку и внимательно всматриваясь в проходную у высоких литых ворот. Охраны не было видно. Вряд ли она здесь есть вообще. Пользоваться сторожами считалось несолидным. Фирма наверняка дорожит своей репутацией и вынуждена полностью положиться на электронику. На этом и строился его главный расчет. Во все матрицы охранных автоматов, изготовленных на

Земле, вводился особый код. Это держалось в строжайшей тайне, и пользоваться кодом разрешалось лишь в самых исключительных случаях. Обнаружить же его в сложнейшей программе было практически невозможно. Электронные матрицы из столицы рассылались на все поселения Федерации. Автоматы печатали по их образцу схемы, собирали из них блоки, и никто не знал, что благодаря секретному коду человек может остаться незамеченным и пройти сквозь самые сложные охранные устройства. Надо лишь располагать небольшим прибором, содержащим кодовый набор импульсов... Кленов отрегулировал свой наручный индикатор, включил передатчик кода и быстро перешел улицу. Перед самой проходной он остановился и с надеждой посмотрел наверх. Ничего, кроме ключев грязного водянистого тумана, не было видно... Он тяжело вздохнул и окинул взглядом стылую громаду здания, словно оценивал рост и силы противника, стоящего перед ним. Он прекрасно понимал, что может не вернуться оттуда и все его предприятие похоже скорее на жест отчаяния, чем на хорошо подготовленную и спланированную операцию.

Если бы не Гравов, он бы никогда не решился на нее, но теперь поздно раздумывать... Он направил невидимый луч передатчика на дверь проходной.

Стоит там оказаться хоть одному устройству, изготовленному не по земным чертежам, и завоет сирена тревоги, но все было тихо. Только тени столбов скрещивались на воротах да летел ему в лицо из мрака не прекращавшийся ни на секунду дождь.

Он решительно толкнул дверь и вошел внутрь проходной. Контрольный турникет уступил без малейшего сопротивления. Дежурный автомат недовольно заурчал, когда он пересек лучи его датчиков, но послушно открыл вторую дверь. Теперь он уже был на территории фирмы.

Абсолютно нелегально, если следовать букве закона. Любой охранник мог его здесь попросту пристрелить. Если у них все-таки есть охрана... Оставалось лишь надеяться на удачу. Двор показался ему огромным, здесь было еще холоднее, чем на улице. Перед перекрещивающимися лучами прожекторов, сверкавших с высоты контрольных вышек, он чувствовал себя абсолютно голым.

Стиснув зубы, Кленов заставил себя идти неторопливо. Уверенность, естественность поведения сейчас единственное его оружие. Возможно, прежде чем стрелять, они захотят выяснить, кто проник на охраняемую территорию и почему идет по ней так, словно имеет на это право... Двор остался позади, однако стеклянные вращающиеся двери здания не шелкнулись, когда он надавил на них плечом. Холодный пот струился между лопаток. Если эта проклятая дверь не откроется, автомат, который ею управляет, подаст сигнал тревоги и он окажется в ловушке. Кленов попробовал еще раз и только теперь вспомнил об узком луче передатчика. От его толчков тревога могла включиться в любую секунду. Он проклинал себя за глупость и одновременно водил лучом по двери, нащупывая выходные отверстия контрольных замковых датчиков.

Наконец что-то громко щелкнуло в глубине вестибюля, и бесцветный металлический голос у него над головой произнес: «Контрольная проверка закончена, данные совпадают. Вы можете открыть дверь». Это еще что за новости? Ему некогда было раздумывать. Дверь поддавалась наконец его усилиям. За спиной громко лязгнул автоматический замок. Он стоял в абсолютно темном вестибюле и впервые с тех пор, как попал во двор, перевел дух.

Слабый свет пробивался из-за его спины сквозь прозрачную дверь. Глаза немного привыкли к полумраку. Впереди горой вздымалась широкая лестница, укрытая ковром, а где-то справа виднелись овальные кабинки пневматических лифтов.

Проще всего, конечно, было бы подняться на лифте на самый верхний, двадцать второй этаж, а затем, спускаясь, постепенно осматривать все здание. Но лифты могли контролироваться каким-нибудь автоматическим устройством, не попадающим под действие его луча.

Подойдя ближе к лестничному пролету, он понял, что в здании есть и подземные этажи. Прежде всего нужно было найти картотеку. Кленов нашупал на поясе крохотный фонарик.

Собственно, картотека могла находиться где угодно... Хотя, скорее всего, она в приемной, чтобы дать возможность чиновникам фирмы быстро и незаметно установить, с кем они имеют дело. Даже если сама картотека расположена в другом месте, все равно там должны быть соединенные с ней дисплейные пульта... Теперь, по крайней мере, он знал, что надо искать. Парадный проход, богато обставленный вестибюль – все это могло произвести впечатление на впервые пришедшего сюда простака. Там и тут бледным лунным светом горели под потолком небольшие ночные светильники, и это помогало ему ориентироваться в путанице переходов. Наконец он нашел самый широкий центральный коридор, заканчивающийся богато разукрашенной двустворчатой дверью. Приемная могла быть здесь. Надписи, как обычно, не было. Днем над дверью загоралось зеленое окно информационного дисплея со всеми нужными указаниями. Сейчас оно было серым и пустым.

Ему не хотелось вламываться еще в одну дверь. К счастью, она оказалась попросту незапертой.

Небрежность или приманка для непрошеного ночного посетителя? Что бы там ни было, сейчас он это узнает. Одна из створок, уступая его усилиям, медленно пошла в сторону, открыв перед ним широкий овальный зал с рядами полукруглых диванов и длинной конторской стойкой. Он нашел то, что искал. За стойкой, напротив прорезанных в бронестекле окошечек, стояли столы с компьютерными терминалами. Двери из зала на ту сторону не было. К счастью, стекло возвышалось не до самого потолка. Пододвинув диван и взобравшись на его спинку, ему удалось дотянуться до верхнего края. Остальное было нетрудно: Кленов перемахнул через стойку и спрыгнул вниз. Удар подошв по пластику пола прогрохотал в ночном помещении, словно пушечный выстрел. На несколько секунд присев у стойки, он ожидал вполне возможного сигнала тревоги, но все было тихо.

Оставалось включить терминал и, разобравшись во входных данных и кодах, послать запрос в центральную картотеку. Рядом с дисплеем он обнаружил пластиковую табличку, значительно облегчившую его задачу. Терминал, не рассчитанный на программиста, был приспособлен к возможностям обычного среднего чиновника. Не прошло и минуты, как на дисплее вспыхнула первая страничка текста: «ГРАБОВ РОМАН ФЕДОРОВИЧ. 28 ЛЕТ. ХОЛОСТ. ПОСТОЯННОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ НЕ ИМЕЕТ. ПРИБЫЛ ИЗ ФЕДЕРАЦИИ, ВОЛЬНО-НАЕМНЫЙ, КАТЕГОРИЯ ДОГОВОРА Х-2». Дальше шли пункты и условия найма. Это он пропустил. В последней графе значилось: «Предварительная проверка на Мортоне». Что бы это могло значить? Не теряя времени, он набрал на клавиатуре слово «Мортон», а затем знак вопроса. Сразу же вспыхнуло сообщение: «Мортон, остров, координаты 32–48. Мерлитовый рудник, основная добыча приостановлена, опасен для жизни, старательская артель, проверка благонадежности, изоляция... Лица, направляемые на Мортон, официальной регистрации не подлежат...» Теперь он знал все, что нужно. Почти все...

Глава 10

Шорох, шум, скрежет, потом какой-то глухой удар донесли до слуха Романа из глубины штольни, по которой они теперь шли. Ему казалось, что, в спешке уходя от тепловых вампиров, они потеряли ориентацию и свернули в боковой туннель. Элия с ним не согласилась.

– Понимаешь, вампиры никогда не улетают слишком далеко, их тела легко проходят сквозь пространство, для этого им даже не нужен проводник, они летают из мира в мир, куда хотят, но в наших мирах они чувствуют себя тяжело и никогда не улетают слишком далеко от двери, она должна быть совсем рядом.

– Откуда ты знаешь? Можно подумать, ты видела этих вампиров раньше.

– К нам на Ангру они залетают довольно часто и сразу же убираются обратно. Старейшины говорили, что наш мир слишком тяжел для них, – наверное, там, откуда они прилетают, все выглядит по-другому.

– Меня беспокоит этот шум позади, как будто течет вода...

– Я ничего не слышу...

– Штольня все время понижается, и если вода где-то прорвалась, это очень опасно.

– Почему ты думаешь, что вода прорвалась именно сейчас? Дверь действует не один десяток лет, и никогда раньше ничего не случилось.

– Потому что кому-то очень не хочется, чтобы мы нашли эту дверь.

– Что им до нас?..

– Помнишь, я тебе показывал тень на скале, оплавленный контур крыла...

– Конечно. Там был дейм.

С терминологией они испытывали явные затруднения: иногда одни и те же предметы, места требовалось называть по-разному несколько раз, чтобы уяснить, о чем идет речь.

– Хорошо, пусть будет дейм. Это существо обладает надо мной какой-то властью. Оно сказала, что, если я не подчинюсь, мне будет очень больно, что в голове у меня есть нечто... – Он не знал, как сказать ей об этом, как продолжить. – Какая-то область, шар... – Наконец он набрался мужества произнести это слово. Теперь он боялся даже взглянуть в ее сторону. Он ждал ответа, презрения, насмешки. Он не знал толком, чего именно, но услышал лишь недоуменный вопрос:

– Ну и что? Что ты ему ответил?

– Я ощутил нечеловеческую боль в голове, потом выстрелил из лазера несколько раз, и он ушел.

– Деймы умеют и не такое.

– Но он сказал, что я козьявка, куча слизи, что мною можно управлять на расстоянии, как роботом!

– Деймы умеют многое, но им никогда нельзя верить. Если бы это была правда, разве бы ты стоял сейчас здесь? Почему они не начинают свои команды, если обладают такой властью?! – Девушка стояла, гордо выпрямившись, повернувшись лицом к боковой стене. Ее голос звенел в пустой штольне, отражаясь от стен. Казалось, она бросала вызов неведомому врагу, притаившемуся внутри каменных стен, и словно в ответ ей донесся шум еще одного глухого удара, от которого вздрогнули стены и пол завибрировал под ногами. Только потом пришел низкий, дрожащий звук, многократно раздробленный бесчисленными поворотами каменной пещеры.

– Это похоже на взрыв... Скажи мне, эти стражи, охраняющие дверь, на что они похожи, как выглядят?

Девушка отвечала глухо, не глядя ему в глаза:

– Это куклы. Грубо вылепленные куклы, едва похожие на человека. У них нет даже лица. Только волшебная сила деймов, данная на один раз. Ее хватает на день, иногда на неделю или месяц. Им дают только одно задание. Как только волшебная сила уходит, они вновь превращаются в мертвых кукол... Почему ты спросил? Ты думаешь...

– Нет. Это было бы слишком просто, слишком легко. Деймы умеют красть души людей. Над таким человеком их власть незаметна, и лишь иногда... – Он смаковал, повторяя раз за разом только что открытую и такую, в сущности, простую истину: за роботом не нужно устраивать сложную охоту, роботу достаточно отдать приказ, а он человек, что бы там ни говорило это порождение мрака.

Шум воды за их спинами между тем нарастал.

Они бежали вдоль штольни. Теперь она пошла круто вверх. Ноги то и дело соскальзывали по поверхности камня, проваливались в какие-то рытвины. Иногда попадалась коварная мелкая осечь, и тогда двигаться вперед становилось совсем трудно. Элия окончательно выби-

лась из сил, временами ему приходилось нести на руках постепенно слабевшую девушку. Грозный шум воды у них за спиной стал отчетливо слышен, вот-вот должна была наступить развязка. Роман понимал, что на такой глубине, на какую они опустились, у них нет ни малейшей надежды на спасение. Напор прорвавшейся воды будет слишком мощным. Скорее всего, их попросту разобьет о стены первым же валом...

Штольня выпрямилась, изогнулась, луч фонаря уперся в преграду. Это был тупик. В первые мгновения сознание, отказываясь принять очевидность, мучительно искало выход. Но его не было. Возвращаться бессмысленно, до настигавшего их потока оставались считанные десятки метров. Прямая штольня, по которой они шли уже несколько часов, уперлась в сплошную монолитную скалу. Свет фонаря тонул в ее матовой шероховатой поверхности...

Монолит казался вплавленным в стены пещеры. Ни сверху, ни с боков не было видно ни малейшей трещины. И вдруг Элия прошептала:

– Кажется, мы дошли, мы все-таки успели!

– О чем ты?

– Это же дверь, перед нами дверь! Неужели ты не видишь?!

Он не видел ничего, кроме глухого скального монолита.

– Стражей нет. Мы все-таки опоздали. Или они их увели – это уже не важно. Нет стражей – значит нет двери. Вместо нее остается непробиваемая скала... – В голосе Элии звучало отчаяние. Шум воды нарастал, и стены пещеры вибрировали в такт с могучим, стремительно несущимся потоком.

Бывают в жизни мгновения, когда человек ощущает в себе силы, о которых не подозревал раньше... Возможно, это было одно из таких мгновений, возможно – только что сделанное открытие, независимость от чужой воли придала Роману уверенности, а может быть, причина была совсем в ином.

Реконструкция его личности, проделанная когда-то деймами, неожиданно принесла результаты, на которые они не рассчитывали. И силы, заложенные в него для темных дел, можно было повернуть и в обратную сторону...

Ничего этого не знал Роман, он лишь ощущал в себе крохотный путеводный огонек надежды, подсказывавший, как и что нужно делать.

– Нам не нужны стражи... – неожиданно для себя самого сказал он Элии. – Нам не нужны стражи, – еще раз повторил он, словно желая лишний раз утвердиться в этой мысли.

Раскинув руки, он приник грудью к скале, прижался к ней изо всех сил, словно хотел передать ей стук собственного сердца. И скала услышала, ответила ему. В ее глухой вибрации он ощутил неизмеримую силу космических потоков. Некий огромный организм, протянувший свои артерии от звезды к звезде, на мгновение привиделся ему. Сверкнул и пропал образ бесконечных звездных дорог, и тогда он понял, как это делается, вспомнил так, как вспоминают об этом иногда люди, умеющие летать во сне.

Он отошел от стены на шаг. Что-то появилось у него в лице такое, что испугало Элию, и она отшатнулась от него. Но он властно перехватил девушку, привлек ее к себе.

– Нет! – крикнула она. – Я не хочу, ты не такой, ты не можешь!

– Могу, – только и сказал он. А руки уже сами собой сорвали пояс, и он туго привязал к своей спине вырывающуюся Элию. – Да успокойся же ты! Не мешай мне! Неужели ты не понимаешь, как это трудно!

И девушка вдруг затихла, превратилась в недвижный груз у него за спиной. Тогда он вздохнул глубоко раз, другой, набрал полную грудь воздуха и шагнул вперед в скалу, как будто не видел ее, шагнул так, как шагают за порог двери.

Упругий темный ветер ударил в лицо Роману, и настало долгое падение. Он летел в пропасть сквозь хоровод звезд, и лишь на секунду в мозгу вспыхнуло переплетение звездных

путей. Одна ниточка показалась ему светлее остальных, он выбрал ее. Почти сразу же в лицо ударил другой, живой ветер, и нога ощутила под собой опору.

Он сделал второй шаг. Теперь уже наружу. Он стоял на твердой поверхности, освещенной заходящим синим солнцем. За его спиной вздымался серый параллелепипед скалы. Тень от него лежала низко, под самыми ногами.

Глава 11

Собственно, теперь можно было и уходить. Кленов узнал больше, чем рассчитывал, не следовало искушать судьбу. И все-таки, когда он благополучно выбрался из приемной, миновал коридор и вновь спустился в вестибюль, где лестница разъединялась на два пролета, один из которых уходил в подземные этажи, он задержался, не зная, как поступить. Если они скрывают здесь нечто важное, то оно, скорее всего, находится там, внизу...

Прямо перед ним светлеет квадрат выходной двери, а за ней освещенная ртутным светом ламп пустыньность двора. Ему еще предстояло преодолеть все это, а времени до рассвета оставалось совсем немного. Грош цена полученной информации, если он не сумеет вернуться. И все же он никак не мог оторвать руку от лестничных перил и сделать решающий шаг вглубь вестибюля.

Он стоял неподвижно в пустом ночном холле, в здании чужой фирмы, на счету которой немало махинаций и темных дел. Уже только поэтому, если его здесь обнаружат, ему наверняка придется туго. Он и так зашел слишком далеко и сейчас чувствовал за спиной одну лишь пустоту. Ему не на кого здесь положиться, некому доверять, и у него нет помощника. Зато он знает теперь, где находится Гравов. Но это, в сущности, так мало проясняет историю с Гридосом. Анализ собранных за последние дни данных дал ему возможность почувствовать, пока только интуитивно, какие могущественные силы стояли за теми, кто саботажом, наркотиками, уравнилом старался не дать возможности закрепиться здесь еще такой слабой человеческой колонии, располагавшей всего несколькими городами и десятком лет истории...

Видимо, немаловажные причины заставили их проявить себя открыто... Курлянов, фирма «Звездокруг» – он чувствовал, как близка разгадка. Если он сейчас уйдет, возможно, через много лет о нем скажут: «У него был шанс, один-единственный, он выпал именно этому человеку, так уж случилось по неведомому стечению обстоятельств. Но он не использовал этого шанса, и никто уже не смог исправить последствий его минутной слабости...»

Его не станут винить. Ни у кого не возникнет на это права. И все же... Именно он, Леонид Кленов, мог бы сегодня узнать, кто они такие, черт побери, и каким образом сумели проделать совершенно необъяснимую штуку с поселенцами Гридоса.

Эликсира для этого маловато... Да и не сделаешь с помощью эликсира такого, как Курлянов, – активного и умного врага.

Значит, был иной способ проделать это с человеком в обществе, в котором вот уже добрую сотню лет деньги не имели практического значения, а материальные блага могли удовлетворить любые, даже самые изощренные потребности... Значит, был способ привлечь члена такого общества на свою сторону. Кого? Этого он не знал. Но дорого бы дал, чтобы узнать, каким образом ныне мертвый Роман Гравов превратился в того Гравова, в котором он не заметил ничего особенного, которого сам, своими руками, отправил на Гридос и помог осуществлению целей врагов Федерации.

Никто даже не упрекнул его за это, не напомнил. Теперь он сам себе напомнил и, медленно повернувшись, слегка согрившись, пошел вниз, старательно глядя под ноги, не поднимая головы, чтобы не видеть светлого квадрата входной двери, чтобы не передумать в последний момент.

Выходы двух первых подземных этажей закрывали бронированные стальные двери. Скорее всего, здесь были склады или что-нибудь подобное. Затворы не поддавались его усилиям, наверное, кроме электроники, там использовались древние механические замки.

Не рискуя тратить на них время, он пошел еще ниже. На шестом пролете лестница кончилась странной дверью, похожей на вход космического вакуумного шлюза. Над бронированными заклепками горел контрольный огонек дежурного охран-автомата. С ним он справился быстро, но за первой дверью оказалась вторая. В центре ее он увидел механическое устройство в виде четырех круглых стальных колес со спицами. Под ними виднелись окошки с цифрами. Механический кодовый замок, он знал об этих старинных конструкциях. Когда-то их употребляли в сейфах – стальных ящиках с ценной документацией, но потом из-за малой надежности от них отказались. Даже на практических курсах по исторической механике их не знакомили с этими устройствами. Он почти физически ощущал, как уходили от него считанные и такие драгоценные секунды этой ночи. Несмотря на то что первая дверь осталась открытой, в тамбуре все равно было душно и тесно. Он не мог даже распрямиться, все время приходилось сидеть на корточках. К замку могла быть присоединена какая-нибудь примитивная сигнализация, не поддающаяся воздействию нейтрализующего луча его радиопередатчика. Он все никак не мог решить, что ему нужно делать.

Наконец Кленов вынул из кармашка на поясе лазерный карандаш – свой любимый инструмент и одновременно не такое уж плохое оружие. Маленькая серебряная палочка почти не занимала места, но обладала одним существенным недостатком – небольшой емкостью энергоаккумулятора. Для грубых работ по резке металла этот инструмент не годился, однако с его помощью он определил приблизительную толщину металлической плиты, защищавшей дверь. Она равнялась почти целому дециметру. Если это титанит, то ему не помог бы здесь даже стандартный лазер. Похоже, что-то очень важное прятали за этой дверью...

Он взялся за одно из четырех колес, выбора все равно не было, придется попробовать открыть замок и на практике убедиться, есть ли там сигнализация. Постепенно наращивая усилия, он попытался повернуть колесо, но оно не поддавалось. Только теперь он догадался взглянуть на окошечко над ним и увидел большой ноль. В остальных окошечках темнели двойка, восьмерка, тройка, но счетчик колеса, которое он пытался повернуть, стоял на нуле. Возможно, там есть ограничитель? Он попробовал повернуть колесо в противоположную сторону и сразу же почувствовал, как оно подалось. Громкий металлический щелчок за дверью заставил его вздрогнуть, но ничего больше не произошло, зато в окошечке, где только что был ноль, появилась единица.

Теперь он довольно быстро установил, что колесо вращалось в одну сторону до тех пор, пока в окошке не появлялась девятка или ноль. Нужную комбинацию из четырех колес при девяти цифрах в каждом он будет искать до конца жизни. Оставалась последняя надежда. Каждый из механизмов настроен на определенную цифру, и в момент ее появления должно происходить какое-то включение, скорее всего механическое. Соответствующий штифт входит в предназначенный ему зазор, и этот процесс должен сопровождаться звуком, конечно неуловимым для простого человеческого уха, но у него был универсальный анализатор... Вряд ли через такую толщину плиты он что-нибудь регистрирует, однако, если присоединить его непосредственно к металлу, вибрация может дойти до датчика... Сняв браслет и плотно примотав его к одной из спиц, Кленов повторил операцию поворота от нуля до девятки. Несколько секунд приборчик задумчиво гудел, словно решал невероятно сложную задачу. Наконец в окошечке появилась мигающая цифра восемь.

«Сомневаешься? Я тоже сомневаюсь... И все же придется пробовать».

Последовательно проделав то же самое со всеми колесами, он получил предположительный код замка 2830 и установил все колеса в нужное положение. Ничего не произошло. Следовало еще нажать расположенную ниже защелку-ручку – вот тогда-то, если прибор ошибся и

он неправильно набрал код, наверняка включится вся охранная автоматика. Мерцание цифр в окошке анализатора говорило о том, что вероятность ошибки очень велика.

Кленов снял браслет и совсем уж было решил нажать защелку, как вдруг ему в голову пришла мысль, что код может быть не цифровым: цифры могли обозначать порядок букв в алфавите, и тогда у него получится слово из четырех букв, причем не из всяких, а только из первых десяти, если ноль считать тоже. Кстати, непонятно, где его ставить – впереди или в конце алфавитного ряда? Наверное, все же впереди. Если так, то у него получится: «вига». Слово ему не понравилось своей неопределенностью, незавершенностью. Если в замке действительно заложен буквенный код, он должен получиться осмысленным, легко запоминающимся, он в этом почти не сомневался, иначе буквенный набор получился бы совсем хаотичным.

Скорее всего, анализатор ошибся в какой-то одной-единственной букве. Он попробовал разные варианты, заменяя последовательно каждую из букв полученного набора. Созвучия вязли на зубах, какие-то «дика», «кига», «фига» – все это было не то, совсем не то... И вдруг, как выстрел, в мозгу прозвучало слово «виза». «Виза» – древнее слово, обозначавшее документ, дающий право пересечь границу государства... Больше он не раздумывал, лишь заменил в окошке третьего слева колеса тройку на семерку и сразу же нажал защелку. Дверь сама поехала в сторону, словно только и ждала этого простого завершающего движения. Кленов ощутил встречный ток спертго воздуха. Внутреннее давление было выше, и не зря на входе установили двойную дверь. Кленов поспешно захлопнул ее за собой.

Он стоял у входа в огромный длинный зал, совершенно пустой, если не считать небольшого стола, пристроившегося слева от входа. Фронтальная стена, плохо освещенная, казалась непропорционально высокой. С нее спускались до самого пола серые драпировки, совершенно неуместные в этом просторном зале с высоким потолком и драгоценного дерева паркетом, покрытым, правда, толстым слоем пыли. Из-за этой вековой пыли и полного отсутствия мебели зал производил заброшенное впечатление.

Но не станут же прятать за такими дверьми с секретным засовом никому не нужный пустой зал... «Что-то здесь должно быть или было», – тут же поправил он себя, стараясь сдержать разочарование.

Медленно, ни на что уже не надеясь и не заботясь о следах, Кленов пересек зал. Его шаги гулко отдавались под сводами, словно он шел по старинному музею. Он пересек зал и остановился перед стеной, затянутой драпировками.

Их было сорок или пятьдесят. Каждая со своим отдельным шнурком, позволявшим отвести в сторону любую из штор, не трогая остальных. Что там, за ними, – старые фрески? Он не интересовался живописью, но потянул за первый попавшийся шнурок.

В неглубокой нише виднелась картина. Ему захотелось повернуться и уйти. Возможно, он так бы и сделал, но свет под потолком стал ярче.

Наверное, автомат, регулирующий освещение, реагировал на движение драпировок. Теперь он отчетливо видел картину.

На ней была изображена обнаженная женщина в полный рост и натуральную величину. Картина производила неприятное, совершенно не вяжущееся со стройным силуэтом женской фигуры впечатление. Он не сразу осознал, в чем причина этого ощущения, поскольку его внимание отвлекли круглые металлические заклепки, столь неуместные на светлой, почти живой коже изображения. Их было штук пятнадцать, разбросанных, казалось, без всякого порядка по всей картине, и от каждого металлического кружочка уходила в сторону тоненькая, едва заметная паутинка провода.

Вначале провода показались ему нарисованными, но, подойдя ближе, он понял, что они настоящие, и это поразило его больше всего. Заклепки тоже отсвечивали натуральным металлом. Кленов попытался дотянуться до одной из них, но картина висела слишком высоко. Изображение не имело ни рамки, ни фона, словно кто-то наклеил переводную картинку на пустую

голую стену. Теперь он понял, в чем заключалась диспропорция в изображении. Собственно, это была не картина, а абсолютно точная геометрическая проекция человеческого тела на плоскость, передающая каждую мелочь. Только все оказалось в непривычных местах, не там, где нарисовал бы это художник, всегда стремящийся сохранить на своей картине ощущение объема и жизни. Лицо женщины, бледное, без кровинки, с синевой под глазами и плотно сомкнутыми веками, еще больше усиливало жуткое впечатление. Кленов протянул руку и задернул штору. Несколько минут он стоял неподвижно, тупо уставившись на ее серые, похожие на саван складки.

Ему потребовалась изрядная доля мужества, чтобы решиться отдернуть следующую штору.

За ней оказалась точно такая же проекция, но только мужского тела. Он наконец справился со своими чувствами и сумел детально рассмотреть картину. На первый взгляд лицо на портрете показалось ему знакомым, потом он решил, что это просто обман зрения. Плоскую маску невозможно было узнать, она не походила ни на одно человеческое лицо, и все же... Эти усики, этот маленький зигзаг шрама под левой скулой... Если бы Кленов не был инспектором службы безопасности, он не обратил бы внимания на почти незаметный шрам. Но его зрительную память специально тренировали на подобные незначительные мелочи. Он помнил шрам, он даже вспомнил, что у Курлянова шрам был справа, а не слева. Возможно, поэтому в первый момент он его не узнал. Кому понадобилось снимать подобные изображения с живых людей, для чего? Что за паноптикум здесь собран?

Кленов подошел вплотную к картине и, подсвечивая себе фонариком, стал ее рассматривать под разными углами. Изображение казалось слегка утопленным в материал стены и вместе с ней покрыто блестящим лаком или какой-то защитной пленкой. Местами сквозь него просвечивала фактура стены. Кленов переключил свой портативный анализатор на видеозапись и провел открывшимся кристаллом крошечной видеокамеры вдоль картины. Его очень интересовали металлические нашлепки, похожие на какие-то датчики, но с этим он решил разобраться позже. Сначала нужно было закончить съемку всех картин. Их оказалось сорок. Среди них два женских изображения и шесть знакомых ему мужских лиц, но зато каких! Здесь были председатель Совета гридской колонии, два его заместителя, начальник отдела снабжения, начальник отдела переселенцев и комиссар сил безопасности, или, как его здесь именовали, комиссар местной полиции Курлянов.

Каждая картина находилась в отдельной нише, и еще двадцать таких ниш пустовало. Кленов почти полностью заполнил кристалл памяти своего прибора, зато теперь в любой момент мог воспроизвести всю эту кунсткамеру до мельчайших деталей.

Наконец можно было заняться датчиками. Чтобы добраться до них, пришлось воспользоваться столом, стоявшим у стены при входе. Стол оказался необычным. С двух сторон, напротив друг друга, к нему намертво были прикреплены два сиденья, и вся эта конструкция легко передвигалась на небольших колесиках.

На столе стоял неизвестный ему прибор, чем-то напоминавший уменьшенный компьютерный терминал, только без дисплея и с толстым пучком проводов, заканчивающихся небольшими острыми наконечниками.

На пульте прибора он насчитал тринадцать клавиш, помеченных греческими буквами алфавита. Кроме аппарата, на столе не было ничего, что могло бы объяснить назначение этого странного устройства. Решив, что прибор подождет, он покатил стол к изображению Курлянова. Этот человек интересовал его больше всего, даже больше, чем председатель Совета Гридоса Лин Адамов.

Как только он влез на стол, его лицо оказалось примерно на одном уровне с лицом Курлянова. К голове изображения в разных местах крепились восемь из двенадцати металлических бляшек. Идущие от них полоски проводов на краю картины исчезали, огибая плоскость изоб-

ражения. В самих бляшках, величиной с небольшую пуговицу, он рассмотрел теперь маленькие отверстия. По одному в центре каждой. Казалось, бляшки не имели к картине непосредственного отношения. Он потрогал их выпуклую поверхность и ощутил легкое покалывание электрических разрядов. Это уж было совсем странно. Кленов включил анализатор и обвел им вокруг бляшки. В стене не было ничего постороннего. Никакой краски, никакой синтетики. Получалось, что сама картина либо соткана из материала стены, либо вообще не существовала как материальное тело. Анализатор определил вес бляшки и ее состав. Сталь, около пяти граммов. Дальше во все стороны простиралась однородная стена. Скорее всего, загадку изображений ему не решить, здесь надо подключать специалистов. И все же он медлил, понимая, что случай может не повториться...

В конце концов он попробовал основательно ковырнуть стену в нижней части картины, чтобы отделить для анализа хотя бы маленький кусочек того странного материала, из которого были сделаны картины. Но тут его ждало разочарование. Штукатурка уступила его усилиям, и изрядный ее кусок оказался у него в руках. Вот только никакой краски на ней не было. Не было даже следов изображения – ровная и чистая поверхность...

На самом же изображении, где он отколол штукатурку, ничего не изменилось. Правда, инструмент теперь словно бы прокалывал изображение, погружаясь в образовавшуюся выемку в стене, но не оставляя на самом изображении никакого видимого следа. Получалось, что к стене изображение попросту не имело отношения и существовало само по себе. Это была какая-то проекция... Но откуда она проецировалась, с помощью какой аппаратуры? Ведь в зале не было ничего, кроме стола, на котором он стоял. И странного ящика с клавиатурой, тут же поправил он себя. Он сел за стол и, обхватив голову руками, уставился на стоящий перед ним прибор.

«Что же у меня получилось? – спросил он сам себя, пытаясь подвести хоть какой-то итог сделанным наблюдениям. – Изображение, похожее на проекцию неведомо чего и неведомо откуда идущую. Изнутри стены они ее проецируют, что ли? Но если бы в стене были скрыты какие-то устройства, анализатор немедленно бы их обнаружил. Ерунда какая-то получается, полная ерунда и ни одной конструктивной мысли. Разве что... Разве что все дело в этом приборе...» Он пододвинул к себе маленький пластмассовый ящичек с выступающей из него клавиатурой, и по поверхности стола протянулся длинный жгут проводов. Проводов, которые заканчивались небольшими острыми наконечниками, похожими на миниатюрные соединительные вилки... А что, если металлические кружочки с отверстиями, расположенные на картинах, как раз и служат приемными устройствами для этих вилок?

Он вскочил, взял один из проводов, отделил его от остального пучка, подошел к картине и убедился в верности своего предположения. На наконечнике даже был выдавлен значок греческого алфавита, в данном случае это была «гамма». Такую же «гамму» он заметил на одном из металлических кружочков. Это уже было кое-что. Вилка плотно вошла в гнездо и осталась там, удерживаемая скрытой пружиной. Теперь не составило особого труда разобраться и в остальных проводах. Вскоре все они были присоединены к своим гнездам. Изображение оказалось как бы связанным с настольным пультом тринадцатью разными проводами. Все это было прекрасно, вот только по-прежнему оставалось совершенно непонятным, для чего все это нужно.

Он походил сейчас на пловца, в темноте пытавшегося определить дорогу в подводном гроте, и так же ощущал на себе глухое темное сопротивление водяной массы, не желавшей пропустить его к заветной цели. Если прибор каким-то образом осуществлял проекцию всех этих изображений без подключения проводов, то для чего нужны были тогда сами провода? Опять вопросов получалось больше, чем ответов.

Работа инспектора приучила Кленова к максимальной осторожности. Один опрометчивый шаг в неясных обстоятельствах зачастую приходилось оплачивать слишком дорого. Поэтому, прежде чем давить на клавиши прибора, он еще раз внимательно осмотрел аппа-

рат со всех сторон и неожиданно обнаружил на поверхности панели возле каждой клавиши какие-то надписи на неизвестном языке. Переписав их все, он затребовал перевод от центрального информатория, и вскоре перед ним уже лежала начерченная его рукой «говорящая панель» прибора. Над центральной красной клавишей красовалось слово «энергия». Ну это более-менее понятно. А вот следующая надпись над синей клавишей выглядела более загадочно: «овеществление». Дальше шли «зрение», «слух», «осозание», «обоняние», «двигательные рефлексы», «речь», «вкусовые ощущения», затем были еще и «зоны». «Зона солнечного сплетения», «зона копчика» – и где-то в самом углу желтая клавиша с надписью «болевого шок». Оставалось все это попробовать.

После нажатия клавиши «энергия» прибор загудел, а на панели зажегся зеленый светодиод. Кленов нажал следующую клавишу с самой загадочной надписью «овеществление» и уставился на картину. Там было на что посмотреть. Изображение налилось красками, приобрело фактуру живой кожи. Тогда он надавил клавишу с надписью «двигательные рефлексы» и замер. Зрелище было не для слабонервных: фигура на стене слегка заколебалась и вдруг, сделав шаг вперед, остановилась перед краем ниши. А затем, неуверенно нащупывая перед собой дорогу, словно спускаясь по невидимой лестнице, двинулась вниз. Когда она подошла к самому столу, Кленов попытался отодвинуться вместе со стулом, но стул не сдвинулся с места. Через минуту плоская тень человека в жутком молчании сидела перед ним. Кленов спросил:

– Кто ты?

Тишина оставалась такой же полной. Тогда он на ощупь нашел на пульте клавишу с надписью «речь», надавил ее и повторил вопрос.

Ему ответил динамик, скрытый в пластмассовом ящике с клавишами:

– Вонялрук.

Он не понял, что означает это сочетание звуков, и повторил вопрос еще раз.

– Вонялрук. Так есть мое ями – имя. Трудно довереп – перевод. Изнанка. Зеркало. Обратное время. Обратное аволс – слова. Другая материя. Игна. Анти.

– Антимир... Параллельный мир, проекция из параллельного мира, – прошептал Кленов, но собеседник услышал и понял.

– Это есть правильно, лелларап.

– Что вы хотите от нас? Зачем вы здесь?

– Заставляют. Межом ен виторп итди.

– Ты можешь влиять на поступки своего двойника из нашего мира?

– Я есть он. Он есть я. Мы одно.

– Значит, можешь... Кто вас заставляет? Кто они, какие, как выглядят?

– Кто есть ты мас?

Он не успел ответить. Скрипнула дверь, и голос, усиленный мегафоном, прогремел в пустом зале, как гром:

– Сдавайтесь, Кленов! Сопротивление бесполезно!

Он обернулся, у шлюзовой двери стояли четверо с лазерными автоматами в руках. Сопротивление бесполезно. Они правы. Вот только информация... Слишком ценная для Земли информация находилась в его руках. Он бросился на пол, повернувшись спиной к тем четверым. Он слышал уже глухие хлопки лазерных выстрелов, видел летящие у него над головой брызги расплавленного металла, и за эти оставшиеся у него ничтожные доли секунды ему надо было успеть незаметно вырвать из анализатора видеокристалл...

– Прекратить огонь! – прогремел микрофон, но они уже задели прибор на столе.

Изображение двойника померкло, растворилось на глазах. Кленов глянул в пустую нишу и, прежде чем рядом с его головой взорвалась петарда с усыпляющим газом, успел разглядеть сквозь наползающий на сознание туман, как медленно появился на старом месте двойник Курянова, готовый к новым экспериментам.

Глава 12

Очнулся Кленов в каюте катера. Оглушительно ревел водометный магнитный двигатель, суденышко нещадно швыряло на крутой волне. Кленов лежал, накрепко притянутый ремнями к подвесной койке. Действие усыпляющего газа еще сказывалось, мысли текли заторможенно. Он никак не мог вспомнить – успел ли проглотить видеокристалл? Инфора с анализатором на руке, естественно, не было. Ну, это им мало что даст. Электроника, лишенная его биотоков, через полчаса превратится в серый порошок.

Раз он жив до сих пор, избавляться от него в ближайшее время, очевидно, не собираются. У них другие планы. Интересно бы узнать – какие?.. Натянув ремни на запястьях, он с трудом дотянулся рукой до лица и растер лоб. Голова гудела, но мысли постепенно прояснились. Этот катер... Его, наверно, решили упрятать подальше от столицы. Ну это мы еще посмотрим. Вряд ли они верно оценивают все его возможности. Служба безопасности не зря тратила долгие годы на тренировку своих людей. Перед глазами все еще стояло видение плоского человека, перекинутого через сиденье стула, словно кусок холста... Он не успел задать ни одного толкового вопроса, не успел почти ничего понять в его ответах – петарда с газом взорвалась слишком быстро. Параллельные миры... Что о них знает современная наука? Правило Лоренца? Симметрия пространства? Но это же чистая теория... И все же... Он напряг память.

СРТ-теорема утверждает, что любые процессы в природе не изменятся, если одновременно провести три преобразования: перейти от частиц к античастицам, Вонялрук говорил об антимире... И если считать, что это условие выполнено, то следующим будет пространственная инверсия... Иначе говоря, правое должно стать левым. Зеркальное отражение нашего мира. Шрам на подбородке Вонялрука он обнаружил с правой стороны и долго думал, как он туда попал, но тогда ничего так и не понял, решил, что ему изменила память. Последнее, третье условие СРТ-теоремы требует замены обычного времени на обратное. По мнению теоретиков, соблюдение этих трех условий характеризует параллельный мир. Есть в этой теории лишь одна заковыка. Одна сложность. Если время в параллельном мире течет обратно нашему, такие миры не могут пересекаться. Вернее, могут, но один-единственный раз в одной-единственной точке. А если это так, то может быть бесконечное множество миров, следующих мимо друг друга на перекрестках времени... В каком-то из них существует Вонялрук, пригвожденный к стене, играющий роль механической куклы и являющийся, скорее, лишь средством управления живым человеком...

Если они сумели это проделать, значит в определенной точке пространства им удалось остановить время... Нулевое время, время без времени. Пожалуй, это единственный способ контакта параллельных миров, и если он кем-то осуществлен... У него кружилась голова от сделанного открытия, потому что, если оно верно, вся их Галактика, вся Вселенная превращалась в крошечный шарик, ничтожную точку, частицу в бесконечном потоке пространств... А если кому-то удастся связать их между собой? Пробить между ними каналы? Могущество цивилизации, которая это сделает, станет поистине беспредельным...

Он услышал шаги и, насколько позволяли ремни, повернулся к люку. По трапу с гаденькой улыбочкой спускался Курлянов. Он нес поднос, заставленный пищей и пластиковыми бутылками с уравнилом.

– Инспектор, кажется, пришел в себя? Доброе утро. Как вам нравится уровень нашего обслуживания? В знак уважения к дорогому гостю завтрак ему сервирует сам шеф полиции.

– Перестаньте паясничать, Курлянов. УВИВБ никогда не оставляло без последствий насильственные действия над его сотрудниками.

– УВИВБ далеко, инспектор, слишком далеко. Здесь окраинная колония. Рейсы всего раз в полгода, да и те нерегулярны. Довольно часто их отменяют, и к тому же на Гридосе, как

вы знаете, иногда исчезают люди. Вот и вам на время придется исчезнуть. Вы влезли в дела, которые вас не касаются. Я вас предупреждал.

- Вы имеете в виду людей, превращенных в настенные манекены?
- Это не люди. Это тени, проекции другого мира.
- А в том, другом мире разве они существуют?
- Тот мир для нас с вами не более реален, чем мир теней.
- Однако в нем есть ваш двойник.
- Ваш тоже.

Кленов вздрогнул, об этом он как-то не успел подумать. И теперь слова Курлянова об исчезновении людей вдруг приобрели для него новый зловещий смысл.

– Ну хорошо. Оставим пока в покое двойников из параллельного мира. Давайте лучше поговорим о делах нашего.

Он был слишком взволнован, и слово «параллельный» вырвалось как-то само собой – стоило на секунду ослабить контроль. Слово, которое не должно было звучать в этом словесном поединке. Курлянов сразу же нахмурился.

– Параллельный?

– Ну пусть «другой», «анти», «симметричный» – какая разница, как он называется. Пока что Федерация не знает, где он находится, но не сегодня завтра координаты станут известны, и тогда вам несдобровать, вам и вашим покровителям. Кстати, вы не хотите облегчить свою участь чистосердечным признанием? Кто за вами стоит? Кто придумал, организовал и устроил эту невидимую диверсию, саботаж и фактическое уничтожение целой колонии?

– Вы имеете в виду Гридос?

– Я имею в виду вашу судьбу, судьбу тех, кто ее связал с такими, как вы, и те сотни невинных, которых вы обрекаете на бесчисленные лишения, обманывая, обкрадывая, лишая родины и семьи. – Он говорил все, что приходило в голову, лишь бы оскорбить его посильнее, лишь бы подогреть эмоции, вызвать взрыв. Только так можно было замаскировать не к месту вырвавшееся слово, заставить забыть, увести в сторону... На последнем курсе у него были неплохие оценки по психологии.

– По-моему, вы переигрываете. Вам нужно думать о собственной судьбе. Не бойтесь, инспектор, это не так уж страшно. Время просто теряет для вас всякое значение. Кстати, почему вы решили, что это мой двойник, а не я – его? Молчите? Над этим стоит подумать, не правда ли?

Он ослабил путы у Кленова на руках, а те, что стягивали ноги, заменил металлическими браслетами. Поставил на столик у изголовья поднос с едой и, не сказав больше ни единого слова, вышел.

Кленов чувствовал себя нелучшим образом в этой железной душной коробке, увозящей его в неизвестность.

Он приподнялся, сел, взял поднос. Судя по всему, силы ему пригодятся в самом ближайшем будущем.

Еда была сухая и очень соленая. Почти механически он потянулся к бутылке с уравнилом и сразу же ее отодвинул. Этого они от него не дождутся.

Он едва не выдал Курлянову своей догадки о пересекающихся мирах... Хотя, возможно, это не так уж важно. Вероятнее всего, Курлянов и сам не до конца понимает, в какой игре его используют.

Если существует директивная связь через управляющий аппарат из зала «Звездокруга» с двойниками параллельного мира, то это имеет смысл лишь в том случае, если воздействие на психику управляемого двойника немедленно отразится на человеке нашего мира, на нужном им человеке... Ведь психическое поле этих полных двойников должно быть единым, и

воздействие на одну его половину немедленно отразится на другой... Человек из нашего мира может и не догадываться, какому глубокому изменению подвергается его психика...

Ведь ему наверняка передаются не конкретные мысли и ощущения двойника, а лишь общий настрой, деталей он может не знать. Хотя Курлянов, похоже, знает... Очевидно, такое полное приобщение к делам и планам врагов происходит позже, когда объект полностью подчинен воле его хозяев... Картина получалась страшной, но вполне правдоподобной. Курлянов говорил, что время теряет всякое значение... «Вряд ли с моим двойником вам удастся справиться так просто...» – подумал он, стараясь заглушить леденящий страх.

Катер дернулся, и почти сразу по трапу застучали подошвы тяжелых ботинок. Двигатель работал на холостом ходу. Куда-то они, кажется, приехали...

Вошли двое угрюмых матросов в униформе, один из них снял браслеты с ног Кленова. Второй держал в согнутой руке лазерный пистолет.

Судя по их замкнутым, ничего не выражавшим лицам, Кленов понял, что эти люди способны выполнить любой приказ, и потому беспрекословно подчинился требованию подняться на палубу. Катер стоял у причальной стенки небольшого острова. На палубе в накидке из темного серовила и в форменной фуражке неподвижно стоял Курлянов. Проходя мимо, Кленов спросил:

– Как называется место, куда вы меня привезли?

– Остров Мортон.

Не оборачиваясь, Кленов пошел к трапу, и Курлянов продолжил, обращаясь уже к его спине:

– Вам придется пробыть здесь неопределенное время. До прилета вашего корабля, во всяком случае.

В его голосе Кленову послышались почти извиняющиеся нотки.

«Мортон, Мортон», – дважды повторил он про себя название острова, спускаясь на мокрый от непрерывной дождливой измороси причал. Ему нужно было вспомнить что-то такое, что было связано с названием острова. О Романе Гравове он помнил все время. Факт его отправки на Мортон не требовал усилий памяти, но были еще какие-то важные моменты, связанные с картинным залом и с именем Гравова.

Кленова никто не встречал и не провожал. Матросы остались на палубе, катер развернулся и исчез в облаке водяных брызг и напозавшего с моря тумана.

Кленов остался посреди пирса совершенно один, и никто его не торопил. Это было хорошо, потому что перед глазами у него встала «картинная галерея» «Звездокруга».

Он видел ее так, словно прокручивал на видеозэкране отснятую кристаллом программу. Лица проплывали одно за другим... Он видел эмиссаров враждебной Земле цивилизации, сорок человек, чьи слепки хранились за металлическими дверями фирмы «Звездокруг». И только одного лица не нашел он среди них. Лица человека, которого считал своим главным противником и который интересовал его сейчас больше всего.

Там отсутствовало лицо Гравова.

Глава 13

Две недели в роли каторжника или, вернее, члена старательской артели острова Мортон показались Кленову слишком уж длинными.

Ему выдали кирку, отвели место в заброшенном бараке, назначили напарника... Уже через несколько дней стало ясно, что главная цель, ради которой он без сопротивления позволил упрятать себя на Мортон, недостижима.

Роман Гравов вновь ускользнул от него, и на этот раз, если верить Кжану, навсегда.

Многодневная гонка оказалась безрезультатной. Похоже, ему никогда не удастся разгадать тайну личности этого человека, или «объекта», как он называл его в последнее время. Роман Гравов исчез в подземных лабиринтах Мортон и уже не представляет для Земли никакой угрозы. Загадка его двойника, найденного мертвым в разбитой космической шлюпке на астероидах юпитерианского пояса, так и останется неразгаданной.

Об одном он жалел – ему так и не удалось посмотреть в глаза этому парню и спросить его о том, что заставило его надеть человеческую личину как маску? Кто он был на самом деле? Какие цели преследовал? Кого считал своими друзьями?

Ничего этого уже не спросишь, следовательно, пора возвращаться.

Информация, которой он располагал, с каждым днем теряла часть своего значения. Постепенно на Гридосе исчезнут все следы враждебной деятельности. Исчезнет зал с картинами, исчезнет и сама фирма «Звездокруг». Они заметут следы, и ничего он не сможет доказать. Не поможет даже кристалл с видеозаписью, который он хранил теперь как зеницу ока. Власти Гридоса докажут, что это подделка. Он уже сталкивался с подобным случаем.

Всю работу придется начинать сначала, и еще неизвестно, что из этого получится, потому что теперь противник примет все необходимые меры предосторожности. Нужно как можно скорее выбираться с острова.

С бывшим напарником Гравова с первого дня у него сложились хорошие отношения. Для побега ему понадобится надежный помощник. И он решил довериться Крестову.

– По-моему, вы оба вместе с твоим Гравовым чокнутые. Сколько раз тебе говорить – с острова бежать невозможно. Здесь все предусмотрено. Можно лишь уйти под землю, как это сделал Гравов. Уйти, чтобы никогда не вернуться. Ты этого хочешь? – Крестов раздраженно отшвырнул кирку, вытер пот и устало опустился на грудь пустой породы. Дневную норму они не выполняли уже вторые сутки.

– Почему мне все время не везет с новичками? Почему именно я должен с ними возиться?

– А вдруг тебе на этот раз повезло? – Кленов обезоруживающе улыбнулся. Опасаясь подслушивающих устройств, свободно разговаривать они могли только в забое. – Ты говорил мне как-то, что не сам побег является проблемой, а наши дальнейшие действия.

– Да, я говорил и повторяю снова. Поселения на планете малочисленны, каждый человек на виду, полицейская служба наблюдения поставлена прекрасно. Нас обнаружат через два дня и вернут уже не на Мортон. Здесь есть места и похуже.

– Все это я прекрасно знаю, но ты ведь, кажется, штурман?

– При чем здесь это? – Он услышал в его голосе плохо скрытое раздражение.

– А при том, что мне надо вернуться в столицу Федерации.

– Наполеоновские планы? И как же, интересно, ты собираешься туда попасть без корабля?

– Корабли на Гридосе есть.

– Да, есть. Я их видел. Две старые колымаги, которые используются для челночных рейсов на спутники, на большее они уже не годятся.

– Не скажи. Один из них бывший разведчик.

– Ты-то откуда знаешь?

– Да уж знаю. Должность у меня такая.

– Это какая же, интересно?

– Инспектор службы УВИВБа.

Долгое молчание повисло в штреке. Было у Кленова одно нерушимое правило: выбирая себе напарника для участия в какой-нибудь операции, он ничего от него не скрывал. Либо он полностью доверял человеку, либо нечего было и начинать разговор. Теперь он терпеливо ждал ответа, понимая, как много от него зависит.

– А почему я должен тебе верить? – спросил Крестов, критически оглядывая шуплую фигуру Кленова. – Откуда я знаю, что ты не полицейский агент?

– А ты представляешь особый интерес для полиции? Настолько большой, чтобы вести с тобой сложную игру?

– Да нет, пожалуй...

– Документов, как ты мог догадаться, у меня здесь нет. Я вот верю, что ты штурман звездолота, хотя диплом ты мне не показывал. Идешь ты со мной или собираешься до конца дней сидеть на этом острове?

– Я бы, пожалуй, остался... Но однажды я отказал одному сумасшедшему. Он ушел один и не вернулся. С тех пор меня гложет совесть: может быть, если бы мы были вместе...

– Ты имеешь в виду Гравова?

Кжан кивнул и тяжело вздохнул.

– Однако прежде тебе придется изложить свой план, и, если в нем нет хотя бы десяти шансов на успех из ста, я откажусь.

– Десять шансов там есть наверняка, возможно, и все пятьдесят. – Кленов отцепил сумку с инструментом, отложил ее в сторону и прислушался. Тишина в штреке стояла такая, словно они находились на Луне. – Что ж, слушай! Так или иначе, мне одному с этим не справиться, и, если ты передумаешь, придется искать что-нибудь другое. Прежде всего мы должны будем захватить ранкер.

– Ну, это совсем просто! Они здесь за каждым камнем!

– Не так уж сложно. Вспомни, что здесь началось, когда Гравов ушел в подземелье, устроив всю эту заваруху, ты сам мне рассказывал.

– Да. Здесь поднялась изрядная суматоха. Прилетело шесть полицейских машин, и будь у меня тогда хороший напарник...

– Не так уж трудно повторить то, что сумел сделать один мальчишка. И к моменту, когда прилетит полиция, мы уже не будем безоружны и нас будет двое. Здесь не меньше шести охранников. Все они вооружены, хотя старательно это скрывают.

– Думаешь, ты один такой наблюдательный? С того дня, как исчез Гравов, они не расстаются с лазерными пистолетами ни на минуту.

– Вот и давай это используем. Утром, с началом работ, им всем приходится рассредотачиваться. Наверху остается не больше троих, иногда даже двое.

– Двое вооруженных против двоих безоружных?

– Ну, меня кое-чему все же учили в школе инспекторов.

– Влипну я с тобой в историю... – Крестов покряхтел, поплевал на руки, подобрал свою кирку и задумчиво начал ковыряться в груди пустой породы. Кленов его не торопил, понимая, что к такому решению человек должен прийти самостоятельно. Наконец Крестов раздраженно отложил кирку и обернулся: – Чего молчишь-то, когда начинаем?

– Завтра утром и начнем, зачем откладывать? Время дорого, да и готово у меня все. В этом штреке найдется пара рюкзаков со всем необходимым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.